

Илья Аксаментов

ВОТ ТАК

ВОТ

ВОТ ТАК

ВОТ ТАК

ВОТ ТАК

ТАК

ВОТ ТАК

ВОТ ТАК

ВОТ ТАК

Илья Аксаментов

ВОТ ТАК

Описанные ниже события правдивы. В них нет выдумки. Они происходили в реальности и, к несчастью, происходят по сей день. Это судьбы мальчишек и девчонок, которые могут жить в вашем городе, на вашей улице и, возможно, в вашем дворе.

Мы были...

Эпитафия на могиле

двух погибших

двадцатилетних парней

Осенние холода начались неожиданно резко и так же резко закончились. Октябрь снова вернул, казалось бы, навсегда ушедшее лето, растаял выпавший уже снег, подсохла земля. Хотя понятно, что не надолго. Все-таки октябрь.

Тем не менее Михаил Дмитриевич и Надежда Антоновна решили еще на пару недель остаться жить на даче.

— Люблю я это время, Надя, «пышное природы увяданье». Смерть тоже по-своему красива.

— Как там Коля один будет? — женщина была менее склонна романтизировать естественный ход событий.

— Ой, брось, Надя, обычно будет, как всегда. Нужны мы ему... Тем более, взрослый уже стал, студент; девочку, поди, какую приведет.

— Вот именно. Дело-то быстрое, нехитрое, кашу потом эту расхлебывать кто будет?

— Не фантазируй, — Михаил Дмитриевич махнул рукой. — Что там расхлебывать? Да они лучше нас с тобой все понимают. И вообще, он взрослый уже, пусть сам живет, учится. И чего ты подняла этот вопрос? Давай лучше обедать, есть охота.

Надежда Антоновна кивнула.

— Сейчас, Миша, — она подошла к плите, подняла крышку с кастрюли, откуда сразу повалили клубы ароматного пара. — И в понедельник после работы домой обязательно заехать надо — посмотреть, денег оставить, приготовить чего.

— Заедем, заедем, не волнуйся.

На дачу они переезжали жить в мае и оставались там до холодов, пока не отключали воду. Дом был добротный, бревенчатый, срубленный на совесть. Три комнаты, печка, камин. В нем можно было и зимовать, о чем Михаил Дмитриевич неоднократно говорил с женой.

— А что? Скоро сын вырастет, пусть живет в квартире, а мы здесь. И воздух свежий, и город рядом. Делов-то, полчаса до работы.

Но в этом вопросе женщина была категорична:

— Нет, и все. И не будем это обсуждать, Миша. Я городской житель, летом ладно, но зимой — исключено. Я же тебе не мешаю: приезжай сюда на выходные, топи баню, ночуй, если хочешь, но меня уволь.

Михаил Дмитриевич обреченно вздыхал и откладывал разговор еще на год. Надо сказать, что и сам он тоже родился и вырос в городе, и умом понимал, что вряд ли выдержит деревенскую жизнь. Одно дело — приезжать сюда в баню, и совсем другое — изо дня в день чистить снег, постоянно топить печку... Но хотелось попробовать.

Сразу за участком, обнесенным забором, начинался лес, куда они ходили собирать грибы. Чуть дальше бежала речка, немного холодноватая для купания, но для рыбалки — в самый раз. И постоянно вместе с отцом ходил сын. Это было первое лето, которое Коля провел один в городе. Ну понятно, выпускные экзамены в школе, вступительные в институт. А раньше они вместе просыпались, шли мыться в баню, завтракали и ехали в город. Родители — на работу, сын — в школу. После работы встречались, ехали обратно.

— Да, Надюша, закончилась прошлая жизнь. Сын вырос, вряд ли все будет как прежде, не будем уже втроем здесь.

Ему вдруг стало тоскливо, душа заняла в ожидании чего-то непоправимого:

— Семья распадается.

— Что уж распадается? Чего несешь-то? Просто растет он, так и должно быть. Может, Бог даст, с внуками нянчиться будем. Впрочем, рановато еще думать об этом.

— Да я все это понимаю. Просто грустно мне, Надюша, — и он с тоской посмотрел в окно, где ветер кружил сорванные с деревьев пожелтевшие листья. — А может, это осень.

* * *

Коля любил этот запах: смесь пота, духов, сигаретного дыма, спиртного и чего-то еще неопределимого. Наверное, бесшабашного разгуля, легкости, веселья, предвкушения новых встреч. Видимо, так пахнут все дискотеки, ночные клубы. И музыка. Бум, бум, бум. Говорить невозможно, только кричать.

— Во, смотри, какие две, — прокричал Сергей на ухо Николаю.

Тот посмотрел на проходящих мимо девушек. Взгляд скользнул по светлым волосам, опустился на спину, еще ниже, и здесь остановился.

— Угу, — кивком головы он обозначил свое согласие.

— Пойдем? — опять кивок в направлении соседнего столика, за который только что уселись блондинки.

— Не, Серега, посидим еще, рано.

— Да ты что, ё-мое, сколько сидеть-то можно, уже два часа торчим.

— Подождем с полчаса, куда торопиться-то, — Коля сделал глоток «Миллера» из бутылки. — Пусть накачаются побольше.

— Что?

— Я говорю, ты за их коктейль платить хочешь, что ли? Бабки есть? — стараясь перекрыть звуки музыки, орал Коля. — Пусть выпьют побольше.

Бум, бум, бум, — надрывались динамики, — бум, бум. Неистовствовали огни, окрашивая потолок и стены зала в

немыслимые цвета. Бармен разливал и смешивал напитки, кто-то танцевал, кто-то, устав от бешеного ритма музыки, освежал горло пивом или кока-колой. Шла обычная жизнь ночного клуба.

Коля в такт музыке барабанил пальцами по столу, потягивал пиво и смотрел на подиум, где танцевало несколько девушек в купальниках. Они были профессионалками, умели красиво двигаться и работали здесь танцовщицами. Некоторые были ему знакомы. Так, ничего близкого, просто «привет — пока». Он опустил взгляд чуть ниже, в зал для посетителей, и сразу нашел то, что искал. Слегка толкнул друга, привлекая внимание.

— Смотри, она уже полчаса перед зеркалом трясется. Под экстази, скорей всего.

Сергей кивнул.

— Ага, колбасится девка, — он почесал нос, состроил, по его мнению, сексуально-романтическое лицо и, склонив голову набок, уставился на соседний столик, за которым сидели девушки.

Блондинкам тем временем принесли вторую порцию небольших рюмок, две соломинки. Расставив все это на столе, официант чиркнул зажигалкой и поднес ее к рюмкам, напиток в которых тут же загорелся синим пламенем. Девчонки быстро, чтобы не расплавились соломинки, вставили их в рюмки и одним глотком выпили содержимое.

Сергей многозначительно посмотрел на Николая. Тот кивнул, показал большой палец. Класс! Они знали быстрое действие этого коктейля.

— Еще по пиву — и пойдем.

— Ага. Дождемся медляка.

Им принесли еще две бутылки «Миллера», и, отпив несколько глотков, Коля почувствовал легкое опьянение. Оно было приятным, не тупило, сохраняло реакцию и ясность головы, не мешало танцевать, а просто поднимало настроение и чуть стирало некоторые грани. Совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы завтра ни о чем не жалеть. Обычно он старался поддерживать такое состояние весь вечер, выпив

вая не больше двух-трех бутылок легкого пива, но бывали исключения. Впрочем, как из любого правила.

Наконец давящие на уши удары музыки затихли, ди-джей затащил длинную и пространную речь о том, что пришло время знакомств, и ребята, сделав по глотку пива, поднялись со стульев.

— Какая твоя? — спросил Сергей.

— Разберемся по ходу, как карта ляжет, Серега.

— Привет, что такие красавицы одни, не танцуют?

Девочки пару секунд оценивали стоящих парней.

— Да кавалеры пиво пьют, — сказано было с известной долей кокетливости.

— Ну и дураки эти кавалеры, — Николай галантно наклонился, протянул руку, — надо исправлять положение.

Девушка, к которой он обращался, быстро перевела взгляд на Сережу и задержала его там несколько дольше, чем хотелось бы Коле.

— Пойдем танцевать? — он, смутившись от ее внимания к своему другу, сказал это не так, как хотел: получилось даже несколько грубовато, игра была потеряна.

Тем не менее, заданный вопрос и протянутая рука требовали ответа, и девушка его быстро нашла.

— Пойдем, — она улыбнулась и, коснувшись пальцами его ладони, легко поднялась, — обожаю эту песню.

Ее духи были свежими, легкими, пахли молодой травой, смешанной с далеким ароматом арбуза, пахли утром, и Коля подумал, что они не совсем уместны поздним вечером в ночном клубе. Но этот запах ей шел, гармонировал с ее лицом, волосами, легкой фигурой. Он наклонился к ее уху и полушепотом сказал:

— Коля.

И тут же обругал себя. Надо было сказать это как-то иначе, романтичнее — «меня зовут Коля». Колебания воздуха перед ухом, легкий полушепот, все это настраивает на определенный лад. Впрочем, еще рано.

Зато она сделала все грамотно. Наклонилась к его уху, даже чуть коснувшись его, сказала:

— Марина, — но сказала не шепотом, а каким-то низким и в то же время мягким голосом, красивым голосом.

Больше они ничего не говорили, потому что пришлось бы кричать, а криком можно лишь получить информацию, но никак не пробудить желание. А информация им была не нужна.

Коля посмотрел в сторону, где танцевал его друг. Девушка положила голову ему на плечо и медленно кружилась, подчиняясь движениям партнера. Сергей улыбался.

— Четыре «Миллера».

— Нет, мы не будем пиво.

— Нет проблем, четыре «Б-52», — сказал Коля бармену, — мы будем за тем столиком.

— И четыре «Миллера», — добавил Сергей.

Равнодушный бармен позволил себе улыбнуться:

— Пару минут.

Они сели за столик.

— Ты спятил, что ли? На фиг надо, сейчас намешаем, — сказал Коля, когда девчонки ушли в туалет.

— Ну и что? По необходимости же, пусть девочки напиваются, меньше выпендрежа будет. Кстати, куда поедем? На сауну бабок не хватит.

— Ко мне, если все нормально.

— А где родители? Не приехали еще?

— Не-а, на даче. Слушай, Серега, телки классные, блин. Как твою зовут?

— Дина. Тихо, вон они, возвращаются.

Официант принес коктейли, пиво.

— За знакомство!

— Ага.

— Давайте!

Они воткнули трубочки в горящий напиток и быстро выпили.

— Вы откуда, девчонки?

— С педа.

— А курс?

— Второй. А вы?

— Универ, третий курс, — Коля врал, для них студенческая жизнь только начиналась, но выглядеть перед девчонками сопляками не хотелось.

— Живете в общежитии? — спросил Сергей.

Ответ на этот вопрос был очень важен. Если бы они были местными и жили дома с родителями, то вполне могли заочевряться, что, мол, через час дома быть надо, родители потеряют. Но все обошлось.

— Нет, мы квартиру снимаем у Дининых родственников, — Марина кивнула на подругу, — в общежитии грязь, бардак. Первый курс там прожили, хватит.

Коля тихонько подмигнул Сереге. Масть пошла, надо ковать железо.

— Давайте за вас выпьем, — он поднял бутылку пива, — таких красивых. За то, чтобы наше знакомство длилось долго.

— Нет, нет. Ребята, давайте лучше коктейль закажем.

— Конечно, Дина, закажем еще и коктейль, а сейчас пиво, — подыграл Серега.

— Да ладно, Дин, кончай строить из себя... — Марина подняла бутылку, — за нас, как обещали.

Марина была уже пьяная, Дина еще держалась, но это ненадолго.

Потом они танцевали, пили еще коктейль, который ланировали пивом.

— Давайте пить за пошлость, — говорил нетрезвый Сергей, — потому что это честно.

— Зато это аморально, — смеялись девчонки.

— Тогда за мораль и целомудрие.

— «Цело» — чего? Лучше за «мудрие» выпить, а «цело» оставить в покое.

Вечер обещал быть классным.

— Лишь бы не сорвалось, — говорил Коля, когда они вдвоем с Сергеем стояли у барной стойки, и нервно потирал ладони, — будет обидно, если такие красавицы соскочат.

— Не должны, вроде все путем, — Серега тоже был на взводе, — надо стараться.

И они старались.

— Слушай, Серый, с бабками напярэг. Надо будет тачку брать, еще бухлом затариться.

— Да, блин. У тебя перехватить не у кого? Может, соседи?

Коля отрицательно покачал головой.

— Спятил? На часы посмотри.

— Да-а-а.

Сергей задумчиво потер лоб, с надеждой уставившись в зал. Через минуту взгляд за кого-то зацепился, в глазах запрыгала радость.

— Опа, подожди-ка. Сейчас попробуем занять, — и он поднял руку в приветствии.

Оглянувшись, Коля увидел Константина Арефьева, которого знал визуально, не больше.

— Ты знаешь его, что ли?

И когда Сергей утвердительно кивнул, он покачал головой.

— Ну ты крутой, братец кролик, я и не знал, что у тебя такие знакомства.

Арефьев был очень популярным человеком. Всегда в центре внимания, при деньгах, стильный, на дорогой красивой «Тойоте», он был на два-три года старше Николая. «Да, — думал он, — познакомиться с ним поближе было бы неплохо».

— Здорово, брат, — Сергей протянул руку, — какими судьбами?

Интонации его голоса изменились, стали какими-то развязно-приблатненными.

— Кстати, познакомься: Колян, кореш мой.

— Коля.

— Константин, можно просто Коста, — они пожали друг другу руки. — А вы что, за подругами? Отдохнуть и расслабиться?

Сергея кивнул и сразу перешел к делу.

— Слышь, братан, баблом не выручишь? А то девчонок хороших взяли, а с деньгами напярэг.

— Да нет вопросов, Серый, сколько надо-то?

— Пятихатки хватит, — он дождался, пока Коста отсчитывает пять сотенных купюр, — спасибо, брат, на неделе отдам.

— Нет вопросов, — повторил тот. Похоже, это вообще было любимым словом, — решим.

К Арефьеву подошла красивая девушка, обняла сзади его за плечи, подчеркивая тем самым свое положение — девушки при мужчине. По крайней мере, на сегодняшний вечер. Он чуть повернул голову: определил, кто там.

— Познакомьтесь, пацаны — Маша.

— Я Наташа, — девушка надула губки.

— А, ну да, извини. Наташа. А вы где сидите?

Сергея указал на свой столик.

— Присоединимся, не против?

— Какой разговор, Коста, пошли.

Николай вроде бы и был рад знакомству с Арефьевым, но поведение Сергея при этом ему не нравилось. Таким он его не знал. И еще больше не нравилось, что этот Коста идет за их стол.

— Ой, пацаны, как вам повезло — такие красавицы. А мне вот ну никак не везет с девушками. Познакомьте, а? — Коста с ходу вошел в разговор, которым тут же вероломно завладел.

На Наталью он не обращал ни малейшего внимания, но зато Марина с Диной зарделись. А через пару минут после рассказанной Арефьевым шутки хохотали, глядя на него замаслившимися глазами. Инициатива окончательно перешла на сторону этого парня; приятели же, попав под действие его свободной уверенности и подвешенного языка, лишь поддакивали и растягивали одеревневшие губы в искусственной улыбке.

Коля сидел и злился на собственную беспомощность и на глупых промокашек, смеющихся во все горло, ненавидел Косту и Серегу, который притащил сюда этого идиота. Пыл, с которым он еще десять минут назад так легко разговаривал с девчонками, острил и смеялся, вдруг улетучился, словно его и не было. Теперь язык прилип к гортани, и любое сказанное им слово казалось несусветной глупостью.

Ему было обидно и жалко себя. «В лоб дать ему, что ли? Точно, сейчас выведу его на улицу...» — пьяно думал он. Обида затенилась агрессией, а жалость к себе усилилась. Но остатков разума хватило, чтобы отказаться от этой затеи. Смешно и глупо.

Тем временем Арефьев заказал еще пиво и, продолжая шутливо балагурить, не скрывая, тискал Наташу. Своим появлением этот человек внес некую раскованность в атмосферу застолья, подчиняясь которой, Марина зачихала пальцы под мышку Коле и прижалась к нему, показывая, что они все-таки вместе. Он ощутил прилив энергии и, вроде как машинально, опустил руку ей на коленку. Та прижалась еще крепче.

— Ночь пьянства в самом разгаре, не подыскать ли нам другое, более удобное место? — Коля сделал большой глоток пива. Кураж возвращался. — А то, честно говоря, тусняк этот поднадоел уже, да и башка от рева раскалывается.

— Приглашаешь, Колян? Мы — за! Да же, Маша?

— Блин, я Наташа, Костя, На-та-ша. Запомни.

— Тем более. Ну как, едем?

Предложение было принято единогласно, и, встав из-за стола, компания направилась к выходу.

В дверях Арефьев чуть придержал Николая.

— Далекое ехать?

— Не, рядом. Только тачку все равно брать надо, в павильон заехать.

Через полчаса, покопавшись в замке, хозяин зажег в прихожей свет.

— Прошу, — он оглянулся, и улыбающееся лицо приобрело напускную, игривую серьезность. — Так, Серый, хорош целоваться, пиво давай.

Сергей, не отрываясь от Дины, протянул набитый пивом пакет.

— Классная хата, — Коста уселся на диван, усадил рядом Наталью, — еще сталинская, поди?

Коля согласно кивнул. Квартира действительно была сталинской, трехкомнатной, с высокими потолками и ши-

рокими оконными проемами. В углу большой комнаты стоял телевизор, из которого лилась тихая музыка.

— Ну что, — Коля поднял бутылку пива, — за логически-эротический финал вечера.

Энтузиазма не было. Не клеился разговор, компания рассыпалась. За те несколько минут, пока они ехали в такси, их укачало, настрой прошел, люди почувствовали усталость и сейчас лишь вяло цедили пиво и переговаривались. Кто-то зевал.

— Э, не. Так не пойдет. Сейчас будем поднимать жизненный тонус.

Коста сбегал в коридор, что-то достал из кармана своей куртки и, вернувшись, начал манипулировать на столе. Через минуту он жестом фокусника щелкнул пальцами.

— О-о-п-па. Прошу, пани, в порядке очереди, не толкаться, всем хватит.

На столе были насыпаны короткие дорожки белого порошка.

— Ну, кто первый? — Коста протягивал скрученную трубочкой сторублевую купюру.

— Что это? — задал Коля глупый вопрос.

— Кокаин, брат. Не бойсь, чистый, отвечаю. Слеза.

— Не, пацаны, вы что? Я не буду.

Девчонки, наоборот, оживились и радостно подбежали к столу.

— Давай, давай, — Марина вставила трубочку в нос и, одновременно зажав свободную ноздрю, втянула в себя полоску порошка. Следом эту процедуру повторила Дина.

Когда трубочку взял Сергей, Коля не вытерпел:

— Да вы что, с ума сошли? Серый, остановись, это же наркота!

— Какая наркота, ты что, Колян? Я же сказал: так, для веселья, жизненный тонус поднимать. А то уснут все.

— Да и черт с ним! Лучше уснуть, чем травиться этой дрянью.

— Вот ты иди и спи, если хочешь, — Марина терла покрасневший нос, — а я не хочу просто так спать ложиться, такой классный вечер на сон переводить.

— Подожди, что значит «дрянью травиться»? Ты что, хочешь сказать, что я тебе фуфло тут впариваю, а? Я же тебе сказал — чистоган, ё-мое.

— И впрямь, Коля, это же не игла, зачем так серьезно относиться, — Серега втянул в себя дорожку и сейчас навязчиво потряхивал головой, словно баран.

— Да какая разница, игла или нет. Этот кокаин — такой же наркотик. Везде написано...

— Ах, написано. На заборе, знаешь, что написано, а в дырку заглянешь — там дрова лежат. То-то. А ты — «написано»! Это у тебя в штанах уже написано, еще и накакано.

— Ты, вообще, мама, что ли — жизни учить? Мне без тебя учителей — во, — Марина провела большим пальцем себе по горлу, — выше крыши. Еще один выискался.

— Неволить мы никого не будем, не хочешь — не надо. Иди спать ложись, под юбку. Маменькин сынок с обкаканными штанишками.

Дурацкая шутка произвела впечатление, они засмеялись. «Ха-ха-ха — маменькин сынок, ха-ха-ха, накакано...»

— Слышь, Колян, повернись, проверим. Ой, ой, гляди, потекло...

Коля прикрыл глаза и представил, как сейчас этот хваленый Коста будет получать в морду. Он уже, падла, валяется на полу весь в кровавых соплях и жалобно поскуливает.

— Ладно, кончай ржать, — окрик Арефьева прервал течение мысли. Картинка рассыпалась. Коля открыл глаза.

Тот подошел к нему, дружески положил руку на плечо.

— Не обижайся, братан. Пошутили, и хватит, — он поднес ему бутылку пива. — На, глотни, остынь. Не хочешь — не надо. Твое дело. Только ты человек взрослый, мужик, а живешь по написанным кем-то правилам. Я так думаю: в жизни самому все надо попробовать, а потом уже решать — что нужно, что — нет. И не верить всяким лозунгам, которые лохи напридумывали, чтобы свою немощ скрыть. И нас по ним жить заставляют. Хрен пройдет. А это, — он кивнул в сторону стола, где остались две дорож-

ки, — ерунда, мелочь. Есть более важные и интересные дела. Поэтому, если не хочешь, боишься почему-то, то и не надо. Ты пацан перспективный, мы с тобой еще такие дела делать будем. Так что сам смотри. А дерьмом всяким, повторяю, кормить тебя не собираюсь.

Николаю польстили слова о перспективности и о «таких делах», он немного успокоился.

— А ты сам-то раньше пробовал?

— Я-то? Ха! Конечно, много раз.

— И что, не тянет?

— Э-э-эх, тупая ты голова. Я же говорю, начитался всякой ерунды и веришь всему. Тебя, когда пиво пьешь, на следующий день тянет снова выпить, начинаются ломки?

— Ну бывает, когда перепьешь.

— Так что, выходит, ты алкаш, не можешь без спиртного?

— Могу.

— Здесь точно так же. Нет настроения — не нюхаешь, есть — нюхнешь.

Коля задумался. Скоро ему восемнадцать лет, школу закончил, поступил в институт. Действительно, пора уже жить самостоятельно, принимать собственные решения, а не ждать совета от предков. А то ведь можно до старости за их спинами прятаться, ничего в этом мире не узнав по-настоящему. Еще ни одного мужского решения не принял, все слушал родителей, учителей, бабушек всяких. Вот и проверю, чего стою, мужик я или нет, хватит ли сил отказать потом от наркоты. Хотя Коста утверждает, что никакого привыкания от маленьких доз нет, и, похоже, не врет. Может, это действительно все чушь, страшные сказки про наркотик? И про водку они тоже говорят: мол, нельзя, а сами хлещут ее, только шуба заворачивается. А Коста этот, видать, неплохой парень, и мы можем скорешиться. Что он там говорил о совместных делах? Хорошо бы. Он это умеет, бабки всегда есть. Значит, и у меня будут. Да, надо оправдать его доверие. И телки хорошие. А так, по ходу, меня продинамят.

И он решил.

Если бы в его желудке не было нескольких коктейлей, усугубленных большим количеством пива, его рассуждения пошли бы по другому пути, он бы более критично рассматривал это предложение. А так... Запретные грани стерты. Если бы...

Но жизнь не имеет сослагательного наклонения.

Николай подошел к столу.

— Как ее делать-то?

— Трубочку — в нос. Во. Вторую ноздрю зажимай — и все, тяни в себя. Вот так.

Он втянул в себя порошок, выпрямился. В носу защеколало, захотелось чихнуть, но тут же это желание прошло, только немного защипало в глазах. Он заморгал, выбежала маленькая слезинка.

— Наш человек, — Коста довольно похлопал его по плечу, — а ты боялся.

— Да не боялся я. Просто, — он пожал плечами, — не пробовал ни разу.

— Всегда что-то делаешь впервые.

У Коли пересохло во рту, он допил свою бутылку пива и... вдруг ощутил счастье. Ему стало хорошо, очень хорошо. Так не было никогда. Он всей душой полюбил людей, и ему стало стыдно, что он плохо думал о Косте, даже хотел его избить. Коля схватил его руку, пожал ее:

— Прости, братан.

Тот понимающе улыбнулся:

— Все нормально.

Исчезли проблемы, снялись все вопросы, и Колин разум охватила ясность. Истина. Он видел то, что не видел никогда раньше. И ясность, а Коля хорошо это знал, не видел больше никто. Никто, кроме него. Он загадочно улыбнулся, решив сохранить это в тайне.

Напротив него стояла самая прекрасная девушка в мире. Она ждала его, чуть приоткрыв красивый ротик. Коля поцеловал ее, она ответила. Это был самый нежный поцелуй за всю его прожитую жизнь. Он продолжал ее целовать, одновременно расстегивая блузку. Ее тело было податливым и нежным. Им было наплевать, что в комнате

находятся еще люди, они не думали об этом. Они полностью отдались любви. Не сексу, нет, а любви, потому что она заполнила их сердца до самого края. Они ласкали друг друга, и от каждого прикосновения их тела сотрясала пьянящая дрожь.

Где-то на краю сознания мелькнула мысль: как-то странно, что лишь от одного прикосновения ее руки по телу разливается сказочное блаженство; раньше такого не было. Но мысль мелькнула и исчезла, он тут же забыл о ней, как забыл и о кокаине, а лишь наслаждался тем, как трепещет от его мужских прикосновений женщина.

Николай был безмерно счастлив.

Он открыл глаза, посмотрел на часы. Десять утра. Рядом, раскидав волосы по подушке, спала Марина. Коля скользнул взглядом по груди, округлым бедрам девушки. Вдруг сознание пробила острая мысль, мгновенно покрыв тело липким потом. Кокаин. Черт! Это же надо так упиться, чтобы совершенно потерять контроль над собой. Он стал лихорадочно к себе прислушиваться, пытаясь определить признаки начинающейся зависимости. Небольшая головная боль, дискомфорт в желудке, легкое недомогание. Обычное похмелье от мешанины алкогольных напитков. Коля немного успокоился. Похоже, пронесло, но больше никакой наркоты. Ха, а ведь Коста не врал, утверждая, что никакой тяги не будет. Зато ощущения... Вспоминая о них, он закрыл глаза. Да, было действительно очень хорошо и приятно. Настоящий кайф, никакого сравнения с алкоголем. Но все равно, с этим надо осторожней. Протянув руку, он тихонько положил ее на грудь спящей рядом Марины. Девушка засопела, сладко потянулась и открыла глаза. Коля наклонился, чтобы поцеловать ее, она подняла руки и, притягивая к себе, обняла за шею. Ему ударил в нос запах несвежего тела, а возле груди краснели два прыща. Поцеловав ее в лоб, он откинулся на подушку. «Странно, — думал он, — вчера я этого не замечал. Вчера я не замечал в ней вообще каких-либо изъянов. Она была идеальной. Ну и пусть.

В конце концов, мир есть то, что человек видит и чувствует, и даже если восприятие искажено кокаином, оно все равно есть. И пусть будет искажено. Но как приятно, какой все-таки кайф».

Николай поднялся, накинул лежащий на кресле халат и зашел в большую комнату, где на диване, свернувшись калачиком, спали две девушки и каким-то образом втиснувшийся между ними Коста. Рядом на кресле, с открытым ртом, лежал Серега. Все были голыми. Какое-то время Коля разглядывал Дину с Наташей, потом включил телевизор, который был настроен на музыкальный канал. Им овладело тяжелое чувство, чем-то похожее на стыд за то, что он привел в квартиру родителей компанию, что вчера напился, что нюхал кокаин. К этому стыду примешивалась жалость о глупо потраченном времени, о том, что сегодняшний день, пусть и суббота, тоже выпал из жизни. Ему остро захотелось все забыть, не знать ни Косту, ни этих девчонок, а проснуться сейчас на даче с родителями и, позавтракав, пойти с отцом на рыбалку. И еще ему захотелось, чтобы они поскорее ушли. Коля громче включил музыку. Народ зашевелился.

— Подъем, скоро отец с матерью приедут, а мне еще убраться надо.

— Ну ты садист, Колян, поспать не даешь. Мы ж вчера в пятом часу легли, — Коста с трудом разлепил веки, но выглядел совершенно нормально. Наверное, потому что, в отличие от них, мало пил.

Девчонки лихорадочно натягивали на себя одеяло.

— Отвернитесь, чего вылупились!

Арефьев захохотал.

— Ой-ой, надо же, какие скромницы! Вчера чего только не вытворяли, и без всякого стеснения.

И он рывком скинул с них одеяло. Однако девчонки успели уже надеть плавки.

— Перестань, придурок.

Коста встал, не стесняясь, прошел в дальний угол, где валялись скомканные джинсы, и, обращаясь к Николаю, спросил:

— Ну как, вчерашние ощущения понравились?

Тот неопределенно пожал плечами.

— Нормально, — сами ощущения ему понравились, но понимание того, что он употребил наркоту, вызывало стыд.

Через полчаса в квартире остались Коля с Сергеем. Досконально, в подробностях обсудив девчонок, они неторопливо позавтракали и открыли оставшиеся от вчерашней пьянки бутылки пива.

— Какие планы на сегодня?

— Хочу на дачу поехать. Сейчас приму холодный душ, приду немного в себя и поеду. Вечером — банька, завтра с утра на рыбалку. Хочешь, поехали.

— Нет, сегодня дома побуду. Предки уже орут: каждый день где-то носишься, дома не ночуешь. Задолбали.

— Как знаешь, — Коля немного помолчал. — Я вот что хотел спросить, ты это... раньше нюхал его?

— Не-а.

— А как так сразу?..

Разговор перешел на скользкую тему: обоим было неприятно вспоминать, они избегали смотреть друг другу в глаза.

Сергей пожал плечами:

— А ты сам-то тоже вроде как приложился.

— Да дурак потому что. Напились вчера, вот и учудили. Я же говорил, не надо мешать коктейль с пивом, а ты — нормально, нормально. А что нормально-то? Сами и ужрались, а девкам этим все по барабану, они и так готовы были.

— Ой-ой-ой. Значит, я во всем виноват, да? Вливал тебе в рот, такому маленькому мальчику, спаивал тебя? Классно ты крайнего нашел.

— Да при чем тут ты? Никто тебя не обвиняет. Оба виноваты, придурки. И Коста этот твой, болван вонючий, на фиг он вообще приперся со своим кокаином поганым?

Вопрос был риторический и не нуждался в ответе. Сергей прошелся по кухне, открыл форточку, в которую сразу же ворвался голос улицы, где сигналили машины, играли

дети, а взрослые спешили по своим неотложным и важным делам. Постояв пару минут у окна, он повернулся к другу и сказал:

— А что бояться-то, Коля? Вспомни, мы всегда чего-то боимся: в школе — учителей, директора, двойки. Сейчас преподав, зачетов, сессии. Всегда мы кого-то или чего-то боимся. А нам еще и в башку вбивают, что, мол, правильно боитесь, дальше еще хуже будет. Не будете учиться — не найдете работу. Бойтесь. И все в таком духе. А мне надоело, вся жизнь в каком-то страхе. Устал бояться, понимаешь? Свободы хочу, свободы от страха, свободы в принятии решений, в жизни. Надоело все, учат все кому не лень: то делай, се не делай. Предки надоели. Прямо такие хорошие, такие правильные, с какой стороны ни посмотри — ну прям идеал. Пример для подражания. А я что, дурак? Не понимаю, что так не бывает? Они ведь тоже жили, школу прогуливали, двойки получали. А меня всё учат: то нельзя, се нельзя. Какой ты у нас плохой, то ли дело там Вася какой-нибудь. И учится хорошо, и дома сидит. «Не повезло нам с сыном, мать». Ну не повезло, так не повезло, черт с ними! Они мне никогда не говорили, что я в чем-то хороший, что я что-то правильно сделал. Всегда плохой. Надоело всё, короче, устал. Устал всего бояться, устал быть плохим. Пусть я и вправду плохим стану, — он отпил пива и продолжил, — а ещё, знаешь, плохо быть трезвым в компании пьяных. Из коллектива выпадаешь, их приколов не понимаешь. Скучно. Все нюхнули, и я нюхнул, ну и что? Кончай голову ломать, ничего страшного нет. Вон, весь мир этот кокаин тоннами сжирает, дурь смолят — только шуба заворачивается, и ничего. Вспомни Голландию. А у нас? Ой, всё, ой, наркоман, ой, подсел. Всё, померёшь. Да пошли они!

— А ты что же думаешь, предки должны тебе говорить: не ходи в школу, плюй на учебу, водку жри, дурь смоли? Так, что ли? Ты бы на их месте как поступил? Да, зная тебя, представляю, как ты своих детей задолбаешь. И вообще, родителей не выбирают, а нам с тобой повезло, ведь они могли бы бухать, как собаки. Вон, Катины предки, ну

сам знаешь, забили на все, в том числе и на дочь. Какое у нее будущее? — Коля показал фигу и сам себе ответил: — Вот какое! Ей даже в проститутки не пойти — страшная, как смерть, в рванине вся. В лучшем случае, найдет себе алкаша какого-нибудь, которому пофиг, с кем спать, да родят убудка, потому что зачат будет по пьяни, на грязном полу кухни, среди плевков и пустых бутылок. И вот вся ее жизнь — может быть, с небольшими, непринципиальными отклонениями. И никто в нее не влюбится, никакой принц сказочный, потому как поэзия только в кино бывает, в жизни же в основном проза. А ты рыдаешь тут сидишь, несчастный такой. В универ как поступил? За бабки. Кто их платил? Вот и весь разговор!

Коля перевел дух.

— И потом, Серега, они тебе жизнь дали, а как поступать с ней — уже твое дело. Хорошие они или плохие, но жить-то тебе, и стоит ли ради детской обиды на себя плевать? Навред все делать, чтоб они потом раскаялись, — так, что ли? Рассуждения у тебя, как у пятнадцатилетнего, — однобокие. Вот они хорошие — я плохой, а на самом деле, это я хороший такой. А ты попробуй их глазами на мир смотреть; я думаю, они тебе только лучшего желают.

— А на фигу мне это лучшее? Не надо мне его, понял? Мне нужна моя жизнь. Моя! Лучшее это пусть себе оставляют, а я буду жить так, как хочу.

Сергей сделал последний глоток пива. Убедившись, что бутылка пустая, поставил ее под стол и, скептически усмехнувшись, сказал:

— Да и вообще, то, что ты мне говоришь, мог бы и не говорить — это и так понятно. И с Катькой этой убогой не сравнивай. Я родился тем, кем родился. Мог ведь и чукчей быть или сыном миллионера какого-нибудь американского. Но что выросло, то выросло. А Катька эта, может, и не понимает ничего, не думает об этом, ей ведь нажраться до свинства — и все дела. А я все вижу, понимаю. Вот и разница. Да ладно, что обсуждать это. Я ведь просто свою точку зрения высказал. Ты спросил — я ответил.

Воскресное утро выдалось морозным, небольшие лужицы в низине покрылись тонким слоем льда и потрескивали под ногами. Отвыкшие за лето от мороза лесные птицы сидели, нахохлившись, в густых ветвях сосен, лишь изредка приветствуя своим криком рождающееся на востоке солнце. Лес пробуждался, готовился к встрече нового дня, но в пробуждении этом не ощущалось обычной хлопотливой радости: природа покорно ожидала начала зимы.

— Рановато сегодня мы вышли, темно еще.

— Нормально. Пока костер разведем, позавтракаем... — Михаил Дмитриевич посмотрел на небо, где еще горели звезды, и добавил: — Днем сегодня тепло будет.

Коля согласно кивнул.

Их традиционные походы на рыбалку сопровождались целым ритуалом: они разводили костер, доставали принесенные из дома бутерброды и консервы и завтракали. Можно было, конечно, завтракать дома, но у костра, возле речки, хлеб с обычным консервированным минтаем в масле казался гораздо вкуснее.

Перешагивая через повалившееся дерево, за которым начиналось небольшое поле и уже был слышен шум бурлящей на перекатах речной воды, Николай поймал себя на мысли, что, пожалуй, впервые в жизни идет на рыбалку без удовольствия. За вчерашний, проведенный в кругу семьи вечер, с обязательной баней и приготовленным мамой пловом, давящее чувство стыда утихло, а вскоре прошло совсем. Совесть обелилась, и он стал тяготиться этой домашней идиллией. Поздно вечером, ложась спать, Коля неустанно думал о Марине и проведенной с ней ночи. Умом он понимал, что это наркотик оказал столь ошеломляющее действие на его чувственность и что без него никогда не будет такой ночи. Проворочавшись пару часов, он решил еще раз попробовать кокаин. Пригласить Марину и попробовать наркотик. Один раз, и все. Больше никогда. Один раз повторить эту ночь, запомнить ее, и все. Все. Нико-

лай знал, что именно так люди и присаживаются на иглу, именно так становятся наркоманами, и от этой мысли тело его покрывалось холодным потом, заставляя отказываться от задуманного, но желание повторить сказочную ночь не покидало, снова и снова возвращая к мыслям о кокаине. Он убеждал себя, что со второго раза никакой зависимости не будет, тем более доза смехотворно мала, обещал себе, что это будет в последний раз, но какая-то маленькая, неприятная мыслишка всякий раз твердила ему о самообмане. «Врешь ты все, оправдываешься», — говорила она. «Нет, нет, я же пообещал. Сказал, последний раз, значит — последний раз». Потом он вспомнил Косту, его слова о том, что он несколько раз нюхал наркотик и ничего не произошло. Это воспоминание успокоило, и Николай наконец уснул.

И сейчас, подходя к реке, он продолжал думать о Марине. Коля хотел, чтобы сегодняшний день быстрее закончился, хотел уехать в город, а завтра позвонить Марине, найти в университете Косту, взять у него кокаина — и домой. Скорее бы.

Войдя в свою квартиру, он первым делом решил позвонить Марине. Долго шарил в карманах, пытаясь отыскать засунутый куда-то листок с номером ее телефона, потом слушал длинные гудки и матерился про себя. Наконец она взяла трубку.

— Привет.

— О, привет, Коля. Что, как предки, приехали?

— Нет, не приезжали. Решили еще остаться, погода вроде установилась.

— А-а, понятно. А мы с Диной по магазинам ходили, продуктов набрали. Ты-то чем занимался?

Николай не собирался объяснять, чем он занимался, равно как не интересовался и Мариниными делами, ему нужно было только ее тело, и он сразу перешел к волнующей его теме.

— Ты завтра что делаешь?

— Как — что? Учусь, конечно, понедельник же.

— Может, встретимся? Давай я зайду за тобой после занятий. Во сколько ты заканчиваешь?

— Не-е, завтра не могу, а вот в пятницу можно заму-тить что-нибудь.

— Да ты что, какой в пятницу, — он в ужасе пред-ставил, сколько времени ждать до пятницы, — давай завтра. Я Косту найду, возьму у него кое-что.

— Да? — она секунду помолчала. — Ну ладно тогда, вечером позвони.

Коля начал злиться. При чем тут вечер, когда он зовет ее днем. Днем, после занятий, а не вечером, черт ее дерит.

— Давай днем, после учебы, до вечера еще дожить надо, — он старался говорить спокойно, хотя внутри все клокотало. — Вечер — кто знает, как там будет, а?

— Ну ладно. Подожди-ка, я расписание на завтра гляну.

Коля услышал, как стукнула трубка, соприкасаясь с поверхностью стола, на котором стоял телефон, потом удаляющиеся шаги. Через минуту шаги уже приближались.

— Так. Алло, ты слушаешь?

— Да-да, говори.

— Вот, завтра четыре пары, так что в три часа подходи в вестибюль, к раздевалке, второй корпус, знаешь?

— Знаю, все, договорились. Дине привет.

— Ага, пока.

Потом он включил телевизор и, развалясь в кресле, смотрел какой-то боевик. Иногда он вспоминал, что совершенно не готов к завтрашним занятиям, но вспоминал так, походя, не отрываясь от телевизора. Это была не самая главная проблема, поэтому вскоре он о ней забыл.

Коста, как всегда, торчал в переходе на втором этаже, окруженный компанией студентов.

— Привет, Костя.

— О, Коля, здорово. Как дела, братан?

— Да слава Богу, — он пожал плечами, — нормально.

— О, о, о, смотри, какая fifa пишет, а?

По коридору проходила студентка.

— Девушка, давайте знакомиться! А, девушка? Девушка!

Она, не оглядываясь, прошла мимо, только сильнее завила бедрами.

— Да-а, — Коста с сожалением смотрел ей вслед, — ведь есть же какой-то мужик, а? Ну да ладно, Бог с ней, у тебя-то как?

Коля кивнул в угол:

— Отойдем.

Арефьев достал пачку сигарет, вставил одну в рот, протянул ему:

— Закуривай.

Николай отказался. Он вообще не курил, лишь иногда, в компании, больше балуясь, выкуривал сигаретку.

— Как знаешь, — Коста чиркнул зажигалкой, прикурил и, выпуская дым, спросил: — За снежком?

— Каким снежком? — не понял Коля.

— За коксом, — утвердительно сказал Арефьев, — я сразу понял. И правильно. Марью возьмешь, с бабой это само то.

Он вытащил из кармана пакетик, быстро передал Николаю:

— Прячь.

И дождавшись, пока Коля уберет пакетик в карман, пояснил:

— Тут на двоих — делишь на равные части, ну и дальше разберешься.

— Сколько с меня? — Коля знал, что удовольствие это недешевое, и приготовил деньги.

Коста, однако же, махнул рукой.

— Пока не надо ничего, завтра поговорим, — он усмехнулся. — А то вдруг на этот раз не понравится, будешь потом о деньгах жалеть. А это плохо: деньги должны с чистой душой отдаваться, с желаньем, а то радости они не приносят.

Николаю эти слова не понравились. Было в них что-то скользкое, как и сам Арефьев, что-то пренебрежительное. Нехорошие слова, с подвохом. Коля посмотрел ему в глаза,

пытаясь увидеть там презрение продавца к наркоману. Но глаза были светлыми, искренними, без всякого намека на презрение. Арефьев был профессионалом.

— Кстати, совет. Ты ведь пока еще дилетант, так вот: запей это бутылочкой пива или рюмкой коньяка — в кайф пойдет.

Словно зомби, Коля просидел полтора часа на лекции, иногда пытался вслушиваться, но ничего не понимал. Мысли были где-то возле пакетика, который лежал в кармане и который он иногда тербил мокрыми от напряжения пальцами. Наркотик как таковой его пока не интересовал, сейчас это было средство, позволяющее по-настоящему ощутить женщину, познать какую-то новую, совершенно неизвестную любовь.

Наконец, как и все на свете, пара закончилась, но до встречи оставалось еще два часа. Коля послонялся по вестибюлю факультета, переговорил со знакомыми, не отказался на этот раз от предложенной сигареты. И когда сквозь стеклянную дверь, соединяющую вестибюль с переходом в другое здание университета, он увидел идущего в компании одноклассников Сергея, то скомканно попрощался и вышел на улицу. Коле не хотелось встречаться с другом, он его стеснялся.

Марина опоздала на десять минут. Ничего страшного, обычное дело, но сейчас эти десять минут показались ему часами. Заложив руки за спину, он мерял шагами коридор института, то и дело поглядывая на часы. Минутная стрелка стояла на месте. «Надо было узнать ее группу, черт возьми, — думал он, — хотя пара закончилась, где-то она шляется». Иногда его подмывало спросить про нее у какого-нибудь студента, но в пединституте учились тысячи человек, а он не знал даже фамилии.

— Привет, — она подошла со спины, неожиданно, и, услышав ее голос, Коля сразу успокоился.

— Привет, — он обернулся и посмотрел на девушку. Свежее, здоровое лицо, минимум косметики. — Хорошо выглядишь.

Она улыбнулась, а он, помолчав, добавил:

— Ты красивая.

В памяти тут же всплыли два красных, с белыми гнойными точками посередине, прыща. Он отогнал воспоминание.

— Пошли?

— Может, Дину с собой возьмем?

Коля растерялся. Он совершенно не был готов к такому повороту.

— Дину? Зачем?

— Ну... она моя подруга, да и втроем... понимаешь? Тебе понравится.

— Черт... — он представил себе ситуацию, но мысли, не успев до конца сформировать картинку, метнулись к правому карману, где лежал пакетик с кокаином на две дозы. Две дозы. Найти сейчас Косту не получится.

— Марин, ты знаешь, я как-то не готов пока. Давай в другой раз, — он хлопнул себя по карману, — у меня только на нас с тобой, больше нет.

— В другой раз так в другой раз, — на ее лице проступила досада, — ладно, пошли.

Белый порошок сливался с белой же поверхностью кухонного стола. Краем бумажного листка Коля аккуратно разделил небольшую кучку на две равные части, каждую из которых, тем же листком поводя с боков, удлинил, превращая в полоски. Движения казались нервными и неуклюжими, у него пока еще не было никакого опыта.

— Давай деньги.

Марина протянула ему скрученную трубкой купюру. Коля взял ее, покрутил в пальцах и отдал обратно:

— Ты первая.

Действия были отработаны, и первая полоска кокаина исчезла, затянутая импровизированной трубочкой. Марина зажала нос пальцами, постояла несколько секунд.

— Ну как? — Коля внимательно следил за процедурой.

— Нормально, — она протянула ему трубку.

Он, наклонившись над столом, сунул в нос скрученную бумажку и задел ее краем растущие в носу волоски. Захотелось чихнуть. Желание было непреодолимым, и, отводя голову в сторону, максимально сдерживая порыв, он все же потревожил полоску порошка: несколько крупинок разлетелись в стороны.

— Вот ё, — прочихавшись, он вновь повернулся к столу и втянул в себя чуть деформированную полоску.

Минут через пять, выпив больше половины заранее купленной бутылки пива, он почувствовал знакомые уже ощущения необычайной чистоты и ясности ума. Изменилось все вокруг, стало светлым и ярким, словно человек снял грязные, давно засаленные очки. Окружающий мир нес только радость, полноту жизни и непоколебимую веру в счастье.

— Черно-белое кино.

— Что?

— Я говорю, люди смотрят черно-белое кино.

Марина ничего не ответила, а подошла к Николаю и обняла за шею. Он ответил на ее объятия, поцеловал в губы, шею, скользнул рукой со спины к ногам. Любовь обрушилась на них, захватила сердца, вытеснив все эмоции, память, разум, вытеснила все, кроме себя самой. И они, подчиняясь этому главному чувству, срывали с себя одежду, разбрасывали ее по комнате и тонули друг в друге. Мир для каждого из них начинался здесь и здесь же заканчивался, а смысл всего мироздания сосредоточился в теле партнера.

Дневной свет за окном постепенно загустел, и начали зарождаться ранние октябрьские сумерки, когда Николай снова начал ощущать наличие окружающего мира. Скрипела кровать, с улицы доносился шум проезжающих машин, где-то за стенкой громко работал телевизор. Стараясь продлить удовольствие, он продолжал гладить округлые бедра девушки, целовал грудь, но посторонние шумы становились все громче, врезались в самый мозг и раздражали его. На Колю неотвратимо наваливалась реальность. Он перевернулся на спину, положил руки под голову и закрыл глаза. Девичья рука, легонько касаясь пальцами, провела по его груди и животу. Это прикосновение было почему-то

неприятным, и раздражение на уличные шумы перенеслось на Марину, но, не успев сформироваться, стало затеняться тревогой. Что-то неприятное опустилось в желудок, там разрослось и причиняло боль. Эта боль была чем-то сродни предэкзаменационному волнению или какому-то важному, ответственному делу. Коля прислушался к себе, пытаясь определить причину возникшей тревоги. Сосредоточиться не получилось. К непонятной тревоге прибавился страх, который не пускал в голову никакие мысли. Николай беспокойно оглянулся, глубоко вдохнул и потер друг о друга вмиг вспотевшие ладони. Все стало плохо. С отчетливой ясностью он понял, что жизнь такая тяжелая: он глупый, плохо учится и ничего не сможет добиться. Он может заболеть неизлечимой болезнью или произойдет несчастный случай — и он умрет, будет лежать в морге с другими мертвецами; потом его закопают, а там, в земле, он будет один, и будет темно, и он не сможет дышать. Боже, Боже, как страшно! К этим мыслям примешались кокаин и когда-то давно, в глубоком детстве, убитая им кошка. С трудом, отгоняя от себя эти мысли, он сел на кровати. Рядом, на тумбочке, стояли две недопитые бутылки пива, и к горлышку одной Николай жадно приложился. Пустая бутылка опустилась на пол, он взял вторую — Маринину.

— Эй, мне оставь.

Не обратив на ее просьбу никакого внимания, он закончил и эту.

Солнце скрылось за городскими домами, комната погрузилась во мрак. В окнах стоящего напротив дома загорелись огни, которые еще больше наполняли его душу тоской. Коля щелкнул выключателем, комната залилась светом, но теперь страшной, черной дырой зияла открытая дверь в коридор и темную кухню. Прошлепав босыми ногами по полу, он включил свет во всей квартире. Пиво как-то необычно резко ударило в голову, он опьянел, но опьянел не так, как всегда. Голова закружилась, несколько нарушилась координация, но мозг оставался трезвым. Такое опьянение еще больше напугало, и он суетливо заходил по комнате.

— Депресняк? — Марина сидела на кровати, закутавшись в одеяло. Лицо девушки было бледным и осунувшимся. — Такое бывает. Надо кокса нюхнуть или хотя бы водки выпить. Водка есть?

Коля утвердительно кивнул, вспомнив, что в холодильнике стоит початая отцовская бутылка.

— Тащи.

— У тебя такое раньше бывало?

— Так сильно — никогда. Ты что, думаешь, я этот кокаин постоянно нюхаю? Сегодня четвертый раз, но, видать, переборщили мы с дозой.

— Коста сказал, что как раз на двоих.

— Ты водку носи. Коста сказал... Дозняк-то у всех разный, а мы с тобой — новички.

Коля пошел на кухню, достал из холодильника бутылку водки и колбасу и, уже собираясь крикнуть Марине, чтобы она готовила закуску, вдруг увидел оставшиеся на столе несколько крупинок белого цвета, которые разлетелись во время его чихания. Он замер. Звать девушку расхотелось. Очень аккуратно, практически не дыша, он собрал краем бумажного листка драгоценные крупинки в одну маленькую кучку и свернутой в трубочку денежной купюрой втянул их в себя.

— Марин, иди колбасу нарежь, я пока водку разолью.

И пока девушка суетилась возле стола, Коля чувствовал, как его отпускает страх, уходит куда-то беспокойство вместе с болючей, ноющей пустотой в животе. Исчезло головокружение, и разум оставался ясным и спокойным. Пить водку расхотелось.

— Давай, — Марина подняла рюмку и тут же ее выпила, — а ты?

— Не, Марин. Боюсь, еще хуже будет.

— Как хочешь. Мне наливай еще.

Выпив подряд три рюмки водки, девушка успокоилась и неторопливо жевала бутерброд.

— Мне тут один грамотный сказал, что депресняк после наркоты надо водкой глушить. Нажрешься, выспишься, и только обычное похмелье останется.

Коля растянул губы в улыбку. Своим ясным умом он понимал, что действие кокса закончится и ему опять станет страшно. Понимать понимал, но не верил.

Так сейчас хорошо и комфортно — ну не может быть плохо! Впрочем, он уже нашел средство от страха.

— Проводишь меня? — Марина выпила еще рюмку и была уже откровенно пьяной.

— Можешь остаться. И Дину давай позовем, если хочешь, — Николаю было хорошо, и он хотел сделать приятное всем.

— Динку-то? Да ты же измучился совсем, — она секунду подумала, — не, спать лучше дома.

Коля проснулся в пять утра. Проснулся в препоганейшем настроении. Его чувства были волнообразны: вначале сильнейшее беспокойство, которое перерастало в тоску. Было до слез жаль себя, бестолково потраченное время, а понимание того, что он превращается в наркомана, повергало его в ужас и осознание законченности жизни. Особенно поразило собственное поведение, когда он втихаря вынюхал оставшийся кокаин. Это уже не за компанию с женщиной, уже не ради секса. Ему хотелось выть от тоски. Господи, Господи. Помогите мне, помогите. Мама, мамочка, спаси меня, мама.

Он прошел в ванную, включил душ и долго стоял под ним, растирая себя мочалкой. Хотелось все забыть, вымолить прощение, жить с чистой совестью и свежим телом. Какое-то внутреннее, подсознательное стремление к чистоте заставляло тщательно мылиться, смывая с себя всю грязь вчерашнего дня. Ему действительно несколько полегчало. Потом, зная, что уснуть сегодня не удастся, он открыл форточку в большой комнате, негромко включил музыку и истязал себя отжиманиями. «Сколько сможешь, по пять подходов. Дальше гантели и приседания. Вот так, так — до изнеможения».

В университет он пришел за час до занятий и, сидя на подоконнике, готовил домашнее задание. Коле очень хотелось выбросить из головы вчерашний день, забыть его, ве-

сти нормальный, здоровый образ жизни и учиться. «Как... как пять дней назад. Всего лишь пять дней назад я жил нормальной жизнью: ни Арефьева, ни наркотика, ничего не было», — думал он. Было стыдно, и сейчас старательной зубрёжкой он пытался оправдаться за совершённый грех.

К концу второй пары, перед большой переменной, острота депрессии несколько округлилась, эмоции утихли, оставив тяжелое, удручающее настроение. Мир казался злым и мрачным. Здесь и нарисовался Арефьев.

— Так, так, вот и славненько... — сгорбившись, в натянутой до самых глаз вязаной шапочке, он сидел в своей машине и тихо, сам с собою, бурчал. — Славненько, славненько.

Кончиком языка Коста провел вдоль сигареты и аккуратно над листом бумаги сыпал кокаин на мокрый от слюны след. Невесомые крупинки порошка надежно приклеивались к сигарете.

— Вот и все, — он критически осмотрел результат своей работы и, чиркнув зажигалкой, прикурил.

Николай, с грохочущим сердцем, наблюдал процедуру. Желание выкурить наркотик было столь сильным, что заглушало все другие мысли. Казалось, что мозги свело судорогой. Борьба с искушением было просто нечем, любая попытка возразить, противиться сметалась ураганом страстного желания и забивалась в какие-то далекие уголки сознания. И все-таки он боролся. Точнее, делал вид борьбы, нечестно как-то боролся. Вместо категоричного «нет», вместо кардинального — встать и уйти, не встречаться с Арефьевым, попытаться забыть, выбросить из головы и, в конце концов, взять академ или перевестись в другой ВУЗ — он как-то слабенько думал о том, что лучше не надо, не сейчас, ну, может, завтра... Борьба по-настоящему не было ни сил, ни воли. Наркотик манил какой-то страшной, нечеловеческой тягой. И вдруг откуда-то из глубины сознания пришло понимание того, что он и не хочет бороться, не хочет отказываться от кокаина. От этого понимания стало страшно. Коля вспотел. Когда Арефьев протянул ему сигарету, разум на миг вернулся. Всего

лишь на миг, но этого мига хватило, чтобы отрицательно покачать головой:

— НЕТ.

— Да ты что? Здесь же совсем мало — не для кайфа, а так, настроение поднять, не больше, — Коста искренне удивился, — депресняк собьешь, и все. И потом, от одной сигареты убудет от тебя, что ли?

Он словно читал мысли Николая. Действительно, от одной сигаретки хуже не будет, а плохое, тяжелое состояние уйдет. «Но ведь оно вернется, и будет еще хуже, хуже, хуже... — кто-то то ли говорил, то ли стучал молотком в его голове. — Нет-нет, что ты. Здесь совсем мало наркотика, просто улучшится настроение, а депрессия не начнется, потому что мало». Сигаретный дым, перемешанный со сладковатым запахом сгоревшего кокаина, щекотал ноздри, и в этом дыме был покой и хорошее настроение. И все. Просто хорошее настроение, никакого кайфа, а значит — никакого похмелья.

— Давай, а то сгорит. Для настроения, — повторил Коста.

И Коля проиграл, сдался. Вскинул грабки позорно и заскулил: «А-а-а, не бейте, дяденька, я все сделаю».

Жадно затягиваясь, он уже не испытывал стыда, не думал о том, что это последний раз. Он вообще ни о чем не думал, а полностью отдался желаниям и, расслабившись, покатился по темной и короткой дороге наркозависимости.

— Между прочим, — говорил Коста, когда с сигаретой было покончено, — ты вчера кокса взял на полторы штуки.

Коля удивился. Он знал, что наркотик стоит денег, но не думал, что так дорого.

— Ха, а ты что думал? Это же кокаин, а не соточный чек дерьмового героина. Себя-то зачем дрянью травить? Так что, брат...

— Отдам я, Костя, с собой у меня есть штука, остальные завтра, договорились?

Однако у Арефьева были другие планы: он не разменивался на копеечную сиюминутную прибыль, а инвестировал в долгосрочные проекты.

Сложив замком руки и глядя сквозь лобовое стекло куда-то вдаль, спросил:

— Тебе сколько лет-то?

— Скоро восемнадцать будет.

— Да-а, — Коста какое-то время помолчал, — а Маринка славная баба, да? Ничего такая? Тебе она нравится?

Коля не мог понять, куда он клонит, и вообще, при чем здесь Марина. Нет, он, конечно, мог спросить — так, чисто по-мужски, — как, мол, девочка, ну и все такое... Вопрос, однако, был задан с другой интонацией, более серьезной, которая не позволяет легко говорить о достоинствах или недостатках женщины.

— Хорошая девчонка, — согласно кивнул Николай, — только она при чем?

— Как это при чем? Ты ведь мне только что собирался полторы штуки отдать, так?

— Ну, собирался.

— Денег у тебя не так много, как я понял. Ты же у предков их берешь. А теперь скажи мне, — Коста повернул на Николая нагловатые глаза, — ты Марью на трамвае катать да пирожками кормить собираешься? Нет, брат, сейчас таких нет, а если и есть, то состарились уже. Сейчас бабочки нужны, чтобы жить нормально, как люди живут. Можно, конечно, и у родаков клянчить. Если давать будут — хорошо, но чаще ведь не дают, так как у самих нет ни черта. Так ведь? Мои, например, в месяц меньше, чем я в неделю, зарабатывают. Так-то.

Коста довольно откинулся в кресле, достал сигарету.

— Только я думаю, не по-мужски это как-то. Мужики на сильных и слабых делятся. Вот пусть слабаки и клячат. Лохи всякие, гоблины. Это быдло, которое вкалывать рождено. А мужики не просить, а давать должны, понимаешь? Вот ты попросил кокса, я тебе дал. И денег с тебя не взял за это. А знаешь — почему? Да потому что я их зарабатывать умею и, если мужик что-то попросил, я дам, потому что отношения важнее. А ты вот умеешь бабки рубить?

Ничего нового Николай не услышал. Все это старо, и всем известно. Но, с другой стороны, все сказанное Арефье-

вым — правильно. От начала и до конца. Действительно, мужчина сам зарабатывать должен, иначе грош ему цена. Несколько лет назад он был в гостях у своего друга, выходца с Кавказа, и запомнил слова, сказанные его дедом: «Это женщина может дома сидеть, для мужчины это nepозволительная роскошь, он о семье должен думать, детей и женщину обеспечивать, чтоб не голодали. Мужчина работать должен. Не можешь честно денег заработать — иди воровать, ограбь кого-нибудь, это твое личное дело, за это ты потом перед Всевышним отвечать будешь. Но семью накормить обязан. Это, повторяю, дело личное. Иначе ты не мужчина».

Но знать — это одно, а выполнить — совсем другое. Где найти такую работу? Сторожем ночным? Зарплата такая, что на пиво не хватит, не говоря уже...

Куда-то еще? Но ведь учиться надо, на занятия ходить.

— Надо устроиться куда-нибудь после сессии.

— А куда, куда устроиться-то? Дворником по утрам? Сколько ты там зарабатываешь? Да нисколько!

Коста был прав, и, понимая это, он довольно усмехнулся и похлопал по рулю автомобиля:

— Нравится тачка?

— Классная.

— А ведь я ее сам заработал, никто мне ни копейки на нее не дал, — и без перехода спросил, — ты знаешь, чем я занимаюсь?

Коля не был наивным человеком и за несколько дней знакомства понял про источник доходов Арефьева. И еще понял, какое предложение сейчас услышит. Полчаса назад он бы категорично отказался от него, потому как знал, что если в свинарнике жить, то и сам не розами вонять будешь, а дерьмом. По-другому не бывает. Но сейчас, после сигареты с кокаином, он расслабился, настроение стало благодушным, осторожность исчезла, на ее место пришла вера в собственные силы, собственный ум, в изворотливость и удачливость. И когда предложение было озвучено, он согласно кивнул.

Арефьев действительно был профессионалом.

У каждого человека свое отношение к жизни, которое зависит от воспитания, его личностных и эмоциональных характеристик, религии и степени религиозности, национальности и места проживания, и много еще от чего. Границы этого отношения можно определить, как, с одной стороны, безоговорочная вера в судьбу и покорное принятие ее ударов, с другой — во всех жизненных проявлениях видеть действия человека, его волю, желания. Человек сам, своим действием или же, наоборот, бездействием, сотворил ту ситуацию, в которой оказался. Иными словами — каждый достоин той жизни, которой живет, но с оговоркой, ибо эта жизнь имеет массу привходящих моментов, и поэтому от суммы, тюрьмы и больницы — не зарекайся. Лучше вообще ни от чего не зарекаться.

В границах этого мировоззрения и существует человек, находясь, как правило, ближе к середине.

И вот кто-то, в обуви из крокодиловой кожи и галстуке за триста долларов, с уверенным видом садится в собственный «Мерседес», а кто-то тянет трясущуюся от беспробудного пьянства руку за подаванием на опохмелку. То, что «Мерседесы» имеют обыкновение взрываться, — уже из той оговорки о привходящих моментах, и опять же, в зависимости от отношения хозяина к понятию «судьба», он или заглянет под днище автомобиля, или заведет мотор, уповая на судьбу. Впрочем, когда все хорошо, о судьбе вспоминают редко — у российского гражданина она имеет больше негативный оттенок и чаще вспоминается где-нибудь на кладбище или же пьяницей с протянутой, трясущейся рукой. Люди более склонны жаловаться на судьбу, нежели благодарить ее.

У Николая не было времени жаловаться на судьбу, ему было не до того. Хотя руки тряслись. Правда, не от пьянства, а от страха. Он сидел на переднем сиденье отечественной «семерки» и смотрел в лобовое стекло. Прямо перед ним, за невысоким железным забором было кладбище. Старые, в основном железные надгробия давно проржавели и

покосились, а между забытыми, занесенными снегом могилами лежали кучи мусора.

— Ну, и что с тобой делать, урод?

Кроме него, в машине находилось двое мужчин. Один сидел за рулем, второй — сзади, за Колей. Оба были в обычных пуховиках, но свою принадлежность к милиции обозначили показом удостоверений.

Николай был чистый, сбрасывать и терять деньги ему не пришлось. Хотя, если честно, он бы и не успел. Оба мента совершенно неожиданно вдруг материализовались из проходившей мимо толпы, которую он наметанным глазом фильтровал. Но их не заметил. Взяли его грамотно, на углу возле университета, где он обычно тусовался, перемещаясь по периметру здания. Рядом со входом Коля старался не светиться, опасаясь университетской службы безопасности. Ведь если поймают — сразу отчисление. А так — здесь постоит, туда перебежит — никому вроде и не интересен. За исключением, естественно, тех лиц, ради которых, собственно, он здесь и мерзнет. Они его находят быстро. Опасливый взгляд кругом, мгновенная передача денег, получение маленького бумажного пакетика с дозой — и все, человек растворился в толпе. Сегодня вот понадобился ментам. Взяли, одним словом, грамотно, обыскали, но ничего не нашли. Коля пытался скорчить невинное лицо, возмутиться, но, получив короткий удар в печень, прервал поток возмущений и начал жадным ртом хватать воздух.

— Так что с тобой делать-то, урод? — лениво повторил тот, что сидел за рулем.

— Может, закопаем его, чтоб небо не коптил, — отозвался напарник, — а? Ты как, закопать тебя?

— Не, не надо.

— Не надо, говоришь? Ну-ка, иди-ка сюда.

Тот, что сидел сзади, вышел из машины и открыл переднюю пассажирскую дверь.

— Выходи, я сказал.

— Нет-нет, не надо, — Коля весь сжался, обняв руками низ сиденья, — не надо, пожалуйста.

— А ну, — мент схватил его за воротник и с силой дернул, пытаясь вытащить из машины. Второй обеими руками толкнул Колю в сторону открытой двери.

Коля вылетел из машины, с трудом удерживаясь на ногах. Шапка слетела, упала в истоптанный, перемешанный с грязью снег. Милиционер запнул ее в заросли сухой, припорошенной снегом травы.

— Сюда, бля.

Держа за воротник, он подвел Колю к краю глубокой ямы, вырытой сразу за кладбищенским забором.

— Смотри, урод, сейчас камнем по башке дам, и никто тебя не найдет. Если собаки не сожрут, сгниешь здесь. Смотреть вниз, вниз.

На дне ямы дымились старая резина, трава, ветки, ржавые венки и прочий кладбищенский мусор.

— А? Хочешь туда? — рявкнул в самое ухо. — Хочешь?

— Не-е, — Коля усиленно, с остервенением замотал головой.

Хлопнула дверь автомобиля. Обернувшись на звук, Коля увидел идущего к ним второго мента. В руке у того была монтировка.

— Да вы что, мужи... Товарищи, не надо!

— Товарищей вспомнил, сучонок, — стоявший рядом схватил Колю за корпус, блокируя возможные действия.

Коля хотел было рвануться, но опытный мент пнул его по ноге, и он, потеряв равновесие, упал в снег.

— Ты, бля, подергайся мне, — навалившись сверху, человек в милицейской форме схватил Николая за волосы и начал тыкать лицом в снег.

— Не надо, пожалуйста, не надо.

— Ладно, оставь его, — милиционер стоял, широко расставив ноги, и похлопывал монтировкой по ладони. — Слушай сюда. Да вставай ты, не бойся, убивать пока не буду, — лицо было довольным: мент явно любовался собой, упивался своей властью над восемнадцатилетним мальчишкой. — Короче, завтра в девять утра подойдешь к нашей машине, понял? Мы будем у аптеки. Получишь двадцать чеков, вечером отдашь две штуки, понял? Не слышу, дятел!

Коля кивал головой, не веря, что кошмар закончился.

— Все, теперь вали отсюда. Да, это: ну сам понимаешь, если язык развяжется, яму эту вспомни, потому что грохнуть тебя — как два пальца, понял? Был — и нету, и не знает никто.

Коля приложил горсть снега к разбитому носу и смотрел, как два мента идут к машине.

— Сволочи, — он понимал, что вся эта комедия разыгрывалась для того, чтобы заставить его работать на себя. Может, еще для удовлетворения своих амбиций. — Больные ублюдки, нашли себе раба бесплатного.

— Слышь, Ермаков, — Коля поднял голову, посмотрел на мужчин, — иди садись, до города довезем, — и, делая приглашающий жест, мент поднял крышку багажника.

Николай отбросил окровавленный снег, нашел свою шапку и, развернувшись, ускоренным шагом пошел в другую сторону. За спиной раздалось довольное ржание.

Когда Николай добрался до конечной остановки автобуса, кровь остановилась, и он, по возможности, оттер рукавом лицо. Запекшиеся следы остались на щеках и подбородке. Переминаясь с ноги на ногу, подпрыгивая и дую себе на руки, он пытался согреться. Ноги от хождения по целине промокли, джинсы были мятые и тоже мокрые на коленях, в шапке застряли комочки снега и травинки. Наконец подошел автобус, и Коля разместился на заднем сиденье, возле печки.

С того памятного разговора, когда Арефьев предложил ему торговать наркотиками, прошло три месяца.

— Встанешь там, на углу, к тебе подойдет. Главное, не бойся ничего.

Все, действительно, было достаточно просто. Вначале подошел один, весь суетной, испуганный, сказал, что от Косты; потом другой — и понеслось. Через пару недель у Коли была наработана своя, довольно обширная, клиентская база.

Всех покупателей он знал в лицо, с некоторыми разговаривал и, стоя в подъезде, смотрел, как они трясущимися руками вгоняли иглу в утонувшие вены. Кокаин за все это

время он нюхал только несколько раз, потому что на рынке его практически не было. Он слишком дорого стоил и пользовался популярностью где-то в других сферах, ближе к элите. Зато свернутые маленьким квадратиком бумажки с героином каждый день лежали у него в кармане.

Приобщаясь к ведению бизнеса, он узнавал и маленькие секреты своей профессии. Аккуратно разворачивая каждый чек с герычем, концом иголки доставал мизерное количество наркотика, добавляя обратно примерно столько же обыкновенного аспирина, измельченного в порошок. Полученный в результате этих манипуляций наркотик он смешивал с табаком сигареты, которую выкуривал перед началом работы. Было кайфово. Коля интересовался, можно ли буторить гекс сахаром. Здесь мнения разделялись: некоторые утверждали, что нежелательно; другие, наоборот, считали, что сахар придает особую колкость.

Арефьев как-то достал пачку сигарет, снял целлофановую обертку и, протягивая ее Николаю, пояснил:

— Все чеки сложи сюда, чтобы были в одном месте, так скидывать удобней, если шухер какой.

Изо дня в день, вращаясь среди наркоманов, слушая их рассказы, Коля сам не заметил, как привык к ним. Сбылось его пророчество: живя среди вони, сам вскоре завоняешь. Психологически он созрел для первого укола, который не стал неожиданностью.

Дело происходило в гараже, где Коста ставил свою машину. Их было трое: он, Коста и какой-то его приятель.

— Пацаны, давайте быстро, опаздываем. — Арефьев подогнал трех девок, которые ждали их через полчаса на хате. Времени было в обрез. Понимая, что сейчас получит свою первую дозу гекса, Коля волновался, но вскоре поддался торопливому настрою компании, и волнение из разряда личной проблемы перешло в общую. «Не опоздать бы», — думал он и поминутно смотрел на часы.

Шурик, Арефьевский приятель, нервно потирая нос, притопывая ногой и щелкая пальцами, приготовил смесь, которую вылил в черную от копоти алюминиевую ложку.

— Зажигалку давай, — сказал он, — ага, нормально, — и, прикусывая губу, держал ложку над пламенем. Когда со дна ложки пошли маленькие пузырьки, смесь растворилась, и он привычным жестом набрал ее в шприц.

— Руку перетяни. Вот. Теперь кулаком поработай. Ух ты, — Шурик пару раз хлопнул Колю по запястью, на котором вздулись вены, — мечта. У меня только канал остался, вен нету. Можно, конечно, в жопу ставить или в плечо, ну это... внутримышечно, но дозняк надо больше. А бабок нет, как всегда. — И, ловко вогнав иглу Николаю в руку, разбавил кровью и плавным нажатием на поршень пустил мутную жидкость по вене.

Почти сразу Коля ощутил легкое головокружение и какую-то необычность во всем теле. Его повело в сторону, он облокотился о стену и сел на ящик. Стало жарко, веки налились тяжестью.

— Приход поймал, — сказал Шура.

— Ага, — согласился Коста.

Потом они ехали в машине, сидели и разговаривали с девчонками. Коля воспринимал все, как во сне, окружающее доходило до него сквозь вату, будто вся компания сидела в другой комнате. Чуть подташнивало, но это не мешало сосредоточиться на какой-то своей мысли. Если бы Колю спросили, о чем он думает, вряд ли бы он ответил: мысль была, с одной стороны, очень важная, а с другой — какая-то расплывчатая, абстрактная. Она плавно текла, сочетаясь с чувствами, идеально гармонируя со всем окружающим. Он отчетливо ощущал единение со всей вселенной, понимал это, и понимание не вызывало никакого удивления. Мировосприятие кардинально изменилось, словно Коля находился на другой планете, где земные мерки, земные стандарты совершенно не подходят под окружающую среду, где все другое. Это был кайф, настоящий кайф, и ему, человеку, открывшему совершенно иное, стало жалко людей, прозябающих в тесном, скучном и сером мирке. Жалость навалилась на него неожиданно, полностью завладев им. Коля заплакал, но жалость тут же ушла, уступив место благодати и осозна-

нию того, что все будет правильно. Сейчас его губы расплылись в улыбке.

Глядя со стороны, можно было бы сказать, что улыбка эта глупая, абсолютно неуместная, ненужная. Но сказать было некому: все, в том числе и девчонки, которые только что ширнулись, находились в таком же зависшем состоянии. С тяжелыми, закрывающимися глазами, молодые люди вяло переговаривались, кто-то тихонько мотал головой, кто-то навязчиво чесал себе щеки, крутил пальцем в волосах или ковырялся в носу.

Николай курил сигарету за сигаретой, и ему казалось, что каждая затяжка добавляет что-то свое в то благодушное, не до конца понятное чувство.

Через некоторое время овладевшая им лень вдруг сменилась страстным желанием что-то делать. Он ощутил прилив сил, вместе с которым пришло чувство голода, и Коля начал сметать все со стола, за которым уже никого не было...

— Проездные приготовим! — ворвавшийся «с улицы» посторонний голос нарушил поток воспоминаний.

Черт! Зная, что денег нет, Коля все же пошарил в карманах, оттягивая время перед неминуемым объяснением с контролером.

— Иван, Иван, — закричала толстая неопрятная тетка с сумкой на шее через весь автобус, — останавливай.

Через минуту Николай с поднятым воротником и в надвинутой на уши шапке шагал по направлению к центру города. «Что за сволочной день?» — думал он и ненавидел жирную кондукторшу, поганых ментов, холодную зиму и пронизывающий, ледящий ветер. К внешним факторам, все более усиливаясь, привязывались тяжелые внутренние ощущения. Депрессия навалилась на него, окрашивая и без того сумеречный мир в еще более мрачные, пугающие тона. Болел, как при отравлении, желудок, ныли коленные суставы, появилась одышка.

Налицо были все признаки наркотической ломки.

Большое видится на расстоянии. Воспринимая данное утверждение буквально, можно представить гору, у подножия которой находится человек. Охватить взглядом всю гору с этого места невозможно, только с некоторого удаления. В переносном же смысле, слово «большое» можно заменить словами «главное» или «важное», а «расстоянию» придать не только пространственный, но и временной контекст. С течением времени переоцениваются те или иные исторические события, делается объективный анализ экономических, политических или военных стратегий. Это в общественной жизни.

В индивидуальном же плане данное утверждение имеет широчайшую сферу приложения: от глобальной оценки прожитых лет — основных жизненных приоритетов — до ежедневных бытовых ситуаций.

«У-у, какой большой ты стал», — наклонившись над малышом и протягивая ему конфету, говорит какая-нибудь дальняя родственница. Потом, выпрямившись, родителям: «Как вырос-то за полгода, пока у вас не была».

Как и для всяких родителей, для Михаила Дмитриевича и Надежды Антоновны их сын был «большим, главным и важным». Они любили его, воспитывали, старались, по возможности, уберечь от всяких неприятностей. И, конечно, гордились им: «Вот. Это Николай, наш сын!»

Коля проживал совместно с родителями, и у них, от ежедневного общения с сыном, взгляд «замылится», процесс его взросления стал незаметен. Тем более, в таком возрасте изменения происходят в основном качественного характера, то есть меняется человек не столько внешне, сколько внутренне.

Первый тревожный сигнал был озвучен сестрой Надежды Антоновны, приехавшей из соседнего городка:

— Коля изменился как-то, нелюдимым стал, раздражительным.

— Ну, Оля, — Михаил Дмитриевич откинулся в кресле, — у него и жизнь изменилась. Все новое: учеба, ком-

пания, сознание собственной взрослости. Он и должен меняться.

— Да нет, — она с сомнением покачала головой, — здесь что-то другое, с компанией бы какой дурной не связался.

Эти слова напугали Надежду Антоновну.

— А может, любовь несчастная? А? — сказала она с надеждой на подтверждение собственных слов. — Человек и замкнуться в себе может и раздражаться не по делу.

Позже, после отъезда сестры, оставшись наедине с мужем, Надежда Антоновна вновь подняла эту тему:

— А ты, Миша ничего не замечаешь?

— Да черт его знает. Как тут что определишь? Меняться-то он меняется, но ведь так и должно быть, а? У него же все новое. Да, в конце концов, мы с тобой, попав в другую среду, тоже изменимся, а он тем более, ведь ребенок еще совсем. Но... замкнутым он стал, это точно.

Михаил Дмитриевич вдруг понял, что почти ничего не знает о нынешней жизни сына, его новой компании, учебе. Иногда они перебрасываются парой ничего не значащих фраз, типа: как дела — нормально; как учеба — да ничего. Появился новый знакомый, как там его... Костя, что ли? И все. Раньше они были друзьями, много говорили, сын всегда делился чем-то личным, спрашивал совета. Сейчас все изменилось, то у него времени нет, то у меня.

— Я, знаешь, Надя, поговорю с ним, узнаю, может, действительно, какие проблемы у ребенка. Да и вообще, мало мы стали общаться.

Но Коля в этот вечер пришел домой поздно, назавтра появились дела у Михаила Дмитриевича, потом опять что-то не срослось, и так, в конечном итоге, все и забылось.

А может, интуитивно отец боялся разговора с сыном, по возможности его оттягивал. Угрюмый взгляд, брошенный Николаем исподлобья, ничем не мотивированная агрессия, раздражение на совершеннейшую мелочь, не свойственная ему замкнутость... Все это, так или иначе, фиксировалось Михаилом Дмитриевичем где-то на подсознательном уровне и, в конечном итоге, выливалось в чувство, которое

люди называют интуицией. Может быть, руководствуясь этим чувством, он боялся узнать что-то неприятное, а, возможно, страшное и предпочитал оставаться в неведении, в надежде, что все само разрешится.

А может, и не было никакого страха перед разговором, а просто отсутствовал удобный момент. Искусственно создавать его отец не хотел, считая, что торопиться, в общем-то, некуда.

Кто его знает, как было? Чужая душа — потемки. В общем, разговор, по инициативе отца, не состоялся, но через некоторое время Коля сам попросил об этом.

Словно первоклассник, использующий цветные карандаши для раскрашивания картинки, Коля использовал шприц для придания цвета окружающему беспросветно мрачному, однообразному миру.

Привычным, легким нажатием на поршень, он выгнал из шприца воздух, легко и безболезненно проткнул иглой кожу и, затаив дыхание, пустил героин по вене. Сразу же поймал «приход». По телу пробежала теплая волна, выступили микроскопические капельки пота, а веки налились тяжестью. Оценивая свое состояние, Коля пришел к выводу, что герыч «грязный», с примесью. Выступивший пот скоро высохнет, и начнется зуд. Чесаться будут щеки, руки, лоб, шея, а действия по устранению этого дискомфорта приобретут навязчивые формы.

Этот чек он купил на «точке» у какого-то дерганого хуленького мальчишки.

Со своим бизнесом Коля завязал, потому что Арефьев перестал снабжать засветившегося бегунка чеками, а на ментов он наплевал. Просто не ходил к их машине, и все. О яме, в которую его обещали бросить мусора, он помнил, но помнил как-то неярко, размазанно. Менты, однако, занимаясь преступным делом, сами боялись засветиться и никак не проявляли себя. На Колин демарш никаких репрессий не последовало, и он вскоре о них забыл. Он вообще забыл о многом, а о чем помнил, на то просто плевал. Его ничего не интересовало, кроме денег на очередную дозу. И только после укола у него просыпались человеческие желания.

В такие минуты он думал и об учебе, и о девчонках, строил какие-то планы. Кайф проходил, все планы откладывались, учеба отодвигалась на «завтра», и на первый план выступали деньги. Лимит, выдаваемый ему родителями, быстро заканчивался, и остатками разума Коля понимал, что просить постоянно нельзя, это вызовет направленный интерес и ненужные вопросы. Занимать было не у кого, тем более что надо было отдавать, а отдавать было нечем, и это быстро поняли окружающие.

Вскоре Коля почувствовал, что ему мало одной дозы в сутки. Он кололся с утра, но вечером у него портилось настроение и подламывало суставы. Потребности росли, а денег не было. Сознание этого убивало, казалось, что он сойдет с ума, но, странное дело, как только в кармане появлялось сто рублей, он успокаивался. Еще не купив чек и, тем более, не уколовшись, он чувствовал подъем настроения, становился возбужденным, и даже как-то стихал физический дискомфорт в животе и суставах.

Наконец, диспропорция между потребностью и возможностью привела к тому, к чему она неизбежно приводит. Коля начал воровать. Успокаивая себя тем, что «это моё», взял из дома и продал несколько видеокассет. Он сложил их в пакет и прошелся по близлежащим павильонам. Ценник был невысокий, десять-пятнадцать рублей, поэтому необходимая сотня набралась быстро.

И вот, развалившись в кресле, он ловил кайф. Сейчас сознание начнет расширяться, охватывать новые, неизведанные горизонты, станет мягким, податливым, словно губка, которой легко впитывать «бесконечное цветное новое». В такие моменты для него не существовало мелочей. Он понимал, что мир состоит из деталей, которые придают каждой вещи свою индивидуальную неповторимость. Он любовался ими, смаковал до тех пор, пока каждая из них не становилась ясной и прозрачной, и он видел её суть насквозь. И осознание этой сути несло искреннюю, безграничную радость, несло счастье.

Вдруг что-то зажгло и закололо на груди. Это было неприятное отступление от привычного сценария, и он недо-

вольно почесал это место через майку. Боль не проходила. Черт! Он снял одежду и посмотрел на грудь. На месте жжения появился маленький бугорок, совсем небольшой — со спичечную головку. Бугорок немного увеличился и вдруг лопнул. Из него появилась черная точка, которая зашевелилась и начала выползать. Вслед за точкой появилось белое, с желтоватым оттенком, тело сантиметрового червяка. Рядом появилась еще одна такая же припухлость. С воплем скинув с себя червяка, Коля вскочил с кресла, опрокинув его на журнальный столик.

— Что это? А-а-а, — орал он и истерично рукой скидывал с себя червей, которых появлялось все больше и больше.

Бугорки надувались, тут же лопались, и из них выползали белые, с черной головкой, маленькие черви. На этих местах оставались кровоточащие дырки — ходы, которые изрыли всю грудь. Совершенно обезумев, Коля бросился всей плоскостью тела на стену, пытаясь раздавить червей. Но те все появлялись и появлялись, и вскоре вся грудь была покрыта маленькими бугорками. Жжение стало чувствоваться на шее и щеках, и даже в глазах, откуда поползли червяки, мешая смотреть. Не переставая истерично вопить сорванным горлом и мечась по комнате, впиваясь ногтями в собственное тело в попытках освободиться от выползающих из каждой поры червей, Николай совершенно потерял контроль над рассудком. Но среди этого заполнившего сознание ужаса пульсировала мысль, что все это — вызванная наркотиком галлюцинация. Пытаясь прогнать наваждение, он со всей силы давил пальцами на глаза, лил на голову холодную воду. Ничего не помогало, разум полностью захватило сумасшествие под названием героин. Зажгло язык, и через минуту рот забился кишачими в нем червями. Коля выплевывал их, но они появлялись и появлялись с чудовищной быстротой, и вскоре он начал задыхаться.

— Хра — хр — хра, — хрипел он, бегая по квартире и поскальзываясь на раздавленных червях.

Этот кошмар длился еще минут десять, потом осознание того, что это галлюцинация, стало разрастаться, про-

гоняя все искусственное, все навязанное, мысль стала приобретать четкую, отображающую реальность форму. Весь мокрый от вылитой на голову воды, пота и крови, которая выступила на расцарапанных груди и щеках, Коля лежал на диване, закрыв лицо подушкой.

В голове был хаос, его мутило.

У Николая и раньше были галлюцинации, но совершенно другой направленности. Во-первых, они были кратковременны, не захватывали рассудок полностью. Он мог свободно прервать их, отвлекшись, к примеру, на разговор или на какой-нибудь физический позыв. Но главное, они были приятны, не пугали, а наоборот, успокаивали и идеально сочетались с общим настроением на получение кайфа. Однажды ему казалось, что он маленький, в резиновых сапожках и болоньевой курточке, сидит на корточках возле большой, пузырящейся от дождя лужи. Зачарованными глазами он смотрит на лопающиеся пузыри, они завораживают его, погружают в приятное и спокойное гипнотическое состояние. Или он стоит на вершине горы, подставив лицо свежему ветру. Ветер обдувает его, усиливается, и вместе с ним звучит мелодия гимна. Музыка идеальная, божественная, она окутывает, проникает внутрь, и он воспринимает ее не органами слуха, а всем телом. Появляется уверенность в долгой, полной приключений и наслаждений жизни. Интересной жизни. Вскоре Коля растворяется в ветре, несется с ним, а гимн усиливается, и каждый удар ритма музыки сочетается с биением Колиного сердца.

Здесь же все наоборот.

Придя в себя и немного успокоившись, Коля понял, что находился на грани безумия. При воспоминании об этом у него тут же начинало жечь грудь. Червяки, правда, не ползли, но он не был уверен, что это не повторится. И он решил бросить наркотик, отказаться от него, вырвать из головы память о нем, растоптать и забыть. Забыть. Изучая собственные ощущения, слушая рассказы приятелей, он знал, что соскочить с иглы непросто. Очень непросто. Настрой, однако, был решительный, и, поднявшись с дивана, он вырвал из тетради листок и крупными печатными

буквами написал на нем: «Я СИЛЬНЕЕ». Он старался передать этим буквам только что пережитый им страх, все свое желание бросить наркотик, всю волю. Сложил листок вчетверо и убрал в карман куртки, чтобы всегда был под рукой. Я сильнее. Потом навел порядок в доме, поднял сваленное кресло и, устроившись за кухонным столом, стал изучать домашнюю аптечку. Анальгин, баралгин... — обезболивающие он откладывал в сторону и рылся дальше, в надежде найти какой-нибудь транквилизатор.

Фармакологических знаний не хватало, и многие названия ничего ему не говорили. Впрочем, о транквилизаторах он имел тоже очень смутное представление и под ними понимал запавшие в голову реланиум или фенозепам. Ни того ни другого в домашней аптечке не было, но зато отыскивался димедрол, который, как помнил страдающий приступами аллергии Николай, вызывал еще и сонливость. Всё.

Впервые за последние несколько месяцев он решил приготовить домашнее задание. Связавшись по телефону с одноклассником и узнав задание, он, с легким удивлением по поводу нового материала, о котором и не подозревал, достал учебник и принялся за чтение. Через полчаса он с раздражением откинул его и невидящим взглядом уставился перед собой. Ничего из прочитанного Коля не понял и не запомнил. Не понял не потому, что дурак или материал сложный, просто мысль о том, что он завязал, навязчиво вертелась в голове, не позволяя углубиться в занятия. Он прогонял ее, пытался сосредоточиться на учебнике, мысленно рисовал образ прочитанного. Ничего не помогало, не думать об этом Коля не мог. Не то что бы его тянуло к наркотику, нет — прошло еще мало времени, и тяга не появилась. Более того, если бы кто-то предложил ему сейчас ширнуться, он бы решительно и без сожаления отказался. Слишком близки и страшны были воспоминания о словленных им глюках. Если бы он не решил завязать, мысль о наркоте не торчала бы столь навязчиво, не позволяя сосредоточиться на чем-нибудь, а так...

Убивая время, Коля бесцельно слонялся по квартире, потом оделся и поехал в университетскую общагу в

надежде, что в разговоре, за пивом, он отвлечется и безвылазно торчащая в его голове мысль наконец уйдет.

Возле троллейбусной остановки, на лавочке, сидела группа оборванных десяти-тринадцатилетних детей. Они шумели, ели хлеб; ерничая, кланчили у прохожих мелочь и, особо не скрываясь, нюхали клей.

Мимо проходили хорошо одетые, представительные мужчины, которые умели красиво, со знанием дела, рассуждать о политических и экономических просчетах руководства страны, хаять правительство и общую неустроенность жизни. Они умно, логически правильно искали виноватых, обвиняя в сложившемся бардаке милицию, преступников, министров, пьяниц и наркоманов. Они ненавидели молодежь за их «другую жизнь», богатых — за их богатство, основанное непременно на криминале, собственных начальников — за их беспросветную глупость. У них были надоевшие жены, подлые и завистливые друзья. Перед сном, лежа в кровати, они с наслаждением мечтали, представляя себя уверенными мужчинами, истинными героями, рядом с которыми всегда много очаровательных женщин и верных друзей. В эти сладкие грезы врывалось тяжелое сопенье жены, и они, пряча раздражение, переворачивались на другой бок. Но изменить это до безумия надоевшее течение жизни они не могли. Потому что не могли вообще ничего изменить, не могли вообще ничего сделать. Врагов у этих мужчин не было — они ничего собой не представляли и были никому не интересны. Но они считали, что имеют врагов в лице соседей, которые шумят допоздна и хлопают дверью, и ненавидели их. Они ненавидели всех, кроме себя, таких умных и несправедливо обиженных жизнью. Рядом с грязными, оборванными детьми они казались себе еще умнее, правильнее и значительнее.

Тут же стояли холеные женщины бальзаковского возраста, с чересчур ярко выраженными интеллигентскими манерами. Бесспорно, они знали о жизни все. С легкой брезгливостью, с надменными лицами, тонкими, наманикюренными ноготками они касались плеча своих мужчин и, глядя на заплывающих остановку беспризорников, недо-

умевали, как же можно довести себя до такого свинского состояния. «Вот — говорили они, — будущие бандиты и убийцы». У кого-то во взгляде сквозило презрение, у кого-то брезгливость, у кого-то равнодушие, но мало у кого в глазах читались жалость, боль и сострадание. Взрослые люди были слишком заняты собственными проблемами, и вряд ли кому стало стыдно, вряд ли кому пришла в голову мысль о его личной ответственности за искалеченные судьбы ребятишек. И уж тем более никто из них не понимал: единственное, чем они отличаются от этих детей, — это тем, что родились и выросли они в более-менее благополучных семьях, что у них живы родители. Слава Богу, их детство не было обезображено беспризорностью и полным равнодушием со стороны взрослых и сильных.

Возможно, когда-нибудь их сынишка, как и всякий ребенок, безоговорочно верящий во всемогущество отца, подойдет к только что чинно отужинавшему родителю и задаст совершенно конкретный вопрос: «Папа, а что ты сделал в своей жизни?» Вопрос поставит в тупик. Что отвечать? То, что все время ныл, жаловался, жалел себя и хаял других, завидовал и сплетничал? Демагогия, ссылки на глупых начальников, не оценивших по достоинству его таланты, или завистливых друзей, здесь не пройдут. «А, папа?» — конкретный вопрос требует такого же ответа. «Что ты сделал в жизни: построил ли дом, вынес ли человека из огня, спас ли тонущего ребенка?» Облегченно вздохнув, мужчина погладит сына по голове: «Не каждый день, сынок, горят дома и тонут дети. При мне никто не тонул, просто некого было спасать. А так, если бы кто-то звал о помощи, то конечно, спас бы...»

Как так, «некого спасать»? Рядом с тобой, совсем рядом, тонут дети. Не в море тонут, не в речке — в жизни тонут. Спаси их, спаси хотя бы одного. Придет время — и зачтется тебе это, обязательно зачтется, как, возможно, самый главный поступок в твоей жизни. Но нет, этих детей мы не замечаем, здесь мы не герои.

Конечно, эти слова были сказаны не ребенком, кем-то другим. Возможно, совестью.

Рука мужчины привычно залезет под домашний халат и примется чесать живот.

А мальчик, слегка разочаровавшись, пойдет в свою комнату дальше читать свои детские книжки о добре и справедливости.

По своему возрасту, Николай не мог нести ответственности за судьбу беспризорных детей, поэтому, скользнув взглядом по привычной уже картине, он прошел мимо.

— У-у, какие люди! — в общаге отмечали день рождения старосты группы. Раскрасневшаяся именинница приветливо помахала рукой. Она была немного полновата, но это не портило, а наоборот, придавало какой-то неуловимый шарм. Что-то в ней было такое притягательно женское, ненавязчиво сексуальное, отчего всегда хотелось улыбнуться. Ее обезоруживающая открытость — постоянная, вне зависимости от ситуаций, искренняя радость невольно передавались окружающим, поэтому рядом с ней всегда были шутки, смех и хорошее настроение. Наверное, Валентина была счастливым человеком, а говорить таким людям тост — легко и приятно. Коля взял протянутый кем-то стакан.

— Валечка, я хочу выпить за свет, который ты даришь людям. В жизни всякое может быть: хорошее, плохое, легкое и тяжелое, светлое и темное, но сохрани этот свет, пронеси его сквозь года — и люди будут любить тебя за него, искренне любить. Такому свету нельзя завидовать, поэтому окружать тебя будут только настоящие друзья, а мужчины будут дарить цветы и драться за тебя на дуэлях. Этот твой свет, твоя улыбка несовместимы с обманом, подлостью, предательством — их и не будет, а будут честность, верность и благородство. За тебя!

Сейчас настроение Коли было созвучно с детской песенкой «От улыбки станет всем светлей...», которую он и запел. Вся нетрезвая компания подхватила ее, и хор мужских и женских голосов, безбожно перевирая мотив и слова, сотряс стены комнаты. Но в общем было красиво, а главное — искренне. Валентина хохотала и хлопала в ладоши.

— Молодец, Сусанин, хорошо сказал, в масть.

На курсе Николая прозвали Сусанин. Проводником он никогда не был, в лесу никого блудить не оставлял. Ему объясняли, что Ермаков — Ермак, сибирский первопроходец, а дальше терялись, мямлили, что первый и второй ходили по лесу. Ничего другого, объединяющего этих двух исторических фигур, не было, но произнесенная однажды кличка приклеилась, и теперь девчонки ласково называли его Ванечкой, а пацаны — Сусаниным. Коля относился к этому равнодушно, не обижался.

— Ванюш, ты почему так далеко забрался? Иди к нам, целоваться будем, — пьяные, весело хохочущие девчонки сдвинулись, освобождая ему место.

— А можно, я за него?

— Еще чего, за меня. Нет уж, любезный, я и сам как-нибудь... А ты на подхвате пока, если помощь понадобится — свистну.

Праздник был в самом разгаре.

Домой Коля пришел поздно, пьяный. Рассказал выдуманную им и озвученную сегодня уже в десятый раз историю про царапины на лице, выслушал от матери порцию упреков в пьянстве и ушел в свою комнату. Вскоре туда зашел отец, сел в вертящееся кресло перед компьютером, постучал пальцами по клавиатуре.

— Хороший компьютер?

Коля утвердительно кивнул.

— То есть нормальный такой, современный? Устраивает, да? Новее не надо — или, может, все-таки прикупить? — голос у отца был спокойный, но Коля понял, куда он клонит.

— А с учебой все хорошо? Престижный факультет или что другое подыскать? Ты скажи, если что. Ага? Куртку лайковую на норковой подкладке не хочешь? Мы можем, если что.

— Пап, я на дне рождения был, ну...

— На дне рождения? Прекрасно, я тебе никогда не запрещал на праздники ходить, и не вынуждай меня делать

этого. Нельзя, нельзя, Коля, быть потребителем, надо давать что-то, понимаешь? Мы тебя, пока ты еще молодой, кормим, поим, одеваем, с учебой вот решили, а от тебя требуется учиться и не наглеть сильно, понял? Просто не наглеть, всего-то.

— Да, пап, извини.

— Не надо извиняться передо мной, сынок. Себя пожалей, жизнь-то твоя, и жить ее тебе. Мы, помнишь, на вокзале мать встречали.

— Помню, — Коля удивился внезапной перемене темы.

— Возле входа, на лавочке, бичи сидели — обоссанные, вонючие, опустившиеся люди. Не люди уже даже, а твари, потому что с людьми их ничего не связывает, нет в них ничего человеческого. Человеком ведь быть — это не только есть, пить и в туалет ходить, правильно? Вот. И сдохнут они так же, где-нибудь под забором. Не умрут, а именно сдохнут. Так вот, к чему я это... Они, Коля, не сразу синьку да катанку бухать стали. Раньше тоже на дни рождения ходили, коньячок с шампанским пили и, если бы кто-то им сказал, во что это выльется, — думаю, удивились бы. Дорожка эта известная. Раз — и готово. А со дна подняться ой как сложно, невозможно даже. Знаешь, почему? Да потому что им там нравится, а нравится потому, что вместе с водкой и мозги травятся; деградирует человек, понимаешь? Ни ума, ни воли не остается. Вот такой вот круг неразрывный. И ничего не поможет, ни лекарства дорогие, ничего. Так кем ты себя видишь-то, черт возьми, не бичом же. Короче, ограничивайся с алкоголем.

После ухода отца Коля разделся и улегся под одеяло. Он решил сегодня не пить димедрол и обезболивающие, так как оценивал свое состояние как удовлетворительное. Обычное состояние пьяного человека. Даже ломающие боли не начинались, хотя по времени должны были. Водка имеет хорошее анестезирующее действие.

Всю ночь он проспал без снов, и только утром отвратительное, подавленное состояние вернулось, и в голове вновь задолбила навязчивая мысль о героине.

Возбужденный, после разговора с сыном Михаил Дмитриевич прошел в большую комнату и включил телевизор. Жена что-то читала рядом на диване.

Пощелкав кнопками пульта дистанционного управления, он остановился на спортивной передаче. Новости он не смотрел уже давно, считая, что очередное убийство, ограбление или иной факт из этого же крайне негативного, эмоционально тяжелого ряда знаний и тем более радости ему не добавят. Все это и так изо дня в день глотаешь в обычной жизни. Хватит, наелся до отрыжки.

Началась реклама. Какой-то мужчина со здоровым загорелым лицом стоял на берегу моря и держал бокал пива. Закадровый голос вдалбливал что-то о счастье и его вкусе. «Чувствуешь, что живешь». Михаил Дмитриевич видел эту рекламу сотни раз и не обращал на нее внимания. Но сейчас алкогольная тема воспринималась слишком болезненно. С раздражением он выключил телевизор.

— Помнишь, Надя, на заре перестройки ходили всякие байки о ЦРУ, которое развалило Союз, о всемирных сионистах и прочая галиматья. А сейчас я склонен думать, что не ерунда это вовсе. Я никак не могу понять, что происходит. Нас слишком целенаправленно истребляют. Именно истребляют. Нет, ну там бизнес, деньги, все такое, это понятно. Но сколько можно. Эта реклама, всевозможные пивные праздники. Это же откровенное, ничем не прикрытое спаивание молодежи. А? Ну ты посмотри: дети идут, хлещут пиво, потом догоняются водкой. Они не понимают, что алкоголь — это культура, встречи с друзьями, праздник. А у них праздник каждый день. Это ужасно. Это страшно, Надя. Может, и прав был Горбачев со своим законом, нельзя нам спиртное свободно разрешать, отбирать надо, раз сам человек не понимает.

Михаил Дмитриевич завелся. Жена молча кивала, давая возможность выговориться, и ждала, когда он остынет, успокоится, и можно будет идти спать.

Коля делал вид, что ест. Бутерброд застревал в горле, и он, пытаясь протолкнуть, запивал его чаем. Желудок с

утробным урчанием отказывался принимать пищу и каждый кусок выталкивал обратно. Полное отрезвление еще не наступило, психологическая подавленность была где-то на подходе, и сейчас он был всем недовольный, злой и раздражительный. Страстно хотелось дать кому-то в морду. Домучив бутерброд, он стал собираться на занятия.

— Пап, — Коля мрачным взглядом уставился в стену, — дай денег.

Михаил Дмитриевич молча смотрел на сына.

— Дашь? Нет? Ну и черт с тобой! — тот вышел из квартиры, сильно хлопнув дверью.

— Дал бы ты ему денег, кушать ведь захочет ребенок, за завтраком не съел ничего.

— А вдруг ему похмельиться захочется? Ничего, потеряет маленько.

Николай сидел на паре и даже не пытался слушать преподавателя. Разламывалась голова, отдавая давящей болью в уши, чья-то рука шарила по желудку, пытаясь вырвать внутренности, невыносимо ломило суставы. Он то сгибал, то разгибал ноги, крутил ступни, вытягивал их, не находя места. На лбу выступали капли пота, тело бил озноб. На переменах Коля выпивал по три-четыре таблетки баралгина, физическая боль чуть стихала, но тут же все существо захватывала тяжелейшая депрессия. Жизнь теряла смысл, черные тягучие волны заполняли разум, весь, без остатка.

После занятий Коля купил в аптеке нозепам, бросил несколько таблеток в бутылку пива и, дождавшись, когда они растворятся, выпил содержимое. Сильно это не помогло. Опьянения не было, вместо него пришло одурение. Руки и ноги как бы отнялись, в голове возник хаос, состоящий из мрачных обрывков депрессии. Временами он доставал из кармана тетрадный листок, читал его и пытался вызвать в себе желание бросить наркотик, вызвать то чувство уверенности и страха, с которым он писал и который вкладывал в короткое предложение. Я сильнее. Оказалось, что здесь совсем другие, неизвестные ему правила игры, и листок этот ничего не значил. Желание бросить убивалось в зародыше,

а уверенность даже не зачиналась. Вместо нее безраздельно хозяйничала некая сумеречная подавленность.

Ночью, несмотря на выпитое снотворное, он почти не спал. Немело тело, глаза слипались, но только он закрывал их, как проваливался в короткий одуряющий кошмарный сон. Появлялось ощущение свободного падения в бездонную, черную пропасть. В преисподнюю, кишашую бесовским сумбуром. Коля открывал глаза, садился на кровати и безумным, блуждающим взглядом смотрел куда-то сквозь стену. Через несколько минут веки наливались кровью, тяжелели, сил бороться не хватало, и он вновь погружался в короткое полузабытье. Все повторялось с бесконечной оболванивающей монотонностью.

Следующий день мало чем отличался от первого, разве что более усиленной степенью депрессии. И следующий...

К концу четвертого дня Николай понял, что умрет. Если сейчас, сию секунду не вмажется, то умрет. Сил на борьбу не было. Хотя физические боли немного стихли, не так уже досаждало изнуряющее нытье в теле, душевная безысходность давила, прижимала его к земле. Мысли о наркотике занимали все его существо круглые сутки и, как он ни пытался их прогнать, не уходили. Нельзя сказать, что жизнь для него потеряла смысл; нет, он не хотел умирать. Нельзя также сказать, что Коле было страшно, безысходно, невыносимо. Просто определение его состояния лежало в другой плоскости, находящейся вне понимания обычного человека, и требовало иной формулировки, иного отношения. В какой-то степени ему было и страшно, и тоскливо, и безысходно, и невыносимо, но все это — эмоционально увеличенное в тысячи раз. Было еще какое-то запредельное чувство, вмещавшее в себя осознание того, что без наркотика жизни нет. Нет — как ни крути, что ни делай. Нет, и все.

Но маленькая частичка разума твердила ему, просила, умоляла его: держись, еще немного, и эта раздирающая душу тоска будет стихать, ты снова различишь краски, почувствуешь радость, почувствуешь комфорт. Терпи, у тебя есть к чему возвращаться, у тебя была жизнь, были интересы, они здесь, рядом.

Но Коля снял с плеч ношу, она оказалось непосильной. Чтобы снова нести ее, требовался еще кто-то, сильный и надежный. И вот тогда он решил обратиться за помощью к отцу.

Быстрым шагом, боясь свернуть в сторону, он шел домой. В голове крутились строки из песни, которые он сам туда вогнал, чтобы притупить мысли о героине: «Плачет девочка в автомате, плачет девочка в автомате...» Дальше этих трех слов он не пел, потому что забыл, а вспоминать боялся, понимая, что в образовавшееся в голове секундное отвлечение на воспоминание тут же ворвутся другие, ненужные мысли. «Плачет девочка в автомате...» Эта заклинившая, не требующая напряжения, бездумная монотонность являлась пусть слабым, но все же щитом, а любое, даже маленькое, интеллектуальное напряжение будет пробито свирепым натиском героиновых мыслей.

Коля открыл дверь квартиры, разделся, прошел на кухню.

— Папа.

Михаил Дмитриевич с недовольным видом ковырялся вилкой в тарелке с жареной картошкой.

— Папа, давай уедем, а? На рыбалку подледную, давай, пожалуйста, дня на три-четыре, а?

Рыбалка была их совместным хобби, и раньше отец выкраивал несколько дней на любимое дело.

— А, пап, пожалуйста! — в голосе была мольба, была надежда.

* * *

Есть старая притча о двух маленьких деревцах, которые стояли недалеко друг от друга в открытом поле. Подул как-то раз ветер. Одно деревце, подчиняясь ему, наклонилось; второе же, наоборот, напряглось и стояло прямо, не сгибаясь под порывами ветра. Вскоре ветер подул сильнее. Первое дерево наклонилось еще больше, второе — больше напряглось. Еще сильнее — и первое дерево, уступая его силе, совсем пригнулось к земле. Второе — крепилось-крепилось, но, не выдержав порыва, сломалось. Ветер за-

кончился, и первое дерево снова выпрямилось навстречу солнцу, продолжало расти и превратилось в могучий дуб, которому не страшен никакой ветер. А второе — как лежало сломанное, так и сгнило, а остатки распилили на дрова туристы.

Человеческая натура странно устроена. Когда наступают времена суровых испытаний, человек внутренне мобилизуется, собирается с силами, использует свои внутренние резервы и серьезные трудности преодолевает достойно, без глобальных потерь. Однако испытания заканчиваются, и наступает штиль. Вот тут-то и подкарауливают мелочные бытовые раздражители. И то ли человек расслабился и не воспринимает всерьез разные мелочи, то ли не готов к ним и просто не замечает, или по какой-то иной причине, но эта ежедневная суета забирает у человека куда больше нервов и здоровья, чем настоящие трудности. Продолжая описанную выше притчу, можно закончить ее тем, что могучий дуб вскоре сожрали маленькие жуки или какие-нибудь древесные черви.

День не заладился с самого начала. За завтраком Михаил Дмитриевич капнул яичным желтком на сорочку. Пришлось доставать другую, гладить ее, а времени, как всегда, в обрез. Потом в гараже замерз и не проворачивался навесной замок на воротах. Чертыхаясь, он жег скрученную трубочкой газету, пытаясь разогреть его, и, прилагая всю силу, старался повернуть ключ. Продрог насквозь. Через полчаса, на перекрестке, его «подрезал» какой-то урод на «Ниве» и еще покрутил пальцем у виска, обвиняя Михаила Дмитриевича в чуть не состоявшейся аварии. Страшно матерясь, тот посылал вслед уезжающей «Ниве» проклятья. На работе случилась еще пара неприятностей, на которые он, находясь в обычном расположении духа, не обратил бы внимания. Но сегодня они добавили свою порцию в наполняющуюся чашу раздражения. В довершение всего Михаил Дмитриевич пригласил на обед нужного человека из таможни в надежде решить ряд вопросов, но тот встретил в ресторане знакомую бабу и тут же забыл, с кем и для чего пришел. Кобель. Проблемы так и остались нерешенными.

Все это, по большому счету, были мелочи, ерунда, и каждая в отдельности неприятность сама по себе ничего не стоила. Но вместе они мелкими тычками действовали на нервы, копили раздражение, которое требовало выхода.

Злой, он брел из гаража, взгляд цеплялся за серую однообразность прохожих, за неубранный снег, за разваленные возле мусорного бака пакеты и пустые консервные банки. В подъезде какой-то сволочью была выкручена лампочка, что вызвало у Михаила Дмитриевича очередную порцию матерщины; а под ногами, у батареи между первым и вторым этажами, хрустели раздавленные шприцы. Типичнейшая, в общем-то, картина для современной России.

— Мать, водки тащи, — он сидел за кухонным столом и смотрел, как жена накладывает ему в тарелку жареной картошки. — Надоело всё, сволочи.

Водка была теплой, что было плохо, картошка чуть теплой, что было не лучше. Сдерживая приступ раздражения, Михаил Дмитриевич спросил:

— Картошку нельзя было подогреть?

— Успокойся, Миша, здесь же дом, а не общага. Пар и недовольство иди в другом месте выпускай.

Хлопнула входная дверь, через минуту в кухню зашел сын. Суетливый, с красными, усталыми глазами, он сел на табуретку.

— Пап, пап, давай уедем, а? На рыбалку подледную, давай, пожалуйста, дня на три-четыре, а?

Михаил Дмитриевич наклонился вперед, наморщил лоб в немом вопросе: «Что-что? Правильно ли я тебя понял?»

— А, пап, пожалуйста?

Капля, две, три, и переполненная этими словами чаша выплеснулась, раздражение потекло через край, накопленная за день злость трансформировалась в крик.

— Нет, — с перекошенным ртом и широко открытыми от возмущения глазами, он посмотрел на жену, — ты слышала, а? Нет, каков красавец! Да вы что сегодня, черт вас дерит, рехнулись, что ли? Издеваетесь надо мной? Я, как последняя собака, вкалываю, стараюсь заработать, накормить вас, а ты на рыбалку захотел, видите ли. Рыб-

ки половить, отдохнуть, да? Привык, что все есть в доме. Пожрать захотел — на, ешь, сынок; купить что — опять же, пожалуйста. Как все легко! Нет, дорогой, так не живут, легкостью и не пахнет. Понял? Не пахнет. Тут потом воняет, дерьмом человеческим. Надо вкалывать, горбатиться...

— Что ты меня куском хлеба попрекаешь? — удивленный столь неожиданной вспышкой ярости, Коля встал из-за стола.

— Сядь, бля! Сидеть, я сказал, и слушать. А то либеральничая я с тобой, распустился вконец. Драть тебя надо, лодыря, иждивенца! — Михаил Дмитриевич краем сознания понимал, что сын не заслуживает таких слов, но он завелся и остановиться уже не мог. — И не хрен даже помышлять об этом, ты на себя посмотри: весь бледный, под глазами синяки, довел себя до ручки. Все от пьянства. А захотелось на рыбалку — взял и собрался. Как все легко! Поехали на рыбалку? Тю-тю-тю, какие мы нежные...

От возбуждения он стал заикаться, затряслись руки, посинела нижняя губа.

— В могилу меня сведете. Вкалывать, ты понял?!

Его уже никто не слушал. Коля в своей комнате лихорадочно складывал в пакет оставшиеся видеокассеты и уже через минуту закрыл за собой входную дверь.

Михаил Дмитриевич пил рюмку за рюмкой, пьянел и чувствовал, что понемногу успокаивается. И не казалась просьба Коли уже такой наглой, а брошенные в лицо сыну слова вызывали сожаление и стыд. Ребенок действительно мог устать: новая жизнь, нервное перенапряжение. Но, с другой стороны, если потакать каждому его желанию, кем он вырастет? Должен знать, что жизнь бывает сложной. Черт возьми, и как тут быть?

Сейчас он поговорил БЫ с сыном, и, возможно, они даже поехали БЫ на рыбалку. Но сына не было дома. Ладно, разговор потерпит до утра.

Однако утром Коля отнесся к этому равнодушно. Ему было уже все равно. Вчера вечером, качая вену для укола, Николай думал, что лучше жить так, с наркотой, чем не

жить вообще. А чуть позже, когда он, то закрывая, то открывая отяжелевшие веки, «торчал» в соседнем подъезде, — клялся, что будет постепенно сбивать дозу, пока совсем от нее не откажется. Фантазия, в которую и сам-то не верил.

Николай изменился, и эти изменения уже нельзя было не заметить. Он стал замкнутым, раздражительным, немногословным. В глазах появился какой-то блеск, иногда сменяющийся стеклянным безразличием. Коля похудел, сгорбился, появились навязчивые, дерганные движения. На вопросы отвечал иногда вяло, нехотя, иногда же с необъяснимой злобой или даже ненавистью.

Родители чувствовали, что теряют контроль над сыном, он все дальше и дальше от них отдаляется. Однако, как часто бывает, приписывали это новой жизненной стезе или этому пресловутому переходному возрасту — вещи очень удобной, на которую можно что угодно валить и как угодно её варьировать. Изменилось очень многое, и только время с неутомимой точностью, как и раньше, продолжало отсчитывать минуты, часы, дни, недели...

Пришла весна. Март, апрель, май. После праздников Михаил Дмитриевич и Надежда Антоновна засобирались на дачу.

Ранним субботним утром они пили кофе на кухне. В прихожей стояли с вечера собранные тюки с бельем, предназначенные для перевозки на дачу. Скоро проснется сын, они позавтракают, снесут и загрузят в машину вещи, и на все лето. Хорошо. Природа, свежий воздух.

Надежда Антоновна тихо притворила за собой дверь в комнату сына.

— Спит еще? Скоро будить надо, — Михаил Дмитриевич в домашнем халате, небритый, со швырком отхлебнул из кружки горячего напитка. Преломившееся в оконном стекле утреннее солнце слепило глаза, и он, спасаясь, закрывался ладошкой.

— Миша, у Коли на руке синяк странный.

— В смысле?

— Ну странный такой, — женщина изобразила на руке вытянутую полоску, — или короста, или синяк, не разберешь. Иди посмотри.

Запахнув полы халата, Михаил Дмитриевич нехотя поднялся, всем своим видом выказывая неудовольствие оттого, что его оторвали от приятного занятия, и открыл дверь, ведущую в комнату сына. Осталось четыре-пять шагов до его кровати. Четыре-пять шагов. Расстояние, которое отделяет спокойное, размеренное течение жизни от погружения ее в хаос из суеты, нервов и слез. Семейное счастье, которое они потихоньку, кирпич за кирпичиком выстраивали в собственном доме, рухнет в одночасье; рухнет, поднимая клубы пыли, и из нее, подобно фениксу, возникнет то, что отныне станет их смыслом жизни, то, во что люди верят тогда, когда ничего другого не остается.

Надежда.

А тюки с дачным бельем так и будут стоять в прихожей, ненужные и забытые.

Коля спал, отбросив одеяло и раскинув руки по кровати. На внутренней стороне предплечья левой руки явно выделялось бордово-синее пятно, полученное в результате многочисленных инъекций. Маленькие синячки, образующиеся от каждого прокола вены, слились в один синяк. На наркоманском сленге этот синяк называется «дорога» — узкая полоска три-четыре сантиметра в длину. Короткая дорога, точно такая, как и сама жизнь наркомана. Один взгляд на руку, одно мгновение — и все встало на свои места. И изменившаяся внешность сына, и скрытное, нелюдимое поведение.

У Михаила Дмитриевича вдруг ослабли колени, его затошнило. Он знал, что означает такое пятно на предплечье, равно как и знал, какие от этого последствия. Но понимание свалившейся беды так же, как и всех его знаний о наркозависимости, мгновенно преобразовавшихся в застилающий глаза животный страх, вряд ли бы хватило, чтобы оценить даже половину того кошмара, который им предстоит пройти. Мужчина почувствовал пустоту. Тупую, вязкую пустоту. И беспомощность. Все, что было, вдруг исчезло. И

в этот миг, как никогда раньше, он с глубокой нежностью ощутил присутствие родного, небезразличного ему человека. Своей жены. Нас двое, Господи, нас двое. Трезвая, привычная для мужчины мысль оберегать женщину заставляла его молчать, ни о чем не говорить, но желание разделить эту беду, хотя бы чуть-чуть снять со своих плеч свалившийся непосильный груз, жгло его. Сейчас, поделиться сейчас, рассказать, а потом... потом он соберется с силами и найдет выход. Но потом.

Женщина бесшумно вошла в комнату, встала возле кровати. Михаил Дмитриевич обернулся, их глаза встретились. Надежда Антоновна поразила перемене в лице мужа. Бледное, разом постаревшее лицо, беспомощный, потерянный взгляд, в котором сквозила боль. Не до конца разобравшись в происшедшем, она почувствовала, что случилась беда, открыла в немом крике рот, прижав к нему собранные в кулак пальцы. В глазах застыл вопрос: «Что?» Рядом с потерянной женой глава семьи вновь обрел способность быть сильным, быть надежным. Он сделал шаг навстречу, обнял ее за плечи и голову, крепко прижал к себе, защищая от несчастий мира. Так они стояли, обнявшись, мужчина и женщина.

* * *

Коля работал. Тщательно перематывая бельевой веревкой монитор, он с силой затягивал узлы. Не дай Бог, выскользнет, сорвется, упадет. Тогда конец. Он старался, ибо от этого зависела его жизнь. На день, на два, три... Неважно, на сколько дней, он это не оценивал, даже не думал об этом. Он вообще ни о чем не думал, не мог думать — голова была занята наркотиком. Не мыслями о наркотиках, а просто — наркотиком, который словно вбил в мозг, вжился в него или стал самим мозгом.

Николай две недели находился под домашним арестом. Только один раз он вместе с отцом ходил в университет, чтобы написать заявление на академический отпуск по семейным обстоятельствам. Две недели были сущим адом. Его ломало, крутило тело, вырывало внутренности. Депрес-

сия сжирала психику, высасывала все его соки, а каждую ночь кошмарные видения сводили с ума. Таблетки помогали мало. Физическую ломоту они снимали, но угнетенное, депрессивное состояние лишь слегка и ненадолго притупляли. Родители говорили с ним, умоляли; мама плакала; он их слушал, кивал в ответ, старался отвечать в тему, но ничего не воспринимал. Коля походил на зомби, которому поставлена определенная цель и к которой он непреодолимо двигался. Его хватали, валили на землю, прижимали, держали. Ничто не помогало. Он вставал и упорно двигался дальше.

Вечерами семьей сидели за столом, ужинали, разговаривали. Потом шли смотреть телевизор, отец предлагал ехать на рыбалку. Телом Николай был дома, мыслями — в другом месте. Его ничего не интересовало — голова была полностью захвачена наркотиком, думать о чем-то другом он не мог.

На день его запирали на ключ, и покинуть квартиру не было возможности.

Сегодня позвонил Арефьев. Коля, захлебываясь собственной слюной, которая вдруг стала обильно заполнять рот, просил его привезти чек.

— Дай в долг, я отдам, Коста, ты же меня знаешь. Привези, ну!

Ему надо было уколоться, хотя бы один раз, тогда он начнет думать, начнет понимать и обязательно что-нибудь придумает.

— Отдам я, отдам!

Коста предложил ему продать компьютер, на что Коля немедленно согласился. Ему было плевать, за сколько он его продаст: за один, два, десять или сто чеков. Он об этом не думал, как не думал и о том, что его спросит отец про компьютер. И что на это отвечать? Плевать. Что-нибудь отвечу. Потом.

Обвязав монитор, Коля начал аккуратно спускать его в окно. Внизу стоял Арефьев с поднятыми вверх руками.

— Осторожней! Во, нормально, давай-давай, ниже. Все, держу.

Потом Коста привязал к веревке пластиковый пакет, махнул рукой.

— Поднимай, в расчете.

В пакете лежало шесть чеков. Пентиум последнего поколения с лазерным принтером и встроенным модемом, правда, немного подержанный, оценивался в шестьсот рублей.

— Да ты что, сволочь такая, творишь?! — Михаил Дмитриевич потрясал кулаками над головой сына. — Это не твоя вещь, ты ею просто пользовался.

После укола Коле стало хорошо, спокойно, депрессия ушла, поэтому нашлось место стыду. Он и сам не понимал, как это согласился продать компьютер — свою гордость. «Наверное, — думал он, — я был не в себе, не понимал, что творю, кто-то другой руководил моими поступками».

— Это дружок твой, ублюдок этот, тебе помог, да? И героин он привез. Отвечай сволочь: он, да? Как там его... Костя. Ну мразь, он у меня попрыгает.

На следующий день отец привел какого-то мужика, который врезал замок в большую комнату. Перетащив туда из комнаты сына телевизор, видео- и аудиоманитофон, он запер дверь и ключ положил к себе в карман.

— Вот! Вот до чего ты меня довел! От собственного сына вещи под замок прячу! — Злости не было, вместо нее пришло ощущение разрухи. Все разваливается, рушится. Конец. Душу охватила тоска. — Ну почему, Коля, почему? — отец привлек его к себе, обнял за шею: — Почему, сынок? Чем мы заслужили такое? А, чем?

У Михаила Дмитриевича задрожал голос:

— Держись, сынок, держись. Мы с матерью поможем тебе, да-да, мы тебя не оставим. Мы все вместе, втроем, одолеем это, обязательно, но ты, ты помогай нам, без тебя мы проиграем. Поможешь? Обещаешь?

Коля кивал, швыркал носом и прятал мокрые глаза. Когда за отцом закрылась дверь, он бросился на диван, уткнулся в подушку и зарыдал. Крупные слезы текли по щекам, и, вторя им, он тихонько скулил. Скулил, как по-

павший в капкан и понимающий свою участь зверь. Коля плакал о своей жизни, уже загубленной, о своих родителях, которых он предал, заставил страдать, о своих друзьях, которые сдают сессию, встречаются, смеются, разговаривают. Он плакал о частых ночевках на даче, где так хорошо спится и где он, закинув удочку в речку, встречал рассвет, он плакал о весне, которая была уже не интересна ему, он плакал о сладком аромате цветущей черемухи, который бодрил, вселял уверенность в долгих и насыщенных годах.

А через неделю Коля таким же образом продал ковер, который лежал на полу в его комнате.

* * *

Сергей аккуратно расстелил простыню, сверху накрыл ее шерстяным одеялом.

— Все, пацаны, вырубайте маг, спать охота. И по фазе там щелкните.

Погасили электрический свет, и комната наполнилась лунным сиянием. Сергей плотнее укутался в одеяло, поскрипел пружинами кровати, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза.

— Эх, сейчас бы девочку какую, а? — Андрюха, юрист, тоже после первого курса, причмокнул губами: — Тепленькую.

— Ага, и скрипом кровати весь поселок на уши поднять.

— А что ж ты, Андрюха растерялся-то сегодня? Тебя же Светка звала брагу пить.

— Да пошел ты. Сам иди к ней. Она, между прочим, и тебя звала.

Вся комната покатила со смеху.

— Надо было сходить. Нам бы рассказал, как там.

— Хорош ржать, пацаны. Ну, обгорела девчонка, в пожар попала, но человеком же не перестала быть. Она и сама понимает, что страшная, но желания-то остались. Фигурка-то у нее классная.

— Да, задница смачно торчит, если бы рожа без шрамов...

— Ей в Москву надо, на операцию. Пластику сейчас так делают, что видно ничего не будет.

— Да.

С минуту в комнате стояла тишина.

— А кто-то сейчас в ночнике тусуется.

— Кто-то сейчас сессию сдает, над учебниками сидит.

— Во, точняк.

Сергей, как и четверо ребят-первокурсников, с которыми он делил эту комнату, сдал летнюю сессию досрочно, чтобы поехать в стройотряд. Небольшой рабочий поселок, на окраине которого они жили в старой, подлежащей сносу школе, с утра до вечера гремел стаканами. Такого уровня поголовного пьянства Сергей никогда не встречал. Пили все, от мала до велика: мать со своей дочерью, бабка с пятнадцатилетним внуком. В коротких перерывах между пьянством молодежь занималась воровством леса да мордобитием.

В первый же вечер приезда сюда студенческого отряда, тархтя мотоциклами, к школе подкатила местная бригада.

К ним вышел командир. Один.

— Возьми пушку на всякий случай, — предлагали ему и совали газовый «Айсберг».

— Какую пушку? Что ты мне суешь эту пукалку, тут у каждого охотничий ствол, при желании они эту школу изрешетят, мы и пикнуть не успеем. Нет, здесь надо по-другому. Строго и официально. Они этого боятся.

Спокойно, не торопясь оглядел местных.

— Уважаемые, — голос неторопливый, властный, — я понимаю вас. Вы выпили, вам хочется развлечений. Однако мы сюда приехали не развлекаться, а работать. Поэтому вы сейчас заводите мотоциклы и тихонько уезжаете, и на этом ставим точку. В противном случае я вызываю милицию, и ваша забава заканчивается прокурорами, адвокатами и сроками. Никому эта головная боль не нужна — ни вам, ни нам.

— Ты че нас ментами пугаешь? Ну-ка, иди сюда.

Игнорируя вопрос, командир еще постоял, так же спокойно разглядывая толпу, потом повернулся и зашел в школу.

Те, оживленно что-то обсуждая, газовали мотоциклами и вскоре уехали. Инцидент на этом закончился.

— Это хорошо, что мы раньше с сессией отмучились. Встречаю в универе пацанов: трясутся, зубрят все. А у нас — свобода. Хотя девочка не помешала бы.

Постепенно разговоры затихали, ребята утомились за день тяжелой физической работы. Вдруг за окном послышались торопливые шаги, через минуту к стеклу прислонилось окровавленное лицо их товарища.

— Пацаны, откройте окно.

Сергей вскочил с кровати, щелкнул шарнирами.

— Давай, осторожней.

Человек тяжело ввалился в комнату. Это был Дима с четвертого курса матфака. Со слипшимися волосами, размазывая кровь по разбитому лицу, он, заикаясь, говорил:

— Выручайте, местные наших бьют. Помогайте, пацаны.

— Где? — Сергей уже надел футболку, завязывал кроссовки.

— Здесь, на входе.

— Пошли, — и Сергей первым побежал к выходу в коридор. Остальные замешкались.

Азарт боя завладел им, приглушил все мысли, загнал глубоко страх, и, под завязку наполненный адреналином, Сергей распахнул входную дверь и выбежал на улицу. В этот момент ушатом ледяной воды его окатило с головы до ног. Ничего не понимая, он сделал глубокий вдох, по инерции пробежал еще несколько шагов вперед. Сзади тяжелый топот ног отставших пацанов оборвался коллективным возгласом «у-у-х», перемешанным с отборным матом.

— Да что за... мать вашу...

А на крыше, освобождая ведра с колодезной водой, во всю глотку хохотали старшекурсники.

— Поздравляем, пацаны, — Дима вытер «кровь», которая оказалась обычной томатной пастой, — теперь вы настоящие бойцы строительного студенческого отряда. Посвящение прошло успешно, теперь всем по стакану.

Тут же появилась пара бутылок водки, и весь личный состав отряда, поздравляя салажат, захрустел огурцами.

— Только без обид, пацаны, нас в свое время покруче принимали.

— Какие обиды? Традиция есть традиция.

Несколько ребят, во главе с Димой, у которого на шее остались красные полосы томатной пасты, отошли в сторону.

— Серега-то молодец. Остальные межанулись, а этот сразу просек, ломанулся на выручку. Молодец.

— Пригласи его. Раз не испугался, не сдрейфил — наш пацан.

Дима развернулся в сторону шумевшей толпы бойцов.

— Серый, иди-ка сюда, дело есть.

И когда тот подошел, поднес к своим губам кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Пыхнешь?

— А что, есть? — мгновенно среагировал Сергей.

— Ну если б не было, и не приглашали бы.

— С удовольствием, спасибо.

— Пойдем, отойдем в сторонку.

У торца дома уже забивали папироску. Со знанием дела парень натянул тонкую папиросную бумагу на картон мундштука, уплотняя перемешанный с конопляным маслом табак, чиркнул зажигалкой. В воздухе повис специфический запах сгоревшей травы.

— Давайте, по кругу.

Очередь дошла до Сергея. Он взял папиросу, сделал подряд три коротких затяжки и, набрав полные легкие дыма, задержал дыхание. Папироска пошла дальше.

— Класс. Ташкентская, — Дима выпустил дым, — махом цепляет.

В темноте было видно, как огонек папиросы то разгорается, то притухает.

— Пяточку добивай.

Косяк закончился.

Производные конопли несколько по-другому действуют на человека, чем, скажем, героин. Легко, практически незаметно улучшается настроение, появляется чувство расслабленности, удовлетворения, развивается болтливость, возникает обостренное восприятие музыки и цветовой гаммы мира. Просто становится жить, проблемы кажутся несущественными и легко разрешимыми.

— Я подхожу к историку, он билеты прямо на подоконнике разложил, — молодой человек с несколько гипертрофированными надбровными дугами, выступающей челюстью и несуразно длинными руками, что делало его похожим на неандертальца, рассказывал историю сдачи очередного зачета. Он учился на биологическом факультете, за что, в сочетании с внешностью, его прозвали Дарвином.

— Сейчас, думаю, пятый билет вытащу. Тяну — точно пятый, во пруха. За пятый пять получил, — и он вытянул ладонь с растопыренными пальцами, — во.

Все уставились на пятерню, потом расхохотались.

— Ха-ха-ха-ха.

— Ой, Серый, у тебя че рожа-то.

— Ха-ха-ха-ха.

— А вчера этот на реке кх-кх-кх...

— Ха-ха-ха-ха.

Ребят зацепило. Гашиш действительно был хорошим.

Через час Сергей лег в кровать. Положив руки под голову, он уставился в деревянный потолок. Настроение было отличное. В городе его ждала девушка, которую он любил и которая любила его. К концу лета он приедет и на заработанные в отряде деньги купит тачку. Должно хватить. А не хватит, так и в городе заработать можно, не проблема. Жить легко и приятно. Деньги, ха. Это разве проблема? Ерунда. Да и вообще, он не лох: что для одних сложно, для него — раз плюнуть. С этой приятной мыслью он и уснул.

— Абстинентный синдром, ломку, мы снимем медикаментозным путем — это вообще без проблем, а вот насчет психической зависимости, ну... с ним поработает наш психиатр, есть специально разработанные программы.

— И, конечно, никаких гарантий.

— Да какие гарантии, Миша, очнись! Какие гарантии в таком деле? Да ты знаешь, что такое наркозависимость? Что, черт возьми, это означает?

Невысокий, с определившейся залысиной и заметным брюшком мужчина в белом халате и обязательных для врача очках выставил указательный палец в сторону Михаила Дмитриевича.

— Знаешь?

Они «тыкали» друг другу, не особо стесняясь в словах и жестах. На разделяющем двух мужчин столе стояла бутылка «Смирновки», нарезанные колбаса и хлеб. В открытой банке плавали маринованные огурчики. До того, как собеседники коснулись темы наркотиков, разговор шел в прошедшем времени, и со стороны можно было подумать, что встретились два одноклассника и предались воспоминаниям. Так оно и было.

— Ломает тело, буквально выкручивает его, сильнейшее отравление, озноб, возможные судороги, и плюс к этому тяжелейшая депрессия. Вот маленькая часть того, что чувствует наркоман в период ломки. Но это, как я уже говорил, не самое главное. Психическая зависимость — сознание того, что без наркотика нет жизни. Вот где основная проблема в процессе реабилитации. А ты говоришь — гарантии. Нет их, и быть не может. Да и в реабилитации тоже иногда нечего реабилитировать. Приставка «ре» — возврат. Зачастую людям не к чему возвращаться, у них жизни нормальной просто не было. И как здесь быть? Это надо строить, создавать личность заново, прививать интересы, а это сложно, если у человека никаких интересов, кроме наркотика, никогда не было.

Он замолчал, разлил по рюмкам водку.

— И плюс к этому физическое состояние пациентов. Знаешь, это же яд натуральный. Там от печени ничего не остается, почки на ладан дышат... Э-э-эх! — он махнул рукой и продолжил: — Сейчас чего только не насмотришься. Один вон — первый раз, кстати, попробовал ЛСД; знаешь, что такое? Так в такое буйство впал: уши ладонями заткнул и по квартире с ревом носился. Потом не выдержал — и с разбегу головой об угол стены. Череп на две части раскроил. И все на глазах матери. Или дети на вечеринках экстази этого знаменитого наглощаются — потом к нам, с диагнозом «параноидальная шизофрения». Поднимается температура тела, разрушается мускулатура, останавливается работа почек, и люди мрут, травясь собственной мочой. Ну ладно, не буду тебя пугать; это, сам понимаешь, исключительные случаи. А Коля — мальчик умный, мы с ним поработаем, я думаю, он пойдет навстречу.

— Толя, ты мне честно скажи, толк хоть будет?

— Толк будет в любом случае: ломку мы ему снимем, а дальше... — он замолчал, барабаня пальцами по зеркальной полировке стола. — Знаешь, Миша, сейчас разрабатываются куча программ, лечение, гипноз и прочее. Вплоть до операций на головном мозге. Но самым эффективным по сей день остается личная воля заболевшего, его страстное желание бросить, начать нормальную жизнь. И в этом контексте наркоману надо пролечиться, пройти курс реабилитации, достичь ремиссии и сделать эту ремиссию пожизненной. Это, еще раз повторяю, самый верный путь. Если хочешь, я дам тебе телефон клиники в Москве. Там сильные спецы, аппаратура, да и бардака поменьше. А у меня, видел, санитары — ну полные дебилы. Им самим лечиться надо. Они, сволочи, и водку, и наркотик продают. Других взять негде. Бардак, короче. Да только, сам понимаешь, стоит все это недешево.

* * *

Сказать, что Коля кайфовал, — значит сказать неправду. Он недавно ширнулся, но того кайфа, который ловил раньше, уже не чувствовал. Не было уже всеобъемлюще-

го ощущения счастья, ума, радости — яркой, насыщенной красками жизни. Наркотическая иллюзия часто смешивалась с болезненным страхом, а выход из нее превратился в кошмар. Наркотик стал жизненно необходим.

Он сидел на кровати в своей комнате и никак себя не осознавал. Ни кто он, ни где он. Тугие, мрачные мысли перекатывались в густом тумане. В комнату зашла мать, села рядом на стул и, глядя на сына, тихо сказала:

— Отец дачу продает.

Дачу? Отец? Он поднял на мать глаза со стеклянными, не реагирующими на свет зрачками и полуоткрытыми веками и... ничего не понял.

— Боже, — не в силах смотреть на сына, она разрыдалась, — Коленька, сынок, что с тобой, как, как так получилось? Почему ты не рассказал нам сразу? Коля, Коля, как, как такое случилось?

Из всего сказанного зацепилось слово «как». Медленно, словно сквозь вату, оно пробиралось к разуму и наконец, достигнув осознания, запрыгало в голове на пружинистом батуте. Как-как-как. Он отвлекся, залюбовавшись легкими прыжками слова. Потом оно перестало прыгать и плавно закачалось на качели. Кааак-кааак. Вдруг слово слетело с качели, больно ударив по мозгам, и немедленно превратилось в вопрос. Как? Вопрос требовал ответа, Коля задумался. В голову ничего не приходило. Наконец он нашелся. Растянув губы в глупую улыбку и чуть разведя руки в стороны, он изрек:

— Вот так.

Надежда Антоновна закрыла лицо ладонками и выбежала из комнаты.

Михаил Дмитриевич с тоской смотрел, как по его даче ходят два человека. Заглядывают в комнаты, поднимаются в мансарду, изучают баню, кладовку. Он любил этот дом, любил это место, с которым его связывало много хороших, добрых воспоминаний. Именно здесь Коля сделал свои первые в жизни шаги, а немного позже, маленький и голопузый, помогал матери собирать ягоды. Дача была по-

строена специально к рождению сына и, по иронии судьбы, в данный момент служила средством к его спасению. Как тесно переплелись судьбы дома и человека! Но сейчас все. Михаил Дмитриевич получит деньги, на которые поедет с сыном в Москву на лечение, а дом перейдет в другие руки.

За забором шумел лес, разливался запах сирени и жасмина, а с яблонь уже облетали белые и розовые цветы.

* * *

— Не думаю, что можно рассматривать факт принятия человеком наркотика с позиции здравого смысла. Эта вещь бессмысленная с точки зрения логики взрослого человека. Взрослые и сами делают массу нелогичных вещей: например, курение. А большинство наркоманов вообще нельзя рассматривать как людей с оформившимися личностными показателями. Просто по возрасту, понимаете? Дети. У них и проблемы другие, и на мир они смотрят иначе. Психологические особенности подросткового периода таковы, что происходящие существенные изменения во всех сферах развития человека позволяют ему уже самостоятельно судить о тех или иных явлениях, событиях. У подростка расширяются рамки социальной активности; он начинает стремиться находить сферы, дающие возможность проявлять себя, самоутверждаться, занимать значимое место в коллективе сверстников. Подростки начинают подражать миру взрослых или более старших; а наиболее простыми и, соответственно, привлекательными становятся именно внешние проявления взрослости. Здесь и курение, и алкоголь, и наркотики.

Михаил Дмитриевич кивал головой, соглашаясь. Два месяца назад он впервые вошел в этот кабинет вместе с сыном. С тех пор, оставив Николая в клинике, сам он жил то в гостинице, то на дачах у знакомых, раз в неделю посещая организованные здесь лекции, специально для родителей наркозависимых. Здесь, при клинике, их, родителей, называли «созависимые». Какое страшное слово!

— На первоначальных этапах употребление наркотика — скорее, символ. Символ взрослости, самостоятельности, независимости, протеста, символ свободы самовыражения или символ того, что я такой, как все. Желание не выпасть или, наоборот, влиться в коллектив, преодолеть застенчивость, скромность.

...Не следует забывать, что для многих людей правильное поведение и здравый смысл есть не что иное, как одобрение коллектива: по крайней мере, той его части, которая небезразлична данному человеку. Следите за кругом общения подростка; не забывайте, что стать наркоманом можно еще до введения себе первой дозы, просто общаясь с наркоманами. Эта болезнь заразна: достаточно поверить, что наркотик — это увлекательно, интересно и модно, что он способен творить чудеса, — и человек внутренне созрел для первой дозы, прошел начальный этап психологической зависимости. Здесь срабатывает так называемый эффект ожидания: то есть возникает именно то чувство, которое он ждет. Например, вы знаете, что двести граммов водки окажут опьяняющее воздействие. Так и происходит.

Сегодня последний день. Курс лечения закончился, и он пришел забрать сына, попрощаться, получить инструкции.

— Наркомания — социальная болезнь. Что ж поделать, больное общество плодит социальные болезни. Поэтому крайне важно помочь человеку выработать цель, обозначить и сформулировать ее, показать зависимому, что жизнь есть и без наркотика. Хорошо бы вам пройти дополнительный курс реабилитации по месту жительства или куда-нибудь съездить; в общем, не сразу погружать его в прежнюю среду. Вы должны понять, что сейчас вашему сыну очень тяжело. Память о наркотике никуда не денешь, и это очень сложный момент в реабилитации. Здесь он должен рассчитывать на вашу помощь. Ну, и не забывайте общаться, Михаил Дмитриевич. Общение вообще достаточно важная человеческая потребность, а для подростков она важна вдвойне. Разговаривайте со своим сыном, старайтесь понимать его, смотреть на мир его глазами. Не критикуйте его и не

идеализируйте себя, проводите вместе время; дайте ему понять, что в вашем лице он всегда найдет поддержку. Если же вы перестали общаться — возникают проблемы, растет непонимание, изоляция. Вы теряете контроль, а недостаток общения и внимания мальчик найдет на стороне. Ну, не буду отнимать время, пойдёмте, я провожу.

В коридоре на скамейке сидел Коля, держа на коленях сумку с вещами. Сгорбленная юношеская фигура. Михаил Дмитриевич ощутил прилив нежности.

— Ну вот, возвращаем, — при появлении врача с отцом мальчик встал. — Николай — молодец, помогал нам, искренне желает избавиться от зависимости. Правильно я говорю, а, Коля? А ты не забывай наши с тобой беседы и помни: легко не будет. Легкости я тебе не обещал. Главное — верить и бороться. Жизнь — это вообще борьба, и самая главная победа — это победа над собой, своими слабостями. Ну, а со временем станет легче, здесь я обещаю. Ну что ж, удачи вам. В добрый путь.

На оставшиеся деньги Михаил Дмитриевич купил билеты до Сочи.

— Пойдем, сынок, у меня для тебя сюрприз.

Они вышли за ворота клиники и направились в сторону остановки.

— Папа, — Коля остановился, поставил на асфальт сумку, — папа, прости меня, я все сделаю, я постараюсь, прости.

Отец подошел к сыну, обнял его.

— Все нормально, сынок, все хорошо.

Домой они вернулись только в конце лета.

— Одного Колю сейчас лучше не оставлять, но понятно, что ходить за ним тоже не надо. Просто повнимательней. И еще: давай, Надюша, будем стараться не напоминать ему об этом, хорошо? Занимай разговорами, но наркотической темы не касайся.

Они старались, но время от времени Николай ощущал на себе внимательные, болезненные взгляды родителей, которые со страхом искали изменения во внешности сына,

связанные с приемом дозы. Коля понимал, что они переживают, но эти взгляды раздражали и говорили о недоверии к нему. Отец с матерью даже не рассматривали свое поведение в этом контексте, они просто боялись.

В Москве, а потом и на море, Коля сравнительно легко отошел от приема наркотиков: с утра до вечера был занят и, кроме того, чувствовал на себе постороннее неустанное внимание. Сейчас он был предоставлен самому себе, и в голове опять, сперва тихо и неуверенно, потом все сильнее и настойчивее, зашевелились мысли о героине. Стараясь отвлечься, он много читал, готовил обед и ужин для всей семьи. Потом, после обеда, он шел встречать маму с работы. Вдвоем они заходили в магазин, покупали хлеб, молоко, колбасу и возвращались домой. Отец приносил взятые напрокат видеокассеты, и после ужина Коля отправлялся в свою комнату, куда вновь перетащил телевизор, и смотрел фильмы. И все время его сопровождали мысли о наркотике. Они постоянной ноющей занозой уцепились в мозгах, ни на минуту не оставляя в покое. Он ждал обеда, когда можно будет идти встречать маму, чтобы говорить с ней. Говорить о чем угодно, но не думать, не оставаться наедине с собой. Состояние покоя, расслабленности было опасно, Коля панически боялся его.

«Вот было бы здорово, — думал он, — колоться раз в месяц или два раза в месяц. Научиться бы так, а? И никакого вреда». Но он уже был грамотный, чтобы понимать всю абсурдность своих мыслей. Однако наличие таковых уже само по себе говорило о многом.

Отправляясь на прогулку, он подсознательно избегал широких улиц, чувствуя какой-то внутренний дискомфорт от большого скопления народа. Зато его как магнитом тянуло на пятак, где продавали героин. Волнуясь, он ходил по соседним улицам. Потом, не выдержав, залез в кусты, откуда было видно происходящее на пятаке. С большим любопытством, спрятавшись за уже начинающей желтеть листвой, он наблюдал за бурлящей там жизнью. Коля прекрасно знал, что за кажущимся безразличием и вялостью без дела слоняющихся пацанов скрывается внутреннее не-

терпение, а лениво брошенный взгляд вокруг напряженно фильтровал проходящую толпу, безошибочно выискивая среди людей тех, кто пришел за товаром. Короткая встреча, прием-передача, и они вновь разошлись. Моменталка. Прямо как в кино про разведчиков. Чуть в стороне стояла машина, в которой сидели менты, контролирующие этот пятак. Они собирали дань с продавцов героином, смотрели за порядком. Все, как всегда. Вот подъехала еще одна машина, к которой тут же подошел один из бегунков. Ясно, прибыли за товаром. Через минуту она уедет на рынок, где на остановке продают герыч с тачки.

Этой ночью Николай проснулся в три часа. Проснулся с пониманием того, что не может больше жить без наркотика. Просто не может, и все. С полчаса он суетился на кровати, подтягивал ноги к животу, затыкал руками уши, закрывал голову подушкой, но эта навязчивая, неотступная мысль не проходила. Он переворачивался, закрывал глаза и пытался думать о чем-то приятном. Не получалось. Наркотик, только наркотик и ничего больше.

Коля встал с кровати, нацепил халат и прошел в спальню родителей.

— Папа, — он потряс его за плечо, — пап, вставай, а. Вставай. А?

Отец перевернулся на спину, открыл глаза и, еще не до конца проснувшись, спросил:

— Что, Коля? Что случилось?

Надежда Антоновна села на кровати, зажгла лампу на прикроватной тумбочке, испуганно посмотрела на сына.

— Пойдем на кухню, чаю попьем. А ты спи, мам.

— Хорошо, — Михаил Дмитриевич откинул одеяло, опустил ноги на пол, с силой провел рукой по лицу, прогоняя остатки сна. — Сколько времени там? Начало четвертого. Ты спи, Надя.

На кухне Николай включил чайник, сел на табуретку. Рядом опустился отец.

— Знаешь, пап... — Коля не мог просто так сидеть, надо было что-то делать. Он встал и суетливо заходил по кухне. — Знаешь, я...

— Подожди, Коля, сядь, успокойся. На вот, выпей.

Отец накапал в стакан валокордина, немного разбавил водой, протянул сыну.

— Постарайся успокоиться.

— Ага, — Коля выпил содержимое стакана. — Я... не знаю, как сказать... хм... короче, я не могу. Не могу больше терпеть, не могу. Я сдохну, черт, сейчас. Сдохну или с ума сойду. Что делать, пап, что делать?

— Так. Давай успокоимся. Сосредоточься, Коля, и попробуй рассказать, почему ты с ума сойдешь? Что тебя беспокоит? Что-нибудь болит? Живот?

— Да при чем тут живот, черт его дери, не при чем он, живот — так, ерунда. Не знаю я, почему сдохну. Что тут еще рассказывать: сдохну, и все. Наркота у меня в голове засела, ни о чем больше думать не могу. Ни о чем.

Коля еще держал себя в руках, но каждое сказанное слово забирало внутренние силы, ослабляло контроль, вроде как перекладывая ответственность на чужие плечи. Он находился на грани паники. Еще немного, и он потеряет над собой контроль. Надо срочно что-то делать. Но что?

— Вот черт... — Михаил Дмитриевич беспомощным взглядом следил за суетящимся сыном, его нервными, дергаными движениями и не знал, что делать. Что надо в таких ситуациях говорить, какие задавать вопросы.

— У меня голова разорвется, у-у-у-у... — Коля сдал виски руками и, дико озираясь, завыл.

Что делать? Михаил Дмитриевич не был ни психиатром, ни психологом, но понимал, что надо как-то отвлечь, сменить акценты, заставить думать над чем-то другим. Интуитивно он нашел выход.

— Хватит ныть, — грубым голосом сказал он сыну. — Будь мужиком, возьми себя в руки, а то разнылся, как баба. Умеешь гадить, умей и отвечать.

Расчет строился на том, чтобы разозлить сына. Злость, гнев — сильные чувства, которые выбрасывают из головы все другие мысли или, по крайней мере, притупляют их. Известно, что в гневе сильной степени человек не способен даже думать, оценивать обстановку.

— Что ты понимаешь...

— Да тут и понимать нечего. Сидишь, хнычешь. Не могу, не могу. А надо мочу, понял? Мочу!

— Чего? Да пошел ты, отец хренов. Ты не знаешь, что это такое.

Эмоции из хаотического панического состояния сконцентрировались, целенаправленно перешли в злость, которая сфокусировалась на отце.

— Иди досыпай, на фиг. Зря я тебя разбудил, толку-то...

Коля человек молодой, эмоциональный, поэтому сейчас надо быть осторожным, чтобы родившаяся злость не затеялась обидой.

— Я не зря это тебе говорю, Коля. Будь мужиком, в конце концов. Будь сильным. На одной чаше весов — ты, на другой — наркотик. И неужели он перетянет? Не верю. Не может моего сына победить какой-то там наркотик.

Теперь надо завязать разговор, вызвать интерес, дать почву для дальнейших размышлений.

— Юра Зинчук звонил вчера, на работу тебя приглашает. Все равно, говорит, пока ничего не делаешь, а так — опыта наберешься, и в учебе пригодится. Пойдешь?

— Да и Зинчук этот твой, что он может предложить... Подожди, у него же строительство и ценные бумаги? Пойду, конечно.

— Ну вот, а то завтра ответ давать, а ты расклеился. Соберись, Коля, соберись, жизнь наладится. Будь сильным, все от тебя зависит.

Михаил Дмитриевич действовал чисто интуитивно, но результат был профессиональным. Злость действительно притупила навязчивые мысли о наркотике, Коля внутренне собрался, готовясь дать отпор отцу, излить на него свой гнев. Поступившее же предложение о работе отодвинуло злость, уступив место чувству, которое объединило в себе и радость от будущей работы, и надежду на улучшение психического состояния, и желание нового, интересного общения, и потребность что-то делать.

Юрий Зинчук, давний приятель Михаила Дмитриевича, не выходил на него с подобным предложением, но

это — проблема уже завтрашнего дня, которая, как думал отец, продолжая говорить с сыном, должна решиться без особых сложностей. Позвонить, договориться: пусть сидит, работает, приобретает опыт. Глядишь, по-настоящему заинтересуется. Он хорошо помнил слова доктора о том, что отсутствие четко представляемой цели в первоначальной стадии ремиссии не просто опасно, а губительно. Сам же он считал, что отсутствие цели, жизненных перспектив и установок — отвратительно само по себе и губительно для любого человека. А платить зарплату Николаю Михаил Дмитриевич будет сам. Разумеется, через Зинчука.

Спустя полчаса Коля с увлечением рассказывал отцу о своем видении будущей работы, строил планы. Иногда отец не соглашался, спорил, Коля азартно отстаивал свою точку зрения, полностью сосредоточив работу мозга на предмете беседы. Кризис миновал.

* * *

В эту ночь Сергей плохо спал. Не потому, что ему мешал мерный стук колес поезда, а потому, что в кармане куртки, которую он свернул калачиком и положил под голову, находились деньги. Двенадцать тысяч деноминированных полновесных рублей или почти две тысячи еще более полновесных американских долларов. Сумма, которую он заработал за два с половиной месяца, таская носилки с бетоном и перетаскивая с места на место шестиметровый брус. Два с половиной месяца тяжелой физической работы в студенческом отряде. Сергей впервые заработал такую крупную сумму, чем очень гордился. Отец обещал добавить, и можно будет купить машину. Свою собственную машину. «Гелиот, — придумал он ей имя, — на котором отважный принц заберет свою прекрасную Ассоль и увезет ее в далекие страны». А еще хотелось купить Оле букет цветов. Огромный букет роз. Он часто представлял, как заходит к ней домой с этим букетом, как в красивых глазах девушки светится восхищение. Потом они вместе пойдут на авторынок выбирать машину. Хорошо.

Засвистели колеса — поезд останавливался. Сделав серьезное озабоченное лицо, Сергей вышел на перрон. Уверенно и немного снисходительно он повернул голову, отыскивая глазами такси. Мелькнула мысль — «надо бы купить мобилу». Достать телефон из кармана и неторопливо поднести к уху — удачное дополнение к образу миллионера. Серега играл роль. Роль богатого, озабоченного очень серьезными проблемами человека. Огромные деньги оттягивали карман, грели душу и ласкали самолюбие. Надо сказать, что особо играть и не приходилось. Двенадцать тысяч сами по себе являлись мощным катализатором внутренней уверенности, которая поднимала подбородок и растягивала губы в легкую улыбку хозяина жизни.

— Эй!

Он поднял руку, останавливая такси. Сам, однако, дабы попасть в поле зрения водителя, с места не тронулся. Но таксист профессионально среагировал на поднятую руку и остановился. Только после этого Сергей неторопливо поднял с асфальта дорожную сумку и открыл заднюю дверь «Волги».

— В центр.

— Две сотни.

— Ха, — он уселся поудобнее, поправил сумку, закрыл дверь и произнес, — вы, уважаемый, меня через какой район повезете? — Спокойный мягкий голос изменился, в нем отчетливо слышались угрожающие ноты. — Или я на мудака похож с Пердяевки, а? Ты меня, может, за лоха обутого держишь?

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида. Молодой, но держится уверенно, да и физически крепкий. Бандит какой-нибудь, лучше не связываться.

— За сотню довезу.

Через десять минут Сергей звонил в дверь своей квартиры.

— Пап, мама, привет.

— Ой, здравствуй, Сережа! Вернулся? Ну-ка дай посмотрю на тебя. Ух ты, возмужал! Вот что труд делает!

— Вот, — Сергей прошел в комнату и выложил на стол пачку денег. — Двенадцать штук. Папа, ты обещал на машину добавить.

— Ну, раз обещал — значит, так и сделаю. Молодец, деньги хорошие, но на этом не останавливайся, работать надо дальше.

— Ага. Надо будет долларов купить.

— Зачем?

Отец обнял за плечи сына и повел в ванну.

— Иди помойся, сейчас обедать будем.

Скинув с себя одежду, Сережа встал под душ.

— Как зачем? — он старался перекрыть шум льющейся воды. — Чтобы деньги не пропали, да и машины же за доллары продают.

Отец улыбнулся жене.

— Видишь, какой хозяйственный стал! К заработанным деньгам и отношение другое.

Потом они сели за стол.

— Серега, деньги твои — поступай, как знаешь. Хочешь — покупай баксы, сам хозяин. Только, как я понял, тебе машина нужна, так зачем менять их. В рублях и считаешься. Доллары, рубли — какая разница, если ты деньги все равно сейчас тратишь собираешься. У вас через две недели занятия начинаются — за это время и надо управиться.

— Ну хорошо, завтра же пойду, приценюсь.

Потом он позвонил Ольге.

— Ой, Сережка, с приездом. Как ты жил там, рассказывай! Денег-то заработал?

— Заработал. У тебя что? Какие новости? — Сергей почему-то испытывал легкое стеснение.

— Да у меня-то что? Нормально. Все лето на даче.

Чувствовалось, что и девушка находится не в своей тарелке. Разговор не клеился.

— Оля, я через час зайду, а? Собирайся.

— Нет, Сережа, не сегодня. Я занята.

— Я подожду, освобождайся. Зайду ближе к вечеру.

— Давай завтра. Сегодня не могу.

Сергей опешил.

— Как так? Ольга, я же приехал! Ничего не понимаю. Чем ты можешь быть занята, чтобы не найти время даже встретиться? Ты уезжаешь, что ли?

— Да-да, уезжаю... сегодня.

Сергей молчал. «Врет! Боже, как она врет! Неужели кто-нибудь появился? Неужели всё?»

— Ну что ж. Раз уезжаешь — счастливого пути. Завтра позвоню. Пока!

Он положил трубку. Все стало пусто и неуютно. Радость от возвращения домой превратилась в горечь. Горечь и боль. Боль потери человека, боль потери части себя, крушения планов, надежд. Сергей чувствовал себя самым несчастным человеком.

Более взрослый, умудренный опытом мужчина похлопал бы его по плечу. «Девочка бросила? Терпи. Все пройдет! Пусть идет куда угодно. Сколько у тебя будет еще впереди? Забудь, растопчи, выкинь ее из головы. С женщинами надо расставаться легко и просто, без переживаний. Что? Любишь? Да брось ты! Любишь! Через пару месяцев ты вообще ее забудешь, как дурной сон. Поверь. Девушек много, а ты один. И будет их еще больше и еще красивее. Пойми, Серега, очень скоро твои нынешние проблемы покажутся смешными и недостойными серьезного внимания».

Только беда в том, что не было рядом взрослого человека. Да и чужим умом жить не будешь. И поэтому Сергей переживал, чувствовал себя несчастным и упивался этим чувством. «Ха, букет цветов. Ну и гадина ты, Оля. Я на заработки, а ты на блядки».

Прекрасная Ассоль не дождалась своего Грэя.

С жизненными вас уроками, молодой человек! Принимайте их с благодарностью.

Часами сидеть, тупо уставившись в одну точку, и морализировать на тему верности Сергей не мог. Клокочущая энергия и деятельная натура требовала активности. Надо было что-то делать, и он знал — что. Натянув джинсы и сунув в карман несколько сторублевых купюр, вышел из дома.

Лавочка стояла в тени пышных тополей. Со стороны подъезда ее закрывали кусты акаций, но отсюда, изнутри, обзор был идеальным: вся площадка перед домом — как на ладони.

— Ну, здравствуй, дорогая! Сейчас посмотрим, куда же ты уезжаешь, а главное — с кем.

Сергей уселся ближе к стволу дерева, закурил и принялся наблюдать. Во двор въезжали машины, из подъезда выходили люди. Надо было ждать. Набраться терпения и ждать. Он этого не умел.

«Надо было купить пива. Или косячок пыхнуть — время пойдет быстрее». Гашиш отпадал — где его сейчас взять? А вот пиво... Пиво в ларьке за углом. «Никуда она не денется! — он быстрым шагом направлялся к павильону. — Все равно здесь единственный выход со двора».

— «Балтики» три бутылки, пожалуйста. Да-да, в пакет.

Прошел еще час, прежде чем перед подъездом, в котором жила Ольга, остановилась серая девятка. К этому времени Сергей, распалая сам себя, открыл третью бутылку. С каждым новым глотком алкоголя воображение рисовало все более страшные картины измены. «Ну ты и дрянь! — думал он. — Пожалеешь еще. Будешь прощения просить, умолять — не-е-ет, вот тебе шиш на постном масле». Глаза налились кровью, лицо набычилось. Он все больше погружался в состояние злой, пьяной агрессии.

Девятка продолжала стоять перед подъездом, а через пару минут вышла и сама девушка.

— Вот так, да? — с треском ломая ветки акации, Сергей выходил на асфальт. — Вот так ты решила со мной поступить?

Девушка замерла, увидев невесть откуда взявшегося парня.

— Ты как здесь?

Но он не слышал ее. Нависая над Ольгой в угрожающей позе, продолжал твердить:

— Так ты решила со мной поступить? Кинула меня, выходит? Дрянь!

Последнее слово оскорбило девушку.

— Все, Сергей, не будем ругаться, уходи. Уходи! Ты не понял? Как тебе еще объяснить? Ты мне не нужен, все!

Если раньше в нем еще теплилась надежда, что все объяснётся, что все это просто случайность, что ей действительно надо куда-то ехать, то сейчас эта надежда рухнула. Это, в самом деле, все. Больше Ольги никогда не будет. На глаза навернулись слезы, голос задрожал.

— Оля...

Хлопнула дверь автомобиля, кто-то схватил его за плечо.

— Ты что, не понял? Дергай отсюда, бегом!

Продолжая смотреть на девушку, Сергей отпихнул стоящего сбоку человека.

— Ты...

Боковое зрение зафиксировало резкое движение. Стараясь уйти с траектории удара, корпус непроизвольно начал отгибаться, переноса тяжесть тела на левую ногу. Но не успел. Удар в ухо лишил устойчивости, и, в попытке сохранить равновесие, Сергей сделал пару шагов назад.

— Пошел отсюда, щенок, а то изуродую.

В школе Серега занимался спортом, был физически крепок, драться не только не боялся, а любил. И умел. Сейчас, находясь во взвинченном состоянии, переполненный кипящими эмоциями, он готов был порвать, растерзать зубами и съесть любого, не обращая внимания на физические данные противника. И все же, оскалив зубы и разворачиваясь в сторону атаки, он испытал удивление. Перед ним стояла сопля. Самая настоящая. Как этот, изначально избитый сморчок, может так разговаривать? Он вообще должен молчать, должен закрыться в салоне машины и молить Бога, чтобы его не заметили.

Тот, сложив руки в боксерской позе, картинно водил плечами. Сергей улыбнулся. Злость прошла. «Или он нашел возможность благородно получить в нос и добиться тем самым жалости со стороны девушки, или же круглый дурак, ничего еще не понял». То, что он может быть отличным бойцом, не пришло в голову. Те себя иначе ведут, у них другая боевая стойка, другой взгляд.

— Ну, давай, труп, давай, — придурок дергал головой и делал приглашающие движения ладонью.

И Сергей дал. Просто пнул его по коленке, и тот согнулся в несуразную позу, скривил рот.

— Ну, уродуй меня, что же ты притих? Уродуй.

Следующий удар в нос размазал сморчка по асфальту. Брызнула кровь.

— Вставай, боец, вставай, дерись.

Девушка бросилась на спину Сергею, схватила его за волосы. Он легко оттолкнул ее.

— Ненавижу, ненавижу, убирайся отсюда.

Сплюнув, мужчина ткнул пальцем в лежащего человека.

— Запомни эту картину, Оля. Так он защитил тебя. Этот всю жизнь будет лежать на земле. — Губы скривила печальная улыбка. — И на него ты меня променяла! Женщины — действительно загадки.

— Убирайся!

Стало обидно. Все лето Сергей жил этой встречей: та-скал бревна, мешал бетон, думая об Ольге. Да и машина-то ему была нужна, чтобы возить на ней девушку.

«Сейчас бы врезать ей. Дать в это красивое лицо, вбить нос внутрь, разорвать губы. У-у, дрянь», — мысль только промелькнула в голове, родилась и рассыпалась. Он развернулся и медленно побрел прочь.

Вскоре походка изменилась, появилась привычная упругость, шаги стали твердыми. Обозначилась цель. Надо курнуть. Алкоголь — не то, он по-другому действует. Тем более, три бутылки пива расперли желудок и сковали тело похмельной тяжестью. Нет, надо курнуть, чтобы забыть, чтобы отвлечься. Найти «дурь» труда не составляло, и, расставшись с несколькими бумажками, он положил в карман спичечный коробок с коричнево-зеленой массой.

Укрывшись в беседке в дальнем углу двора, он со своим приятелем Кириллом забил косяк.

— Ты, говорят, в армию идешь? — спросил Сергей.

— Не иду, а ведут.

— А твоя подруга, как ее там... что говорит?

— Светка-то? Да что говорит? Ждать буду, говорит. Плачет. А как в самом деле получится, кто его знает? Это же не на месяц, не на два. Да, впрочем, не дождется — и ладно. Я уже настроился.

— А меня Ольга кинула. Швыранула, как последнего порчака. А не было-то меня два месяца. Ну, два с небольшим.

Сергей раскурил папиросу, затянулся, задержал дым, протянул косяк товарищу.

— Да, они такие. Оставлять их надолго нельзя. Кто пальцем поманит, они и рады. Одним словом — самки.

— Во, во. Я сейчас Ольгиному хахалю в морду дал.

— А ему-то за что? Он же тебе ничего не обещал, в любви не клялся.

— Да черт его знает, сам напросился. А кого бить-то, не ее же? Ты правильно сказал — самки, а какой с них спрос?

Они замолчали, улавливая собственные внутренние изменения. Факт потери девушки для Сергея остался, но отношение к нему изменилось. Сейчас он смотрел на это просто, без переживаний. «Да кто она такая? Королева красоты, что ли? А хоть бы и так. Другие будут, еще покруче. А эта сама приползет».

— Серега, а Колька-то куда пропал, что-то давно его не видно?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Говорил, что в Москву с батей едет. А сегодня позвонил — его мать сказала, что они где-то в Сочи. Должны скоро вернуться.

Потом разговор перешел на философские темы. Ребята обсудили проблемы мироздания, поговорили о бесконечности вселенной. Обоим казалось, что они стали умными, мысли текли легко и плавно. Их суждения были научно выверены, логично обоснованы. Уже прощаясь, Серега спросил:

— Тебя куда забирают, знаешь?

— Нет, на призывном будет известно. Да и какая разница, лишь бы не в моряки. Там ведь три года служить.

Через месяц суровый майор будет кричать фамилии в разболтанный строй новобранцев. Страдающий похмельем Кирилл услышит и свою фамилию. Взволнованный, станет спрашивать:

— Куда? Кто знает, куда?

— ВДВ, брат. Чечня.

А спустя еще полгода притаившийся на холме за россыпью камней снайпер поймает окуляром оптического прицела его голову. Наблюдая за еще дышащим, о чем-то мечтающим и ничего не подозревающим человеком, снайпер улыбнется. В общем-то знакомая картинка на этот раз придаст его мыслям философский настрой об относительности человеческого бытия. Снайпер отгонит эти мысли.

До цели метров четыреста. Далековато. Снайпер совместил мощную оптику прицела с точкой попадания. Палец мягко вдавил спусковой крючок, и коническая пуля, оставляя за собой шлейф разряженного воздуха, начала свой короткий, но очень эффективный путь. В соответствии с правилами внешней баллистики, она чуть отклонилась в сторону вращения, а сила притяжения земли опустила ее чуть ниже. Но все это было учтено снайпером. Через секунду она, пробив височную кость с обеих сторон, выполнила свою работу. Снайпер опять улыбнулся. Он вообще улыбчивый человек.

Кирилл ничего не почувствовал. Он просто вдруг перестал существовать. Только что был день, и вдруг абсолютная ночь. Но он даже не выказал удивления по этому очень странному поводу.

В оглушенном оцепенении мать выслушает двух суровых мужчин, которые будут бросать ей в лицо страшные слова. Она с перекошенным ртом еще долго простоит в коридоре, бездумно уставившись в обитую дерматином дверь. Соседи, беспокоясь за ее рассудок, вызовут «скорую». Женщина будет выть по ночам наполненным смертной тоской голосом. А днем, прижимая к груди фотографию сына, она с лютой ненавистью будет смотреть на то и дело мелькающие на голубом экране, лоснящиеся от хорошей жизни

рожи людей, спекулирующих на чеченской войне. Она проклянет эту войну, проклянет людей, которые ее развязали и не в состоянии окончить. Стоя на коленях, она будет молить Бога о том, чтобы он позволил ей встретиться с ними на том свете, дабы, вцепившись острыми ногтями им в головы, драть кусками кожу с их разжиревших рож, разрывать рты, носы, выцарапывать глаза.

Наверное, ненависть не самое лучшее чувство, но кто посмеет обвинить потерявшую сына мать?

После ужина соскучившийся по цивилизации Сергей допоздна смотрел видео.

«Ну и черт с ней, — думал он. — Деньги есть, завтра тачку себе присмотрю, буду гонять. Две штуки баксов. Класс». Сладкая мысль грела душу. Он очень хотел машину.

Человеку не дано заглянуть в будущее. Можно лишь, обладая необходимой информацией и способностью к анализу, предсказать развитие событий. У Сергея не было ни того, ни другого. Впрочем, второе без первого никакого значения не имеет.

Стоящий на прикроватной тумбочке японский электронный будильник показывал вечер 16 августа 1998 года.

* * *

Начиная от самого рождения и до смерти, жизнь человека сопровождают всевозможные сказки, легенды и мифы. Кисельные берега у молочной реки, скатерть-самобранка, баба Яга и Дед Мороз, и прочее. Это добрые детские сказки, обязательно с хорошим концом. Человек взрослеет, эти счастливые детские мифы развеиваются, и им на смену приходят другие, качественно соответствующие **возрасту** человека. «Не будете учиться — не найдете работу. А будете хорошо учиться — перед вами открыты все двери». Несколько утрировано, но, по сути, примерно так говорят молодым людям учителя, преподаватели, родители, дяди, тети. Жизнь жестоко и однозначно дает человеку уроки реальности, потому что или маленькая зар-

плата, или неинтересная работа, или, или.... А на том месте, где бывший студент хотел бы работать, всегда сидит кто-то другой и уходить оттуда не собирается. А все двери оказываются закрыты и открываться не торопятся. В эти двери надо стучаться и долго ждать, пока их откроют, при этом надеясь, что не спустят на тебя собаку. Во взрослой жизни кроме просто знаний, видимо, надо обладать упорством, необходимой степенью напористости, везеньем или удачливостью, определенным складом характера, соответствующим реализации желаний, и нужными знакомствами. А еще надо уметь бороться за свое место в лодке, уметь драться за жизнь, не бояться, конечно, разумно рисковать, а главное, надо уметь работать. И еще многое, многое, многое. Развенчивание этого мифа для многих проходит уже не столь безболезненно: от недоумения и растерянности до озлобленности, потери уверенности и чувства своего места в жизни, невроза, депрессии.

Мифов очень много. И чтобы миф прижился, он должен рождать положительные чувства в душе человека. Здесь и лекарственные препараты, как панацея от всех болезней, и предвыборные лозунги кандидатов на ответственные государственные посты, и наркотики.

— Это кайф, понимаешь, реальный кайф. Ты представить себе не можешь, как это здорово, это... счастье, самое настоящее счастье.

Любой человек всегда находится в поиске счастья, а юность ощущает его нехватку особенно остро. Необходимость нового, интересного — и сейчас, а не завтра. В лихой бесшабашности молодой жизни человек не склонен думать о далеком будущем. Вот он — кайф, вот оно — счастье. А похмелье — жестоко. Боль, низость, предательство, вечная грязь, перемешанная с экскрементами и собственными слезами. И раскаянье. Глубокое, раздирающее душу раскаянье. Здесь нет исключений, это аксиома.

Николай страдал наркотическим похмельем. Работа, на которую он теперь каждый день ходил к девяти часам, его увлекла, и на некоторое время навязчивые мысли о наркотике отошли на второй план. Только на некоторое вре-

мя. Постепенно привыкая к деловому образу жизни, он все меньше чувствовал его новизну, интерес таял, и вскоре Николай понял, что поторопился с выбором профессии. Он не хотел быть экономистом. Кроме того, на его накаленные, болезненно воспринимающие мир чувства негативно воздействовала окружающая реальность. Серость, бесперспективность, отсутствие стабильности, царящее кругом моральное разложение. Он не задумывался над этим, не пытался оценить, лишь подсознательно ощущал тяжесть и угнетенное психическое состояние. По ночам снились плохие сны, он просыпался в плохом настроении, в плохом настроении он влачил неприкаянное существование днем, в плохом настроении ложился спать. Жизнь была серой, до слез скучной, однообразной. На этом фоне остро хотелось разнообразия, интереса, чувства полноты жизни, хотелось радости. И он знал, где это взять. Все очень просто, стоит лишь протянуть руку — и чек окажется в ладони. Да, это плохо, но чем лучше такая жизнь? Чем? Коля гнал прочь эти вопросы, понимая, что наркотик — это смерть, но вскоре поймал себя на мысли, что ему больше не хочется жить. Ему не хочется жить такой жизнью, которой живут все. Возможно, те, кто не знает, что кроме тусклой лампочки подземелья, в котором они обитают, есть еще голубое небо, солнце и звезды — те счастливы, тем хорошо. Тех устраивает такая жизнь. Пусть. Лучше не жить вообще, чем жить так. Так, как они.

Иногда, возвращаясь с работы на автобусе, Коля видел сквозь грязное стекло общественного транспорта стоящую на дороге Марину. Короткая мятая юбка, торчащая из-под еще более короткой куртки, грязные волосы. Он не испытывал к ней того презрительного чувства, которое раньше просыпалось в нем при виде дешевых «сосок». У нее родители были далеко — у него близко, и только они не позволили сыну опуститься на уровень растоптанного по асфальту дерьма. Не будь их — стоял бы он где-нибудь рядом с ней, занимаясь, разве что в силу половых различий, чем-то другим, но столь же низким и грязным. Глядя на нее, Коле хотелось плакать. Не о ней плакать — о себе.

Здесь было очень удобное место. Недалеко светофор, после которого машины еще не успевали разогнаться, сразу же парковка, за ней глухой отворот — и там деревья. Очень удобно. И главное — недалеко от центра, но вроде как уже и не центральные улицы с огромным количеством транспорта.

От выбора места очень многое зависело в их нелегком труде. Некоторые девчонки выбирали оживленные трассы, ближе к выезду из города. И что? Тачки идут плотным потоком, все на виду, не каждый и остановится. Тем более, скорость развил уже — лишний раз тормозить.

Марина достала из сумочки солнцезащитные очки, протерла их о внутреннюю сторону куртки, нацепила на нос. Темные очки в пасмурную погоду были не нужны. По крайней мере, свою солнцезащитную функцию они не выполняли. Просто девушке казалось, что они придают ей загадочность. А может, она пряталась за ними, подсознательно ограждала себя от злого мира или стеснялась. Хотя нет. О стеснении Марина не думала уже давно; привычно развернувшись в сторону встречного транспорта, как бы показывая товар лицом, она высматривала клиентов. Они платили деньги, которые незамедлительно менялись на героин. Это был единственный интерес. Больше интересов не было.

Как-то незаметно для себя она пристрастилась к наркотикам. От жизнерадостной, полной надежд молоденькой девчонки, которой она пришла на вступительные экзамены, не осталось и следа. Жизнь каким-то непонятным образом изменила акценты, выдавив из человека романтику, вместо которой воздвигла серую глухую стену бесперспективности. В мечтах она, окончив институт, работала в школе с ребятами, была молодая и цветущая, с добрым, любимым мужчиной. В реальности же девушка понимала, что на рабскую подачку заработной платы не может она быть молодой и цветущей, а станет злой и сварливой. Добрый и любимый мужчина в жизни чаще всего оказывался отрывившим перегаром прыщавым дегенератом, норвя-

щим схватить за грудь. Все это, вместе взятое, ставило под серьезные сомнения картинки из ее романтических представлений. И постепенно, день за днем, капля за каплей, этот негатив накапливался в сознании, отбирая стремления, лишая надежды. Откуда-то появилось убеждение, что ей не везет. У других вроде все более-менее нормально. И с парнем хорошим познакомится, и работа путная. У нее же... Вскоре это убеждение переросло в комплекс.

— Неудачница я, — часто говорила Марина.

Выход из тягостного ежедневного настроения она с легкостью находила в марихуане, иногда «везло» с кокаином. Как-то раз предложили героин. Остановиться она уже не смогла. Наконец-то Марина поймала за хвост удачу, нашла то, чего так долго искала. Исчезли все комплексы. После каждой дозы девушка была счастлива.

Из института ее отчислили, и студенческая жизнь осталась в памяти каким-то далеким эхом, словно ее не было вовсе, а был лишь сон. С Диной она поругалась, пришлось съехать с квартиры. Как она ни старалась подсадить подругу, та отказывалась. Дина сошлась с каким-то парнем, от которого за версту несло наркотой: сейчас она, похоже, плотно сидит. Так ей и надо, Динке. Подруга, называется. Из-за какого-то парня... Да вон их сколько, бери — не хочу. Здесь Марина лукавила. Она уже давно никого не брала, брали ее. Да и желающих взять становилось все меньше и меньше. Синюшный цвет лица, ввалившиеся глаза и щеки оттеняли нос, некогда красивый; сейчас он казался немойтой, изъеденной проволочником картошкой. Наркоманская внешность отталкивала мужчин, попадались в основном в дупель пьяные или совсем убогие, наскребшие где-то случайно три-четыре сотни деревянных.

Синий «Жигуленок» медленно тронулся на разрешающий сигнал светофора.

— Во, смотри, девка стоит! Давай останавливайся, заберем ее!

Мужику было тридцать с небольшим, хотя можно было дать и пятьдесят. Коленями он зажал бутылку водки, к

которой иногда прикладывался. Водитель смущенно посмотрел на соседа.

— Давай-давай, не дрейфь.

Водитель «Жигулей» мало чем отличался от пассажира. Тот же серый, прокопченный дымом, ветрами, тяжелым физическим трудом и чрезмерным употреблением крепких напитков, цвет лица; мощные мозолистые руки с обязательной грязью под ногтями; огромные ноздри. Им было одинаковое количество лет, они были из одной деревни и даже жили по соседству. Приехав на городской рынок с полным багажником говядины, удачно расторговались и решили расслабиться. Тугие пачки денег с непривычки жгли руки. По русской традиции отметить удачную сделку — они предвкушали вечер, проведенный в городе, без семьи. О том, что эти деньги для обоих являются, по сути, единственным годовым доходом, не считая мелких заработков, а дома ждут дети, у которых поизносилась старая обувь, да и из курточек они уже выросли, мужики не думали. С коровьей рассудительностью они отсчитали три тысячи рублей на бухло, а остальные, завернув в полиэтиленовый пакет, спрятали под жилетку.

— Этого хватит. Надо водки купить.

— Сколько? — от предвкушения скорой выпивки оба суетились, чесали ладони и притопывали ногами. Настроение было отличное.

— Давай три.

— Да ты что, мало же. Надо четыре брать.

— Кончится — еще возьмем. Завтра-то дома надо быть.

Но назавтра домой они не попали. Накупив еще водки, они, с короткими перерывами на дурной сон, пропьянствовали всю ночь, под утро разбили машину и подрались с дальнобойщиками. Позже, вытирая разбитые носы, опохмелились и ушли в окончательный запой. Вынырнув через несколько дней из алкогольного мрака, обнаружили, что где-то просадили большую часть огромной, по их меркам, суммы, с горя еще выпили и попали в вытрезвитель, где менты сперли оставшиеся деньги. Все закончилось именно так, как и должно было закончиться. Дети в напрасном

ожидании сладостей из города так и будут ходить в старой одежде, которая им давно мала. А жены станут волноваться из-за долгого отсутствия мужей, слабо надеясь, что те не все пропьют. В конце концов, спустя несколько дней увидев их с опухшими и понурыми рожами на пороге дома, обрадуются — слава Богу, живы. Поорут, конечно, поскандалят, но этим все и закончится. Как в деревне без мужика-то? Однако в поиске ответов на экономические вопросы, а попросту: где взять денег, чтобы накормить и одеть детей, — мысли не раз будут выводить этих женщин на обочину соседней трассы. Только мысли, до дела не дойдет. Не из-за гордости или стыда, нет. Какая гордость, когда жрать нечего, когда дети в одних ботинках на троих ходят? Просто не остановится никто: фигуры не те, лица. Да и когда — работать надо, скотину кормить.

Но все это будет потом, а пока, мигая сигналом правого поворота, «копейка» притормозила рядом с девушкой в темных очках. Открылась пассажирская дверь.

— Э, сюда иди.

Оба мужчины имели врожденный комплекс перед городскими жителями. Любой более-менее прилично одетый человек активировал этот комплекс, а противоположный пол вызывал просто страх. У них не было ни одного шанса познакомиться с городской женщиной, и, интуитивно понимая это, они заглушали комплекс спиртным. За рулем пить было нельзя, поэтому водитель, густо покраснев, уставился в одну точку где-то на своих коленях. Его приятель, засадив уже со стакан, воображал себя таким лихим городским парнем, которому все нипочем. Однако заговорить с девушкой оказалось гораздо труднее, чем думалось, — он почувствовал неловкость. Скрыть ее помогала откровенная грубость.

— Сюда иди! Непонятно, да?

Скотская уличная жизнь многому человека учит, поэтому одного короткого взгляда хватило Марине, чтобы понять суть мужчин: деревенские, где-то скопили денег, вырвались в город, нажрались, сейчас чувствуют себя короля-

ми. В машине их было двое, но девушку это не остановило. Открыв заднюю дверь, она уверенно опустилась на сиденье.

— Привет, мальчики! Отдыхаем?

Водитель покраснел еще больше, кивнул головой и промчал что-то в знак согласия.

— Ага, отдыхаем, а че? — каждый глоток спиртного делал второго смелее. — Ты, может, возражаешь?

— Нет, конечно, — Марина отрицательно покачала головой, — я с вами, мальчики. А едем-то куда?

— В гостиницу.

— А цены знаете?

— Не бойсь, крошка, не обидим.

На трезвую голову он никогда бы не назвал женщину крошкой.

— Ну и отлично. Только с условием: часть денег вперед, и заедем кое-куда, договорились?

Весь опыт общения с проституткой для обоих мужчин сводился к байкам, рассказанным односельчанами, в которых проживающие на соседнем дворе, постоянно пьяные и зачуханные Вани и Пети выглядели крутыми героями. Ну прямо местные Ален Делоны. Они шиковали в крутых кабаках, отстегивали чаевые зализанным халдеям, с легкостью снимали длинноногих красавиц. Мужики понимали, что вранья там больше, чем правды, поэтому не знали, как себя в нынешней ситуации вести, не знали правил и в глубине души боялись отказа. Высказанное девушкой условие расставило все по местам, и они радостно закивали.

Под гостиницей понимался деревянный барак для дальнобойщиков. Ни туалета, ни душа, естественно, в номере не было. Марина прошла в общественную комнату, находящуюся в конце коридора, и, стоя в кабинке с загаженным унитазом, ввела себе дозу. Пришло нормальное рабочее состояние.

В комнате мужики усиленно накачивались спиртным, под влиянием которого комплекс неполноценности деформировался, перерос в желание мстить. Сейчас они были красивыми, уверенными в себе мужчинами.

— На, водки выпей.

— Нет, я не пью. Давайте заниматься делом.

Марина понимала, что у нее не та цена, не тот статус, при котором надо поддерживать компанию, что-то говорить, показывать сексуальность, исполнять стриптиз. Все проще: сделали по-быстрому — и на рабочее место, дальше ловить клиентов. Да и мужики явно не тянули на расслабляющийся бомонд.

— Пей, тебе сказали. Когда и чем заниматься, я буду указывать. Поняла, сука?

Марина испуганно закивала головой, взяла стакан.

— Вот так. Пей давай до дна.

Вид испуганной женщины распалил еще больше.

— Ноги раздвинь. Э, ты че, дура тупая? Разденься вначале. Вот сюда сядь, на кровать. Во, давай, молодец.

Глаза у мужиков остекленели, рты непроизвольно открылись, на губах запенилась слюна. Оба часто задышали.

— Вот так встань. Давай, Егорыч, начинай. Что? А ты, сука, не скули. Тебе деньги заплатили, вот и стой, как поставили. И будешь делать, что скажу.

Над ней откровенно издевались.

— Сюда встань, давай, делай. Какой устала, ты что гонишь, отработывай, потом отдохнешь, завтра. Если отпустим. Ха-ха-ха.

Вот она, жизнь. Марина отчетливо видела себя со стороны. «Пресмыкающаяся дрянь, когда я успела так опуститься? — думала она. — Забыть все это, забыть, утопиться бы».

Тяжелая ладонь дала ей по уху. Голова откликнулась звенящей болью.

— Ты че, уснула? Работать.

— Ты вообще понимаешь, для чего ты здесь? А чтобы нам было хорошо. Ха-ха.

Животные впервые почувствовали такую безотказную власть над человеком. Да еще противоположного пола. Они делали, что хотели. Ее откровенные позы возбуждали и, несмотря на опьянение, наполняли их мужской силой, которая требовала удовлетворения.

— Ложись, вставай, сиди...

Отдельные фразы сквозь вату доходили до сознания, приобретали форму обязательного для исполнения приказа. Она вставала, ложилась, вытягивалась — делала все то, что ей приказывали два пьяных мужика. Действие наркотика закончилось, и грязная реальность тяжелыми тычками растаптывала ее душу. Страх, боль, унижение заглушались отвращением. Отвращением к себе. Она ненавидела, презирала себя.

Граница кошмара озвучилась тяжелым храпом. Из валявшейся среди бутылок куртки выглядывала тугая пачка денег. Хватит надолго. Взять и уйти, наказать сволочей. Она лишь скользнула по ней взглядом, не фиксируя в сознании. Кого наказывать? Себя?

В полностью отрешенном, каком-то тупом состоянии Марина добралась до дома. Скинув верхнюю одежду, она повалилась на диван, уткнулась в подушку. Постепенно овладевшее девушкой безразличие сменилось удушающей жалостью к себе. Хотелось плакать, но слез не было. Сухие открытые глаза смотрели в черноту подушки, из горла вырвался слабый стон. Усиливаясь, он перешел в вой, который, наконец, разрешился слезами. Она плакала, как когда-то давно, в детстве, как может плакать только ребенок — горько и искренне. И вместе со слезами в ее душе возрождалось человеческое, то, что казалось, давно и безвозвратно похоронено под толстым слоем героиновой зависимости. А еще слезы сняли психическое напряжение, и тут же ее тело сковала боль физической ломки. Она не может жить без наркотика. Так теперь будет всегда.

Марина зажгла настольную лампу, села перед зеркалом и долго смотрела на себя. Она вспоминала свою жизнь — горькую и потерянную. Жалость к себе сменилась раскаянием и стыдом. И это был настоящий стыд. Стыд не перед кем-то посторонним за совершенный проступок, а стыд перед своей душой, своей совестью, перед своей жизнью.

Во внутреннем боковом кармане сумки лежало семь бумажных, свернутых квадратиком, пакетов с героином —

половина заработанных за сегодня денег. Она достала все. Набирая приготовленную смесь в шприц, Марина почувствовала ломоту в локтевых суставах, руки начало сводить судорогой. Держа зубами конец резинового жгута, зажала левую кисть в коленях. Помогая телом, она не разгибающейся правой рукой все же смогла попасть иглой в вену. Сразу же по телу разлилось тепло. Ломота прошла, руки стали свободно гнуться. Девушка вернулась к дивану, расстелила его и легла, укрывшись одеялом. Мир вновь стал добрым. Настенные часы мерным боем успокаивали возбужденную душу. Все стало хорошо и радостно, пахло весной, свежестью. Пришло понимание счастья. «Ничего страшного сегодня не произошло. Грязь отмоется, все забудется. Не может не забыться, ведь все так по-настоящему правильно и по-настоящему добро». Но эта мысль не могла обмануть девушку: она знала, что такое семь доз качественного гекса в одной вене. Глаза закрывались, она погружалась в ласковое теплое море. Ей было хорошо и приятно. Вдруг волна накрыла ее, потянула на дно. Стало тяжело дышать, Марина захлебывалась и делала характерные движения руками, чтобы выплыть на поверхность. Выплыть ей было уже не суждено. Через шесть минут у нее остановилось сердце.

К восьми часам утра рабочее общежитие, принадлежавшее некогда огромному, а сейчас заброшенному и никому не нужному заводу, просыпалось. Просыпалось не для того, чтобы идти на работу (все оборудование, станки были распроданы, распилены на металлолом или просто разворованы), а чтобы опохмелиться. Нечесанные тетki с пропитыми лицами, мужики в серых майках и трико с вытянутыми коленями шли в туалет. Самые стойкие несли с собой зубные щетки и пасту. Большинство же, справив естественные надобности, скучковались и дымили папиросами. Они жили своей жизнью, к которой привыкли. За окном шла другая жизнь, качественно отличающаяся от их замызганных комнат, треснутых унитазов и дешевой катаной водки. Они смотрели на ту, другую жизнь, иногда завидовали ей, но

отсутствие четких жизненных перспектив, слабость воли, неспособность принятия решений и несения ответственности за их реализацию, а также нежелание думать и работать навсегда пригвоздили их к этому полуразвалившемуся зданию. Человек ко всему привыкает, и очень скоро те, кто еще чистит зубы и завидует другой жизни, перестанут делать и это, полностью зарывшись в пьяную грязь бывшего рабочего общежития. У каждого из них есть только одна возможность покинуть это здание — вперед ногами.

Реальность жестко перемалывает человеческие судьбы, и те, кто сумели подняться, смогли побороть лень, давно покинули этот барак, стоящий на самой обочине Пути. Здесь же этим общежитием Путь и заканчивался. Дальше было кладбище. А освободившиеся комнаты в спешке занимали не сумевшие сдать самый главный экзамен по предмету *взрослая жизнь*, те, чей круг интересов замкнулся на стакане или игле.

В этом общежитии, на пару с подругой Леной, и снимала комнату Марина.

Поутру Лена пришла домой и долго стучалась в закрытую дверь. Опохмелившиеся мужики предлагали помощь, взламывали дверь монтировками. Дверь открыли, вызвали милицию. Картина была ясна. Приехавший через некоторое время врач констатировал смерть от передозировки наркотическими средствами.

Марина лежала, широко раскинув руки. Смерть стерла с лица жизненные пороки, оставив лишь выражение полного недоумения: почему же все так бестолково и **бездарно** закончилось?

Врач, выписав нужные бумаги, сделал пометку в блокноте. Эта смерть ляжет сухой цифрой в безликие статистические данные в графе «наркозависимость».

А где-то далеко, обезумев от горя, будет рвать на себе волосы рано поседевшая мать.

* * *

Жизнь прекрасна, если правильно подобраны антидепрессанты.

Николай, в борьбе с вечно плохим настроением, однообразной и бесцельной серостью, увлекся таблетками и спиртным. Ему казалось, что жизнь не клеится; найти себя, как-то с толком применить он не может, но стоит выпить стаканчик, как вроде все налаживается, появляется надежда, улучшается настроение, быстрее летит время. Все, в общем-то, известно. Бутылка-две пивка вечером, еще лучше «соточку» пивком осадить.

На работу он все чаще стал приходиться с красными глазами и мученическим видом, включал компьютер и, сидя перед монитором, убивал время какой-нибудь стрелялкой, с нетерпением ожидая вечера, когда можно будет улучшать препоганейшее настроение.

Как-то раз, мучаясь тяжелым отравлением то ли от некачественного продукта, то ли от мешанины напитков, он сам не заметил, как забрел на «пятак». Потолкавшись, Николай купил банку джин-тоника. Бурным протестом среагировал организм на поступающую теплую жидкость, и едва Коля успел забежать за ларек, как его вырвало.

— Э, алкаш, ну-ка, дергай отсюда.

Продавщица в грязном фартуке стояла в проеме открытой двери и с презрением смотрела на скорчившегося человека.

— Зассали все кругом, уроды.

Сплеывая застрявшие во рту кусочки пиццы, он показал ей вытянутый средний палец:

— Иди ты...

Колю мутило. Все казалось недобрым, страшным. Держась за живот, поминутно икая, он нес раскалывающуюся при каждом шаге голову в дальний угол «пятака», туда, где дерганые пацаны торговали героином. Оставшаяся у дверей ларька продавщица ярко намазанным ртом изрыгла ему вслед отборную матерщину.

Суетливые, с бегающими глазами мальчишки, казались, бесцельно околачивались на пятаке.

— Привет.

— Здорово, Колян, давненько тебя не видно. Соскочил?

— Да лажа все это, — Коля обреченно махнул рукой, сглотнул слюну, — ты долго еще?

— С полчаса.

Среди густых зарослей черемухи на обгаженной лавочке трясущимися от нетерпения руками Коля вогнал себе иглу.

Его ремиссия длилась восемь месяцев.

Как избежавший голодной смерти человек не может полностью насытиться, так и Николай с головой окунулся в наркотический запой. Ему все было мало, дозу увеличивал с каждым новым уколом. Вот еще чуть-чуть, еще... нет, действие наркотика шло на спад, до полного кайфа он никак не мог дойти. Значит, дозняк надо увеличить. И, зажав руку между ног, усиленно работая кистью, Коля снова искал вену острием иглы.

В полубредовом состоянии прошли выходные. В периоды между инъекциями, переходя из своего внутреннего мира во внешний, Николай узнавал знакомые лица, слушал пустую болтовню Шурика, что-то рассказывал Арефьеву. Все возвращалось на круги своя. Вечером, придя домой, ужинал, шел в туалет; там, сидя на унитазе, пускал себе дозу и, демонстративно зажав какую-нибудь книгу под мышкой, растягивался на диване в своей комнате. Якобы читал.

В понедельник утром Надежда Антоновна подошла к кровати сына.

— Коля, вставай.

— У-у, мам, еще десять минут, а? Сон досмотрю.

— Давай-давай, опоздаешь.

Она ушла на кухню, оставив дверь в комнату сына открытой. Михаил Дмитриевич доедал завтрак.

— Миша, дыхание свежее, перегаром не пахнет.

— Ну и слава Богу. Он в последние дни хоть улыбаться начал.

— Ага.

Надежда Антоновна подошла к мужу со спины, обняла за шею, спросила:

— Ты когда сегодня вернешься?

Тот, с набитым ртом, промычал что-то неопределенное.

— Может, сегодня вечером в киноходим? Ведь так давно никуда не выходили. После фильма можно будет зайти в ресторан, поужинать. А? Ты как?

— С удовольствием, дорогая.

Надежда Антоновна посмотрела на часы. Десять минут прошло.

— Коля, вставай. Коля. Ко-о-оля.

Николай перевернулся на другой бок, закрыл голову подушкой. Но монотонный голос мамы раздражал слуховые рецепторы даже через слой холлофайбера. «Коля... Коля... Коля...» Сон пропал. Он сел на кровати. Тяжесть и начинающаяся ломота в теле требовали принятия дозы. Гекс закончился, надо успеть заглянуть на «пятак» перед работой.

— Коля... Коля...

— Мам, я встал.

— Умывайся быстрее, завтрак стынет.

Склонившись над ванной, он чистил зубы. Вдруг в животе что-то кольнуло. Из горла выдавился крик, Николай непроизвольно присел. Боль тут же прошла.

— Во черт! — он погладил себя по животу, ощутил тепло ладони.

— Что такое? — в ванную комнату заглянула мама.

— Что-то кольнуло.

— Где?

— Вот, — он сильнее надавил на это место ладошкой, сделал два глубоких вдоха, напряг мышцы пресса. — Да все уже прошло.

После завтрака, натягивая джинсы, он проверил задний карман, где обычно хранил деньги. Четыре сотни. На сегодня хватит.

Спустя двадцать минут Коля уселся за свое рабочее место, включил компьютер. Над столом висел распечатанный на цветном принтере плакат времен развитого социализма — «Увеличивайте производство конопли, добивайтесь высоких показателей в своей работе. Берите пример со знат-

ного коноплевода Александра Хрипунова». И изображение этого самого Хрипунова на фоне высоких стогов скошенной конопли. Месяц назад Коля скачал этот плакат из интернета, чем вызвал всеобщий хохот:

— Вот какой современный плакат.

Николай дождался, пока загрузится машина, открыл нужный файл. Резкий спазм в области желудка заставил его согнуться в три погибели.

— Да что такое-то?

Боль не ушла до конца, он ощущал неприятное нытье в правом боку. Через несколько минут спазм повторился, потом еще. Вызвали скорую, которая приехала на удивление быстро — минут через сорок. Молодой врач ощупал живот.

— Собирайтесь. Сами в состоянии дойти до машины? Да нет, ничего страшного, обычный аппендицит.

Вначале пришли звуки. Ничего конкретного он еще не различал, просто появился некий шумовой фон, который разбудил мозг, сообщая о наличии внешнего мира. От осознания этого чуть дрогнули веки, изменилась глубина дыхания, на что среагировали сидящие возле кровати люди. Шумовой фон исчез, вместо него отчетливо различались звуки: скрип стульев, тиканье часов, далекая музыка...

— Приходит в себя.

Знакомый голос расставил все по местам; веки, еще раз дрогнув, открылись. Рядом с кроватью сидели родители, оба улыбались.

— Ну, как самочувствие?

Коля разлепил ссохшиеся губы.

— Нормально. Мне вырезали аппендицит? — говорить было еще тяжело, кружилась голова.

— Вырезали. Ты как, сынок?

Остатки сна уходили, с каждой минутой самочувствие улучшалось.

— С работы позвонили ребята, мы сразу сюда. Волновались. Слава Богу, все обошлось.

Мама погладила его по щеке, повторила:

— Обошлось.

Николай огляделся: бледно-желтые стены, тусклая лампочка, четыре кровати. Тоска. В голове родился беспокойный вопрос:

— Сколько я здесь пробуду?

Отец пожал плечами.

— Не знаю. Если все хорошо, то не думаю, что долго. Дня три-четыре, не больше. Сейчас и после серьезных операций через четыре дня выписывают, а аппендицит — ерунда, раньше вообще его под местным наркозом удаляли, так что ничего страшного. Читай, мы книжку принесем, отдыхай.

— Да уж, здесь отдохнешь.

— Ничего не поделаешь, Коля, ты заболел, теперь лечись.

Вскоре родители ушли. Вялотекущий разговор «ни о чем» лежащих на соседних кроватях мужчин не отвлекал от тоскливых мыслей. «Четыре дня, — думал он, — сдохнуть можно. А если ломать начнет? Интересно, они тут ставят что-нибудь успокаивающее?»

— Тебя как зовут, земля? — с угловой кровати на него смотрел лысый мужик.

— Николай.

— Аппендикс, что ли?

Коля кивнул.

— А-а. Меня Леха зовут, вот тезка твой, тоже Николай. А мы, слышь че, забухали тут в кабаке, на перо нарвались. Ну ничо, сволочь, выйдем — кончать будем.

С полчаса Коля слушал историю о похождениях своих соседей.

— А я ему говорю: слышь, ты, обезьяна, пошел отсюда. А он, падла, дальше лезет. Ну буром прет. Колян тут ему и зарядил. А этих зверей там человек пять было, повскакивали все, бормочут что-то там по-своему: гыр-гыр. Уроды. Короче, достали нас. У них-то, знаешь, как: все друг за друга; а русские в штаны наложили и сидят. Потом чувствую — зажгло что-то. Ну, думаю, на перо посадили. Смотрю, точно.

Инициативу разговора захватил Колян:

— А я гляжу: этот Лехе перо в бок засадил, бутылку со стола хватаю, хрясь по башке ему. Бутылка вдребезги, в руках розочка. Ну, думаю, перемочу щас всех, рожи попишу...

Затянувшийся рассказ прервало появление врачей.

— Как самочувствие?

Доктор — худой, средних лет мужчина — прощупал живот.

— Здесь как, не болит? Здесь?

Коля отрицательно покачал головой.

— Наташа! Давление, температуру, — доктор на секунду задумался, — ну, дальше посмотрим. Да, и капельницу.

Девушка встряхнула градусник, склонилась над кроватью. Каштановые волосы самыми кончиками погладили лицо Николая. Он прикрыл глаза. Непонятно почему, вдруг стало спокойно и хорошо. Исчезла тоска, вызванная неуютностью помещения, исчезла боязнь ломки от четырех проведенных здесь дней. Это все вообще потеряло какое-либо значение. Четыре дня, четыре недели или четыре года. Какая разница, когда такой душевный комфорт. Словно после долгих скитаний он, наконец, вернулся в родной дом, где всегда ждут, любят, где он обязательно найдет отдых, найдет покой и защиту.

Открыв глаза, он косил их немного в сторону, туда, где ее руки закрепляли прибор для измерения давления. Самые красивые руки. Она не касалась его, но Коля чувствовал нежность этих рук даже на расстоянии. Что случилось? Никогда раньше он не смотрел на женские руки с такой внутренней радостью, никогда так внимательно, с наслаждением, не изучал каждый пальчик.

— Здравствуйте, Наташа.

Девушка на секунду отвлеклась и посмотрела ему в лицо. Всего лишь на секунду. Но за эту секунду Коля успел разглядеть в ее глазах смену выражений: сосредоточенные на выполнении работы, они изменились — в них вдруг заиграл интерес. Каким-то первобытным, животным чутьем он понял, что это интерес именно к другому полу. Всего

лишь секунда! Николай возликовал. За короткое время, телепатически, мужчина и женщина обменялись важной информацией.

— Здравствуйте.

Потом она ставила ему капельницу, и Коля радовался, что левая рука касается стены, поставить иглу можно только в правую руку. Она была чистой. А на левой специалист мог разглядеть следы недавних проколов.

Справившись с иглой, она отрегулировала скорость потока в капельнице и пошла к двери. Под белым халатом выделялись лямки бюстгальтера, а ниже легкая ткань играла на упругих бедрах. Походка была воздушной, каждый шаг дышал свежестью и молодостью. Впереди была еще целая жизнь.

В дверях она обернулась и, обращаясь к Николаю, сказала:

— Через тридцать минут я зайду.

Коля откинулся на подушки. Разве такое возможно?

— Ну, так вот. Слушай дальше, земля. Только эти звери...

Слушать? Дальше?

Он уставился на капельницу. Кап, кап, кап.... Сколько должно упасть капель, чтобы прошло полчаса? Тридцать минут, и она придет. Коля вспомнил ее руки: тонкие, ласковые и мягкие. Какие руки! Страстно захотелось их обнять, прижать к лицу и целовать. И держать их долго-долго. Кап, кап... Наверное, прошло уже минут десять. Ну, хотя бы восемь. А глаза? Какие глаза! Манящие и бездонные. Наташа. В чем же такой завораживающий секрет? В красоте? Она очень красива. Но есть что-то другое. Женственность?

Раньше, встречая девушку, Николай всегда думал о том, что у нее обязательно должен быть парень, который является серьезной преградой в их отношениях. И если действительно таковой существовал, то Коля — без особых, в общем-то, проблем — переключался на другой объект. Сегодня такая мысль даже не родилась. Наташа была его, от начала и до конца, принадлежала только ему — и никому

другому. Иначе и быть не может. Наташа. Она... Наконец-то Коля подобрал правильное определение: она — настоящая. Нет ничего наигранного, ничего лишнего, надуманного. Так выглядит человек, который нашел свое место в жизни, и пусть жизнь только началась, но место уже ждет его, и сам человек об этом знает. Кап, кап, кап...

Она пришла. Коля силился что-то сказать, но в голове вертелась сплошная глупость. Он краснел, злился на себя, но так ничего и не сказал. Ему казалось, что девушка почувствовала его потуги, и от этого покраснел еще больше. Появилась дурацкая мысль, что надо бы так широко, по-барски снисходительно усмехнуться, как делал это раньше с другими девчонками. Нет, это лишнее — с ней надо вести себя честно, как она, по-настоящему. Ничего наигранного.

— Спокойной ночи.

Наташа ушла.

Убить гада, задушить на месте. Злость на себя сменилась переживанием. «Теперь будет думать, что я глупый. С кем не надо — соловьем заливаюсь, а здесь два слова не мог связать. Трус несчастный».

Впервые за последнее время сон был хороший, без ворочанья с боку на бок и мрачных мыслей. Среди ночи открыл глаза. В окно, прямо ему в лицо светила полная луна. «Вдруг я ее больше не увижу? Нет. Не может быть. Я знаю, где она работает». С этой мыслью он уснул, проспав на этот раз до утра.

Ближе к обеду, опираясь на спинку кровати, Николай встал и, зажимая рукой наложенную на разрез повязку, открыл дверь в коридор.

— Простите, где можно позвонить? — он остановил первого проходившего мимо врача.

— Там, за углом, — тот махнул рукой куда-то назад.

Коля набрал номер:

— Тетя Света, Андрей дома? Можно его?

На лестничной площадке, где висел телефон, было холодно, откуда-то несло сквозняками, и он пожалел, что не надел свитер. Наконец трубку взял его друг.

— Привет. Нормально, нормально. Андрюха. Цветы принеси. Нет, сегодня. Да, букет. Лучше розы, белые, штук пять-семь, только получше выбери. На втором этаже, хирургическое отделение, черт его знает, как называется, разберешься. Спросишь у кого-нибудь, где аппендицит вырезают, не маленький. Да-да, пока, до вечера.

Но вместо Наташи пришла другая медсестра. Николай чувствовал себя обманутым, хотелось плакать.

— А где Наташа?

— Она будет в четверг.

В четверг? Послезавтра. Вот черт.

Два дня прошли в ожидании.

— Что ж, все хорошо, завтра готовьтесь к выписке, — лечащий врач осмотрел рану. — С утра вам сделают перевязку, потом в поликлинику по месту жительства.

Завтра последний день, и завтра дежурит Наташа. И она ему будет делать перевязку. Предвкушая завтрашний день, Коля волновался. А цветы, которые во вторник принес Андрей, стояли на тумбочке в трехлитровой банке с водой и выглядели еще свежими.

Уже собираясь спать, Коля впервые с тех пор, как увидел Наташу, подумал о наркотиках. Но тут же его мысли переключились на завтрашний день. Завтра будет четверг.

С девяти утра больные начали ходить на перевязку. Николай выглядывал в коридор, видел очередь и снова растягивался на кровати. «Пусть, — думал он, — очередь рассосется, тогда и я пойду. Надо, чтобы никто ни мешал».

Бесцельно листал мужской журнал, участвовал в разговоре с соседями, но каждые четверть часа он вновь открывал входную дверь и смотрел на очередь.

— Ты чего суетишься? Успеешь домой, не переживай. За тобой заедут?

— Ага, отец должен подъехать.

Потом вновь валился на кровать и листал журнал. Вскоре два его соседа засобирались на процедуры.

— Ну, бывай, земля.

— Счастливо, ребята, — Коля пожал протянутые руки, — выздоравливайте.

Они услыли. Вновь захотелось выглянуть в коридор, он уже взялся за спинку кровати, как дверь открылась. Наташа. Сердце учащенно забилося, он расслабил руку и откинулся на подушке.

— Здравствуйте, больной, — лицо у девушки было раз-
румянившимся, улыбка — чуть скованной. Видимо, она
тоже волновалась.

У Николая мелькнула сладкая мысль, что она ждала
ухода его соседей.

— Здравствуйте.

Она подошла к кровати.

— Как себя чувствуете, поправляетесь? Я слышала, вас
сегодня выписывают.

— Да, сегодня, — он попытался сесть, но Наташа оста-
новила порыв, положив руку ему на грудь.

— Лежите, лежите.

Повисла томительная пауза.

— Ну... — девушка искала слова. — Вы когда на пере-
вязку собираетесь?

— Сейчас и собирался. Там была очередь, я выгляды-
вал.

— Все, народа уже нет, можно идти.

Наташа обвела палату взглядом, задержав его на тум-
бочке с букетом белых роз. Коля внимательно следил за ее
глазами.

— Это Ваши? Наверное, девушка принесла?

Склонив голову набок, он ловил ее ускользящий
взгляд.

— Наташа...

— Да? — она посмотрела на него, глаза встретились.

— Мне принес их мужчина, мой друг.

— Мужчина? — в голосе было удивление.

— Я его попросил. Во вторник, как только смог прийти
до телефона, так его и попросил. Я сказал, что здесь без-
умно красивая девушка мне ставит капельницы, но сам я
выйти из больницы не могу. Вот он и принес. Но девушка

меня обманула. Ее не было ни вчера, ни позавчера. Она пришла только сегодня, когда меня выписывают. Наташа, это ваши цветы, вам они предназначались, только немного завяли, извините.

Во время этого монолога девушка, не отрываясь, широко открытыми глазами изучала волосы мужчины, его губы, глаза. Коля взял ее руку, положил себе на грудь поверх футболки и прижал ее.

— Наверное, надо идти, — Наташа не убирала своей руки, а только перевернула ее ладонкой вверх, и пальцы Николая теперь обнимали ее тонкую ладонь.

Потом она мазала зеленкой шов на его животе, накладывала повязку и прижимала ее к ране. Рука девушки задерживалась на его теле немного дольше, чем было необходимо. Коля понимал это, и от понимания было приятно, по телу расходилось сладкое тепло.

Они говорили. Коле было интересно все, что касалось Наташи: ее увлечения, ее мечты. Он смотрел на нее и думал о том, что ему нестерпимо хочется делить с ней не только ночи, но и всю жизнь. Всю свою жизнь, без остатка, посвятить ей, ей одной. А еще захотелось стать богатым. Не для того, чтобы произвести впечатление, нет, а чтобы дарить подарки. Господи, как это здорово — дарить ей подарки.

— Как это здорово, — сказал он вслух, — дарить тебе подарки.

— А как это здорово, — отвечала она, — принимать их из твоих рук.

Каким-то совершенно естественным образом они дали понять друг другу о своей любви. Не было ненужных вздохов, наигранных слов: «Ты знаешь, я давно хотел тебе сказать...» — все произошло гениально просто: так, как и должно это происходить, когда любовь настоящая. Никому из них не пришло в голову, что надо бы получше узнать другого. Все, что надо было знать, они знали.

— Наташа, ты почему не пришла раньше? Ты же знала, как я тебя жду.

— Это потому, что тебя не было так долго. Признавайся, где ты был столько лет? Отвечай немедленно! — и она игриво хватала его за шею и душила.

— Я искал тебя, но никак не мог найти, и все не понимал, где же ты?

Любовь делает человека счастливым, и в счастье своем он забывает, что оно не вечно. Оно кратковременно.

Михаил Дмитриевич с женой возвращались из магазина. Он открыл подъездную дверь, пропустил вперед женщину.

— Ты сама посчитай: резину поменять, масло, тормозные колодки. Тысяч на пятнадцать.

— Это не машина, а проглот какой-то.

На площадке между этажами Михаил Дмитриевич скользнул взглядом по окну, которое выходило во двор. Возле железных скелетов качелей, оставшихся от детской площадки, заехав колесами на бордюр, стояла красная «Тойота».

— Что ж поделаешь, дорогая, жизнь стоит денег, которые...

Машинально сделав пару шагов вверх по ступенькам, Михаил Дмитриевич остановился.

— Что «которые»? Ты чего замолчал?

Ничего не отвечая, он вновь спустился на площадку. Точно: красная «Тойота». Когда они с сыном после лечения в Москве были на море, Коля рассказал отцу историю своей зависимости. Не последнее место в ней занимал некий Константин, который на этой машине и ездил.

— Что ты там увидел, Миша?

— Ничего. Так, ерунда, показалось. Ну пошли, давай, поднимайся.

Весь оставшийся вечер Михаил Дмитриевич просидел на кухне. Он пил чай, подперев голову руками, отвечал на вопросы жены и думал. Ему было о чем подумать. В который раз, потирая уставшие глаза, он мучительно искал ответ на извечный вопрос: что делать?

На второй день после выхода из больницы Коля пригласил Наташу в гости. Он хотел познакомить ее с родителями. Она стеснялась.

— Может, позже, а? Зачем торопить события?

Но в назначенное время раздался звонок в дверь.

— Мам, пап, познакомьтесь — это Наташа.

Отец обратил внимание, что они держат друг друга за руки, о чем тут же сообщил жене. Надежда Антоновна кивнула. Она готовила ужин, а ребята сидели в комнате Николая и смотрели фотографии.

— Это мы в Турции, вот видишь, на яхте, а это на даче.

На фоне зеленого леса Коля поднял руку в приветствии, а во второй держал несколько шампуров с жареным мясом.

— Это мы шашлыки делали.

— А где у вас дача?

— А, — он махнул рукой, — неважно, нету ее теперь.

Отец продал ее прошлым летом.

У Коли испортилось настроение, что сразу же почувствовала девушка. Она отложила дачную фотографию и больше этой темы не касалась.

— А это кто? Ах ты подлец.

Теперь Коля обнимал за плечи рыжую девушку, касаясь губами ее щеки. Девушка широко улыбалась.

— А, так, — Николай хотел сказать «дура одна», но передумал. Нехорошо называть человека, с которым дружил, душой. Наташе это не понравится.

— Ее тоже нету, и не будет. А ты никак ревнуешь?

— Чего? Я тебе свои фотки покажу, посмотрим, как ты себя поведешь.

Они сидели рядом на диване, касаясь друг друга коленями. Наташа продолжала увлеченно говорить, одновременно рассматривая фотографии. Коля, чуть наклонившись вперед, поцеловал ее в щеку. Она замолчала и легким наклоном головы как бы поднесла свою щеку ближе к лицу мужчины. Он поцеловал еще раз, потом еще и еще, с каждым разом перенося поцелуи ближе к ее губам.

Надежда Антоновна накрывала на стол. Далеко не каждую подружку своего сына она встречала ужином. Но и Коля никогда раньше так не знакомил со своей девушкой. Это Оля, или Катя, или еще кто-нибудь. Всех не упомнишь. Но чаще вообще не знакомил. Мать с отцом приходили после работы домой и видели в прихожей женскую обувь, а дверь в комнату сына была плотно закрыта и из-за нее раздавались звуки музыки или работающего телевизора. Причем, что магнитофон, что телевизор были включены значительно громче, чем было необходимо, чтобы просто слушать музыку. Вот и все знакомство.

— Миша, у нас там, посмотри, шампанское или вино должно быть, и детей зови, все готово.

Ужин прошел великолепно. Женщины и Николай пили вино, Михаил Дмитриевич тяпнул водочки, отчего зарозовел и в благодушном настроении откидывался на спинку стула. Было хорошо и уютно, думать о плохом не хотелось.

— Приятная девочка, — Надежда Антоновна убрала со стола и, надев фартук, мыла посуду.

— Угу, — он согласно кивал, — славная.

— И серьезная такая, видно, что не шалопайка. Дай-то Бог, может, приберет его — Коля угомонится, про наркотики свои забудет. А, как думаешь?

Надежда Антоновна хотела услышать согласие от мужа. Мать, она переживала за своего ребенка.

— Дай-то Бог.

* * *

Удар был силен. Серега невидящим взглядом уставился в стену. Не было ни мыслей, ни желаний, вокруг одна пустота. Перед ним на столе лежала пачка денег. Меньше чем за две недели из эквивалента в две тысячи долларов они каким-то образом превратились в пятьсот. Машина осталась в мечтах. Теперь на них можно было купить четыре колеса, ну и пару бутылок хорошей водки. Желательно литровой. Чтобы выпить разом и сдохнуть. В его понимании жизнь лишилась смысла. Он потерял Ольгу, теперь вот деньги.

«Для чего жить? — мысленно прокручивал терзающий вопрос. — Для чего?» Кто-то отобрал у него опору, стержень, на который он опирался в жизненных поступках. И не в деньгах дело, ведь отобраны планы, надежда и, главное, стремления. Сергей понял, что такое заработанные деньги, внутренне настроился на дальнейший упорный труд. Кто-то забрал и этот настрой, забрал все, взамен породив желание пить. Пить много и не трезветь. Но алкоголь Сергея не интересовал. «Бычий кайф», как говорили в его окружении. Оставалась «шмаль», которая теперь, на общем эмоциональном фоне постигших несчастий, не в состоянии была заглушить душевную боль. Тем более то, что он сейчас курил, было, как говорится, местного разлива: травка росла здесь же, под соседним забором. И, естественно, того кайфа, как, например, чуйская или та же ташкентская, не давала.

Сергея закурился до головокружения, до тошноты, вымачивал анашу в растворителе, делал «химку», толку не было. Полного расслабления не наступало. Он хорошо помнил кайф, полученный от кокаина, но купить его было не так просто. При желании, конечно, можно, но человек склонен идти по пути наименьшего сопротивления, поэтому он с замиранием сердца наблюдал, как его знакомые с покрасневшими лицами прокалывали себе вену иглой.

Расслабленные позы этих знакомых, их неторопливые разговоры позволяли сделать вывод, что им хорошо, их проблемы решены. По крайней мере, на сегодняшний день. Сергей знал, что такое наркомания, боялся ее, но с каждым днем желание вернуть потерянный кайф нарастало. Один раз, просто узнать, настолько ли это хорошо, как говорят. «Да и, в конце концов, — думал он, — что у меня осталось в жизни, ради чего стоило бы ее беречь? Ни черта не осталось. Незачем жить».

Для него, человека молодого, весь мир замкнулся на сегодняшней депрессии. Жизнь закончилась, надежды не осталось. Завтра будет новый день, и начнется новая жизнь. Он про это забыл.

Грамотные товарищи подобрали дозу. Игла вошла легко, безболезненно.

«Всего лишь один раз, от него не привыкнешь. Да и что еще делать-то?»

Ожидания оправдались. Стало хорошо и спокойно, снялись все проблемы, вновь вернулась полнота жизни.

* * *

«Что-то меня на природу потянуло» или «Что это тебя на соленькое потянуло?» В этом контексте слово «потянуло» имеет всем понятную и смысловую, и эмоциональную нагрузку. Когда же наркомана потянуло на принятие очередной дозы, то это слово выходит за рамки обыденности. Это означает, что мозги человека сводит судорогой, ни о чем другом думать просто невозможно, ничто другое не интересует. Наркотик, и только наркотик. Любой ценой. На все остальное плевать. Плевать на окружающих, плевать на себя. Эмоциональная окраска слова «потянуло» в этой ситуации близка с переживаниями пойманного в клетку волка, который, желая свободы, крошит свои зубы о железные прутья клетки. Или отгрызает себе лапу, чтобы уйти из капкана на волю. Именно это «потянуло» кидает доведенного до отчаяния заключенного на «запретку», и он виснет на колючке с простреленным затылком. И на соленькое потянуло, и на волю потянуло. Одно слово, но тяга разная.

Колю потянуло. В больнице ему ставили какие-то уколы, которые снимали физическую ломку, и кроме того, в мыслях безраздельно властвовала Наташа. Сейчас накал эмоций поутих, сгладился, и тут же в сознание занырнул герыч. Сразу навалилась депрессия, тело стало ныть, голова раскалываться, а в желудке образовалась ноющая пустота. Но он и не собирался держаться. Возвращаясь из поликлиники после перевязки, Коля заглянул на пятак, где прикупил наркотика. Родители были на работе, никто не мешал, и он, приготовив смесь, воткнул иглу себе в ягодицу. Колоть вены он боялся — Наталья все-таки будущий врач.

Тихонько включил приятную музыку, лег на диван. Минута, две, три... Физическая ломка начала стихать, но кайфа не было. Что такое? Приход начался лишь минут через пять, но, разогнавшись, он все же словил кайф.

Телефонный звонок вывел из приятной сонливой расслабленности.

— Алло... — голос был тягучий, словно человек только что проснулся.

— Привет! Ты спал, что ли?

Звонила Наташа, и Коля сразу же отогнал от себя наркотическое оцепенение.

— Привет, ласточка моя. Ты где?

— Я дома. Уборку закончила, приготовила ужин. Ты придешь?

— Конечно, сейчас соберусь, через полчаса буду.

Вечером Коля позвонил родителям, сказал, что ночевать будет у Наташи. Они не возражали. На следующую ночь он опять не пришел домой.

— Не шляется же ведь, с девушкой, ну и пусть ночует на здоровье. Надоедят друг другу — придет. А нет — так и хорошо, Наташа умная девочка, серьезная, — говорил Михаил Дмитриевич жене. Та соглашалась.

Николай стал приходить домой только во время ночных дежурств Наташи, но вскоре перестал делать и это, полностью переехав к своей подруге.

Наташа жила в однокомнатной квартире, которая досталась ей от бабушки. Будучи студенткой медицинского института, она совмещала учебу с дежурствами в больнице.

— Знаешь, я хочу после института уехать куда-нибудь на Север, в далекий поселок. Буду работать, набираться опыта, потом вернусь уже полноценным врачом.

Вечером они лежали на диване, смотрели телевизор и разговаривали.

— Ты же не бросишь меня одну, поедешь со мной? — и девушка ближе прижималась к плечу мужчины. — Экономисты везде нужны.

— Зачем ехать куда-то, опыта можно и здесь набраться.

— Можно, но мне кажется, что там, где мало врачей, это быстрее и качественней. Просто спросить не у кого, вся надежда на себя. А здесь: столкнулся с проблемой — побежал консультироваться. Так ничему и не научишься.

— Не знаю, Наташа, я не врач.

— Нет, ты только представь. Зима, огромные сугробы, и мы с тобой идем после работы домой. А там тепло, хорошо. И только мы вдвоем. Свою жизнь живем сами, без помощи. Классно же, а?

Коля задумывался. «А что если вправду уехать? Уехать далеко, где нет этих наркоманских друзей, этого скользкого Арефьева. Работать, любить женщину, забыть про героин». Николай уже давно понял, что бросить наркотик ему не удастся. Просто сама жизнь не позволит это сделать. Все здесь слишком просто и знакомо. А если поменять ее, круто поменять, то, может, и получится.

— Да, давай уедем. Ты это здорово придумала.

Молодые люди, вся жизнь еще впереди.

Возвращаясь с работы, Коля заходил на «пятак», встречался с друзьями и закатывал себе герыч в мышцу. На этом пятаке он оставлял все деньги.

Наташа спрашивала его:

— Ты что там, в своей конторе, за «спасибо» работаешь, что ли?

Он мямлил в ответ какую-то несуразицу: да там договоренность, просто опыта набраться, на практике, не за деньгами...

За продуктами он бегал к родителям, приносил картошку, мясо, колбасу. Став мнительным, он вслушивался в разговоры отца с матерью, ловил их взгляды. Ему казалось, что они начали догадываться о рецидиве; «не такой», по его мнению, взгляд заставлял мучиться, рождал желание давать немедленный отпор. Отпор выражался в грубости.

И если Надежда Антоновна еще пребывала в блаженном неведении, то Михаил Дмитриевич все понял. Ему хватило красной «Тойоты», которую он видел в окно подъезда. Надо было принимать меры. И меры должны быть

радикальными. «Наркотика он должен бояться, бояться как огня, бояться даже мысли о нем», — думал Михаил Дмитриевич.

Заблуждение, через которое проходят многие. Наркотик сильнее страха. По крайней мере, страха в обычном понимании этого слова: страха потери близкого и дорогого человека, страха потери работы, страха физической боли и страха смерти. Нет, напугать наркомана, конечно, можно, но страх этот будет сиюминутным, недолгим. Перспективы у него нет. Наркотик вызывает только один страх — страх перед отсутствием наркотика.

Николай шел домой. Свернуть за угол, пройти двор, потом в арку, и будет виден Наташин дом. Перевалившее за полдень солнце отражалось в окнах домов, играло на тонированных стеклах заполонивших двор иномарок. Серебристый «Опель» ничем не выделялся среди десятка других автомобилей, разве что сквозь лобовое стекло можно было разглядеть сидящего за рулем водителя. И рядом, облокотившись на багажник машины, беседовали двое мужчин. Лицо одного показалось смутно знакомым. Поравнявшись с машиной, Коля услышал тихое:

— Эй, братан.

Он чуть замедлил шаг и повернул голову. В этот момент страшный удар в затылок опрокинул его на асфальт. Не давая опомниться, кто-то схватил его за волосы и потащил к открытой задней двери автомобиля. Коля позволял делать с собой что угодно. Натиск, быстрота и физическая жестокость полностью парализовали волю, лишив способности сопротивляться. Его швырнули на пол между передним и задним рядами сидений, больно прижав ботинком голову к резиновому коврику.

— Лежи, не дергайся, щенок. Пикнешь — убью.

Он и не думал дергаться, лежал с широко открытыми глазами, ни о чем не думал. Мысли сковал ужас. Сколько они ехали, Коля не знал — может, час, а может, минуту. С трудом доходил до сознания разговор, который вели между собой мужики.

— Сейчас этого заколбасим, пожрать надо будет.

— Ага, жрать охота, с утра не ел ничего. А этому ноги будем ломать?

— А тебе, я смотрю, понравилось. Кайф ловишь, да? Хватит уродовать. Молотком по башке дашь, и все.

«Что это, бред?! Молотком по башке! Мне? Сон?!»

— Только аккуратней, смотри. В прошлый раз, помнишь, весь устряпался.

— А я откуда знал, что у того черепушка такая слабенькая. Один раз только и врезал, а мозги, будто из гнилого арбуза, во все стороны полетели.

Снизу послышался слабый вой.

— Ты что развылся? Молчать, чума, — слова подкрепились ощутимым пинком. Второй, держащий ботинок на лице Николая, надавил сильнее.

— Заткнись.

Сотрясаясь на ухабах, машина подъехала к месту. Заглох двигатель, открылись двери.

— Ну все, выходи.

Колю опять схватили за волосы и вытащили из машины. Он пытался упираться, ноги волочились по весенней грязи, но мертвая хватка за волосы заставляла его перебирать руками, двигаясь в сторону направления действия силы. Было больно, из глаз лились слезы. Казалось, что сейчас ему оторвут скальп. Не отрежут, а именно оторвут.

— К-куда вы меня?..

Пинком под дых его поставили на ноги, заломили руки за спину и, обвинив их вокруг березы, застегнули наручниками.

— Ну вот, порядок, — здоровый мужик, лицо которого казалось Николаю знакомым, повернулся и посмотрел на напарника: — Тащи. Там, в багажнике.

Третий стоял чуть в стороне и внимательно смотрел на Колю:

— Все, родной, хана тебе, доигрался.

— Что я сделал? За что меня убивать? — в том, что его сейчас убьют, Коля не сомневался. — За что?

— Как это за что? Ну ты даешь! Срать все горазды, а вот жопу за собой вытирать не хотите. Что ты смотришь, а, что смотришь? Колешься? А? Отвечай!

Коля только икнул в знак согласия.

— Ну вот: другие смотрят, пример берут с тебя, дурака, и тоже начинают. Ничего... Всех вас, ублюдков, перемочим, другие подумают сто раз. А то житья от вас, наркош, не стало.

— Так я...

— Что я, что я? Так только с вами и бороться. Один пропал, другой. Чем больше пропадет, тем лучше. Где? А нету. Был и сплыл.

Хлопнула крышка багажника. Совершенно ополоумев, Николай следил за молотком, который мерно, в такт шагам, качался в руках приближающегося человека.

— Давай, начинай.

Молоток переместился из одних рук в другие.

— Нет, нет, не надо, не надо!

— Хорош орать. Давай, глаза закрывай.

С перекошенным ртом, Коля затряс головой.

— Ну, как хочешь, — мужик замахнулся, молоток, рассекая воздух, полетел к голове скованного наручниками человека.

— А-а-а-а... — глаза непроизвольно зажмурились, голова втянулась в плечи. Около уха раздался глухой удар. Одновременно с ним сфинктер мочеиспускательного канала расслабился, и теплая жидкость потекла по ногам.

— Ты что мажешь?

Коля открыл глаза. Молоток оставил внушительную вмятину в стволе дерева рядом с головой.

— Дай-ка мне.

— Не надо, пожалуйста, не надо! У меня, у меня мама, — Коля заикался.

— Чего? Мама у него. Ха-ха-ха, — два мужика заржали, — совсем сбрендил. А у тех, которые на тебя смотрят, нет мамы? Тоже есть.

Мужчина, стоящий в стороне, отвернулся, покачал головой:

— Господи, совсем ребенок...

— Я, я не... не буду-у, пожалуйста, отпустите меня.

— Да ну... Ишь че: «Не буду». Как все просто! Не будешь, да? Ну ладно тогда, не хулигань только больше. Нет, родной, все гораздо сложнее.

Они закурили. Коля плакал.

— Я честно, никогда больше, никогда...

— Да что ты слушаешь? Бей давай, и все дела.

— Не-е-ет...

Страх, который сковывает рассудок, делает ватными ноги и превращает человека в покорно ожидающую своей участи жертву, внезапно прошел. Его место занял инстинкт сохранения жизни. Тело налилось силой, и Коля рванулся. Со всей мощи своего молодого тела рванулся. Браслеты, сдирая кожу, скользнули до ладоней и намертво впились в мясо.

— Р-ы-ы-ы-ы!

— Гляньте!

Что-то изменилось. Внутренним чутьем Коля уловил это изменение и понял, что убивать его не будут.

— Не будешь, значит. Хорошо. Только можно ли тебе верить? А то ведь соврешь, со страха-то.

Коля энергично закивал головой:

— Можно, можно. Я не буду, честно!

Мужчина щелчком запустил окурок, убрал в карман молоток и, глядя на напарников, произнес:

— Ладно, жалко пацана, маленький совсем. — Он перевел взгляд на скованного человека, — а ты здесь останешься, до утра. Будет время подумать. И хорошо думай, чтобы не ошибиться. Вот так. Замерзнешь насмерть или звери голодные сожрут — ну и хрен с тобой. Значит, судьба такая. Выживешь — отпустим.

Судорожно пропихивая в пересохшее горло слюну, Коля видел, как габаритные огни «Опеля» скрываются за поворотом. Мыслей не было. Он тупо, неотрывно смотрел на проселочную дорогу, туда, где последний раз мигнула красная точка стоп-сигнала.

Михаил Дмитриевич ходил вокруг машины, грыз ногти и поминутно курил. Он волновался. Он очень волновался, зная, что сейчас происходит с его сыном. Уговор был напугать, пару раз можно треснуть, для правдоподобия. Но, без членовредительства. Надо было заставить Колю бояться. Страх, как считал его отец, сильное лекарство. Но его грыз червь сомнения. «Правильно ли я сделал, не переборщил ли?» Он закуривал очередную сигарету и всматривался вдаль, туда, откуда должен был появиться «Опель».

«Коленька, сынок, держись», — хотелось плакать, хотелось поехать туда и прекратить все издевательство. Но отец, плотно сжав зубы, терпел. Перед ним стояла цель — спасти своего ребенка, спасти жизнь сына. И ради спасения жизни он был готов пойти на многое. Что может быть ценнее?

Лечение не помогло. Лечение в самой лучшей клинике оказалось бесполезным. От безысходности Михаил Дмитриевич нашел бабку, которая, глядя на фотографию Николая, что-то шептала, переливая воду из одного стакана в другой. Без толку. Кто-то насоветовал пойти на кладбище и, дождавшись свежего покойника, бросить в его могилу землю со специальным заговором. Он сделал и это.

Наконец, сам не понимая — для чего, пришел в милицию. Через знакомых выйдя на одного из руководителей городского УВД, он сидел в дорогом кожаном кресле для посетителей и слушал, как убеленный сединами, солидный человек в полковничьих погонах что-то там жалко мямлит.

— Я понимаю вашу озабоченность, но поймите и вы нас. Законы такие, что сделать?

Михаил Дмитриевич знал, что сделать. Издать нормальные законы. Обычные, человеческие законы, которые позволяют эффективно бороться с наркомафией, защищать общество, ради которого они, собственно, и составляются. Неужели тем людям, которые эти законы издают, на все плевать? Ладно бы если только на свой народ, а то ведь плюют еще и на собственных детей, которые не облада-

ют никаким иммунитетом против наркомании. Никаким! Поймали на торговле наркотиком — реальный срок лет на двадцать или вышка. А еще надо перестать лукавить.

Собрались два соседа по лестничной площадке: как положено, выпили. Потом сходили в магазин, еще выпили и еще выпили. Завязался спор о не имеющей никакого значения ерунде:

— Эх, лето нынче холодное, ни черта на даче не вырастет. Помню, в прошлом году в это время уже огурцы свои ели.

— Да не, путаешь ты. Прошлый год еще холоднее был. У меня ж у жены, Ленки, день рождения, так, помню, дождь был и холодище.

— Ничего я не путаю, точно говорю, прошлое лето было теплее. Я еще постоянно на озеро купаться ездил.

— Я тоже на озеро ездил, только купаться было невозможно — вода ледяная. Говорю, путаешь. Вот позапрошлый год, там — да.

— Да я тебе точно говорю. Это ты сам путаешь.

— Нет, у меня память в порядке.

— Ты считаешь, что у меня не в порядке? Лучше свою проверь.

— Мне не надо ничего проверять, а тебе надо. Иди и проверь.

— Да пошел ты...

— Сам туда иди, понял?

И так далее. Очень скоро словесные аргументы закончились, в ход пошли кулаки. Один схватил, что под руку подвернулось, и дал второму в живот. А под руку подвернулся кухонный нож, которым десять минут назад резали докторскую колбасу. Мужичок протрезвел, понял, что натворил, и в петлю полез. С петли чудом сняли — и в тюрьму. Убийство, срок — двенадцать лет. А как же?

Один мальчик от передозировки наркотика умер, второй, третий; девочка героином насмерть отравилась — так и пролежала, скорчившись, всю ночь на улице, пока утром катафалк тело не забрал. В месяц человек по семь от передоза умирало. Но вот приехали, наркоточку закрыли, хо-

зьяйку арестовали. Наконец-то, сейчас по всей строгости. Справедливый судья, держа перед собой раскрытую папку, зачитал приговор: именем Российской Федерации приговорить... к семи годам лишения свободы... условно. Семь лет условно! Что это? Так ведь она и не убила никого, не таилась в темном переулке, подкарауливая жертву. Не было такого. А то, что люди гибнут, так сами виноваты. А она просто торгует. Торгует смертью. И еще, по решению суда вернуть изъятые при обыске и аресте у молодой, нигде официально не работающей гражданки вещественные доказательства: триста тысяч долларов, с десятков килограммов золота в изделиях. Вот так!

Выходя из зала суда без наручников и без сопровождения приставов, преступница столкнулась с изумленными операми отдела по борьбе с наркотиками, которые вели по ней разработку. Со снисходительной улыбкой победительницы она спросила:

— Ну и чего вы добились? А? Вы что, не понимаете, что всем наплевать? Наплевать! А вам что, больше всех надо? Я ж вам предлагала по годовой зарплате. Каждому! По годовой! Лохи вы, полные лохи.

Глядя вслед уходящей женщине, опера задумались. «А может, мы и правда лохи, — зашевелились в голове неприятные мысли, — раз всем плевать, раз суды отпускают отъявленных наркобарыг, нам-то что, больше всех надо? Работаешь, ведешь их, хватаешь, и раз — дуля. Условно! И наркоточка торгует дальше». С испорченным настроением они разошлись по домам, чтобы вечером осадить обиду и раздражение хорошей рюмкой водки. Все бесполезно.

Однако в этом конкретном случае привычная для страны ситуация с осуждением наркопреступников несколько изменилась: где-то через месяц после оглашения приговора двухэтажный особняк из калиброванного бревна, с коваными решетками на окнах, из задней двери которого велась наркоторговля, сгорел. Сотрудники пожарной службы, разбирая завал, обнаружили обгоревший труп женщины — хозяйки дома.

Местный участковый получил информацию о том, что озверевшие от разгулявшегося криминального беспредела соседи устроили суд Линча. Он уже собрался было отрабатывать эту версию, но лаконичное заключение пожарных экспертов устроило всех: не соответствующий требованиям пожарной безопасности монтаж узлов электрического кабеля при перепаде напряжения в сети привел к короткому замыканию.

А валявшийся на пепелище обренок трубы, который неплохо подходил для того, чтобы подпереть им снаружи стальную входную дверь, участковый сам выбросил на дальний конец участка. Так, на всякий случай, чтобы глаза не мозолил.

Примерно такая же информация дошла и до оперов ОБ-НОНа. Встретившись, они крепко пожали друг другу руки. Оба улыбались. Нет, не всем все равно, далеко не всем.

Эти свои мысли Михаил Дмитриевич нигде не озвучивал, понимая, что родились они от бессилия, от безысходности. Один раз, в разговоре со случайным человеком в длинном кожаном пальто и шапке из голубой норки, он высказался на эту тему, на что получил нравоучительный ответ:

— Вы, видимо, плохо обдумали ситуацию, ха-ха-ха, все не так просто, как вам кажется. Нельзя использовать дикие методы в цивилизованном обществе. Тем более, как я полагаю, вы несколько утрируете, не все на самом деле так страшно. А наркоманы сами виноваты, знаете ли. Отработанный материал. Это и есть естественный отбор, только видоизмененный в соответствии с прогрессом, с цивилизацией.

Слушавшему эту ахинею Михаилу Дмитриевичу казалось, что он вдруг стал великовозрастным олигофреном с развитием пятилетнего ребенка. А умный, понимающий всю бесперспективность занятий с дебилом отец все-таки, ради исполнения долга, ласковым и снисходительным голосом вещает о вредности ковыряния пальцем в носу. По крайней мере, интонация его собеседника была такой.

Михаил Дмитриевич знал страны, где из-за сильных законов, сильного полицейского аппарата и смертной казни нет наркотиков и нет наркомафии. И плевать этим странам на цивилизацию, хотя они-то как раз и есть «высокоцивилизованные». Арабские Эмираты, например. Мы же цивилизованностью прикрываем беспомощность и повсеместную продажность.

А представить собственного сына «отработанным материалом» он тем более не мог. С трудом сдерживая себя, сказал:

— Вам стоит позавидовать. Видимо, вы далеки от проблемы наркомании. Но смею уверить, что — не дай, конечно, Бог — если эта проблема коснется вас, то ваша точка зрения быстро изменится. Вы на ней камня на камне не оставите. А что касается преувеличения, то советую сходить в больницы, где наркоманов безуспешно лечат. Это вас несколько отрезвит. Там как раз вами любимое цивилизованное общество и увидите. Во всей, так сказать, красе.

Разговор его разозлил. Неужели необходимо поголовно оскотиниться, грабить, воровать, жрать до умопомрачения водку, скальваться наркотиками, чтобы считаться цивилизованными? Да на черта нужна такая цивилизация? Выражение «убью, сволочь» стало столь же обыденным, как, скажем, «который час». Оно уже никого не пугает и уж тем более не удивляет. Общество заразилось болезнью тотального оглушения и плодит себе подобных кретинов: шестнадцатилетний мальчик с друзьями пришел к бабушке, убил ее, чтобы украсть старый телевизор, продать, купить водки и нажраться. И об этом говорится так, вскользь, и тут же забывается.

Когда Горбачев начал борьбу с пьянством, средняя продолжительность жизни в стране увеличилась на семь лет. Всего-навсего: ограничения по продаже спиртного за короткий период времени увеличили жизнь человека на семь лет.

Правда, это не соответствовало начавшемуся в государстве курсу демократических перемен. «Как же так? — во

всю глотку вопили «демократы» с красными рожами хронических алкоголиков, — почему это я не могу выпить с утра? Это ущемляет мои гражданские права!»

Под демократией понималась возможность говорить все, что хочется, и делать все, что хочется, а Союз уже штормило из стороны в сторону, поэтому крикуны и не сгнули бесследно за глухими заборами лагерей. Наоборот, в свете демократических перемен их допустили до власти, позволили выбираться в депутаты различных уровней. Часть из них, думая, что знает, что делать, на самом деле лишь догадывалась об этом. В результате началась волна всевозможных социально-экономических опытов над живыми людьми. Тотальное обнищание основной части населения страны показало, что догадки оказались неверными. Демократических крикунов немного сместили, отодвинули с наиболее публичных должностей, оставляя при этом на ключевых постах экономики государства.

Некоторые, отстаивая демократические свободы, устраивали драки в здании Государственной Думы, самозабвенно били рыхлые лица народных избранников, перед камерами центральных телевизионных каналов обливались шампанским, кидались журналами, «сливали» друг на друга компромат, парились в саунах, ездили на заграничные курорты и делали еще много интересных, очень смешных и, главное, важных для выдвинувшего их электората и для страны в целом вещей.

Остальные же — наибольшая часть горлопанов — вообще ничего не умели, свое мнение открыто и убедительно выражали только на митингах, где, кроме разговоров о светлом будущем, ничего делать не надо и, соответственно, нести какую-либо ответственность тоже не надо. На них — сперва неуверенно, затем открыто — стали выходить представители различных деловых и криминальных групп. Их вялые моральные устои пошатнулись, неокрепшая психика не устояла перед открывшимися перспективами, чувство справедливости куда-то исчезло, и они открыто, не таясь, стали рубить бабло, продвигая криминальные интересы в

законодательные акты государства. Идеи о равенстве возможностей, справедливости и благополучии, которые эти люди смаковали на митингах, забылись, остались в прошлой, еще не обеспеченной жизни.

Да и вообще, пьяным народом управлять легче. Какие, к чертям, демонстрации? Выставить ящик водки — недовольные упьются, забудут, для чего собирались, и полезут брататься. Или, по исконно русской традиции, кто-нибудь вмажет кулаком в морду соседа — и тогда можно со спокойной совестью, не нарушая принципов демократии, вызывать ОМОН и разгонять толпу по домам.

В результате страна получила то, что получила.

Спустя год после разговора с Михаилом Дмитриевичем человек в кожаном пальто и шапке из голубой норки будет возвращаться домой с работы. В семь часов вечера. Возле подъезда его встретят два молодых человека с мрачными глазами и тяжелыми, словно опухшими веками. Не говоря ни слова, они ударят его палкой по голове, залезут в карман злополучного пальто и вытащат бумажник. Никуда особо не торопясь, злодеи станут уходить с места преступления, попутно изучая содержимое бумажника. В нем окажется всего четыреста рублей. Это катастрофически мало.

— Ну и гадина, — скажет один.

— Сволочь просто, — согласится другой.

Они вернутся. Вернутся, чтобы отомстить человеку, который носит в своем бумажнике так мало своих денег. Они станут бить его, лежащего, палкой до тех пор, пока не устанут сами. Человека со сломанными ребрами и вдавленной в мозг височной костью доставят в реанимацию. После нескольких операций он чудом останется жить.

Цивилизация, одним словом.

— Мы возьмем наркопритон, — продолжал полковник, — через час приедет адвокат, а завтра эта точка опять работает. Вы поймите, только суточный оборот от торговли героином в нашем городе — больше миллиона. Кто от таких денег откажется?

Михаил Дмитриевич понимать это не хотел и, попросившись, ушел.

Все без толку.

Рядом остановился «Опель», принадлежащий службе безопасности компании, в которой он работал.

— Ну, что?

— Все нормально. Дали пару раз по шее, ничего. Но напуган достаточно. Думаю, в ближайшее время будет бояться. Ну и пакостное же дело вы придумали, Михаил Дмитриевич. Жалко ребенка: плачет, боится.

— А вы думаете, мне не жалко? А что делать, что делать-то? Кто-нибудь знает, может, меня научит. Сам весь извелся, пока вас ждал. Ладно, давайте за ним, хватит.

Немногим больше года назад его сына так же увозили на машине за город. Милиция. Методы одинаковые, только цели разные: те пытались заставить работать на себя, отец же хотел спасти.

Но про тот, первый случай, Михаил Дмитриевич, разумеется, не знал.

«Опель» приехал через час.

— Ну что, подумал?

Николай кивнул. Ему расстегнули наручники, подвели к машине.

— Садись.

До города добирались в молчании.

— Ты все понял, да? Запомни, еще раз увидим тебя — конец. Больше не будет ни разговоров, ни предупреждений. Молотком по башке, и... Ну, сам понимаешь. Короче, больше советую нам не попадаться. Все, пошел вон из машины.

Опустив голову и сдерживая рвущиеся наружу слезы, он брел к Наташе. Душу переполняла обида. «За что меня так, за что?» До сих пор перед глазами стояла страшная картина: летящий в голову молоток и свист, окончившийся глухим ударом. Непроизвольно задержав дыхание, он миновал то место, где днем стоял серебристый «Опель».

«Нажраться бы, — пришла в голову отвлекающая мысль, — нажраться и забыть, все забыть». Самое лучшее сейчас — вмазаться, кайф по полной словить. Но идти на «пятак» было страшно. Да и денег не было ни копейки.

Не доходя несколько метров до подъезда, он вдруг развернулся, обогнул дом с другой стороны и вышел к гаражам. Тусклая лампочка освещала разбросанный кирпич, небольшую кучу песка, носилки с застывшим на них толстым слоем раствора. Здесь же, положив доску на составленные кирпичи, сидели два строителя: то ли узбеки, то ли таджики, то ли еще кто-то оттуда же. Душевная обида, злость на весь мир и желание отвлечься создали настроение, которое люди привыкли называть «все пофиг». Коля вышел на свет.

— Мужики, выпить есть?

Те подняли головы и уставились на появившегося из темноты человека. На лицах застыла глуповатая улыбка, перерастающая в скованную гримасу, — оба понимали, что поздно вечером просто так подобных вопросов не задают. Особенно в России.

— Не, — один слабенко замотал головой, второй же как-то чересчур резко попытался встать. Реагируя на лишнее движение, Коля перенес вес тела на левую ногу и с ходу ударил правой по плечу строителя, который повалился на бок. Второй тоже соскочил, но тут же получил кулаком в лицо.

— Сидеть, мужики, — нависая над строителем, Коля зашипел ему в лицо, — столярник давай. И без дерганий, прибью.

Словно отмахивающийся от мух баран, джигит затряс головой, лихорадочно шаря по карманам.

В ближайшем ларьке Николай купил бутылку самой дешевой водки и минералки. Осталось три рубля.

— А одноразовые стаканы есть? Дайте три.

Строители встретили его возвращение угрюмым молчанием.

— Не обижайтесь, мужики. Настроение хреновое, выпить надо было. Садитесь, что стоите.

Он наполнил свой стакан, остальное разлил в два оставшихся.

— Берите.

Вкуса не чувствовалось, спиртное прошло, словно вода. Постепенно напряжение отпускало, Коля расслабился, эмоции стихли. Удерживаемая нервозностью обида и жалость тут же заполнили душу. Он заплакал. Закрыв лицо руками, он не пытался сдерживать рыдания.

— Эй, ты чего?

В ответ он только медленно покачал головой.

Стакан водки на голодный желудок для ослабленно-го наркотиком и стрессом организма — слишком ударная доза. Грязными руками размазывая слезы по щекам, Коля брел к Наташе. У нее сегодня было ночное дежурство, которое избавило ее от зрелища распухших от слез глаз и влажных, дурно пахнущих штанов любимого человека. Наспех выстирав брюки и умывшись, Николай лег спать.

* * *

В мире все развивается по спирали. Стоять на месте нельзя — или, по крайней мере, это не получается. Говорят, где-то есть люди, которые могут годами ставить себе одну и ту же дозу героина. Притом раз в месяц. Но в реальной жизни такие люди почему-то не встречаются. Сегодня одна, завтра две, послезавтра три дозы. Виток прошел, и человек окончательно скололся.

В ситуации совершенствования человека требуется много работать, думать и учиться. Спираль развития очень сложна. Остаться на месте означает регресс.

И наоборот, в ситуации деградации думать, работать и учиться абсолютно не надо. Все происходит быстро и легко. Видимо, потому, что в первом случае надо подниматься по спирали, во втором же — опускаться.

И несмотря на то, что человек деградирует, развитие определенного процесса все равно происходит. Спираль развития праздности, спираль развития предательства, алкоголизма и наркомании.

Николай перестал ходить на работу. Без объяснения причин — просто перестал, и все. Рабочее время он проводил на хате, где, ставя себе героин, практически не выныривал из наркотического кайфа.

Директор фирмы, справедливо полагавший, что так не делается, набрал домашний номер Ермаковых. Трубку взяла Надежда Антоновна.

— Алло, Надя, привет. Зинчук.

— А-а, здравствуй Юра.

— Как у вас, все нормально?

— Да, слава Богу. У тебя что? Как Галина?

— Да ей-то что сделается? Дома сидит, деньги мои тратит. То косметический кабинет, то тренажер, то солярий. Сейчас английский взялась учить зачем-то. В общем, от скуки на все руки.

— А работать не хочет?

— Да почему не хочет? Только где? Институт ваш сократили давно, наука никому не нужна. Не продавцом же идти в ларек. Это тебе повезло, вовремя подсуетилась с работой. Ну ладно. Муж-то дома?

— Нет, не подошел еще. Я скажу, что ты звонил.

— А что, Коля болеет, что ли? А то пропал — ни слуху ни духу, сообщил бы хоть.

Надежда Антоновна испугалась:

— Как пропал? Куда пропал?

— На работу неделю уже не выходит.

Телефонная трубка стала невероятно тяжелой, от головы мгновенно отхлынула кровь, побелело в глазах.

— К-как? О Боже, как — не выходит?

Пришедший домой Михаил Дмитриевич застал жену бледной, в полуобморочном состоянии. Взволнованно спросил:

— Что случилось?

Она протянула к нему ослабевшие руки и, дождавшись, когда он сядет рядом на диван, сказала:

— Миша, — слезы хлынули из глаз, мешая говорить, — Миша, звонил Юра. Наш сын не ходит на работу. Это наркотики, Миша, это конец.

Он прижал ее к себе, нежно погладил голову. Пришло желание немедленно что-то делать. Еще бы знать — что?

Хоть и говорят, что все тайное становится явным, все же единичный случай можно сохранить в секрете. Но не систему. Рано или поздно она обязательно вынырнет наружу, именно в тот момент, когда это меньше всего ждешь.

Наташа торопливо, втянув голову в плечи, чтобы максимально спрятаться от дождя, шла домой. Хирургию отменили, следующая пара будет в городской больнице, которая видна из окон ее квартиры. Совсем рядом. Поэтому она решила забежать домой, взять зонтик. Открывая дверь, заметила горящий в комнате свет. «Странно, забыли выключить, что ли?» Взгляд скользнул по стене в прихожей — на вешалке висела черная кожаная куртка. «Коля дома, почему-то не пошел на работу». У нее поднялось настроение. Оно всегда поднималось, когда любимый человек был рядом. Дверь в ванную была приоткрыта, слышался шум льющейся воды. С улыбкой девушка заглянула в щель.

Коля, облокотившись на край ванны, с сосредоточенным и перекошенным лицом, которое она видела в профиль, ставил себе в ягодицу укол. Рядом лежала черная от копоти столовая ложка.

— Коля? — Наташа еще ничего не поняла. Просто удивилась, что за укол он себе ставит.

Сказанное слово произвело эффект разорвавшейся бомбы. Коля чрезвычайно резко и оттого нелепо развернулся, отбрасывая шприц в угол ванны и натягивая штаны. Испуганные глаза тут же стали виноватыми.

— Наташа, ты почему пришла? Я... я... Наташа, только один раз, больше не буду.

— Что не будешь? А-а-а, — глаза у девушки округлились, она начала понимать, — это наркотик. Коля! Это наркотик.

— Наташа, прости, Наташа...

— Как ты можешь? — она не знала, что говорить; мысли путались, мешали друг другу. — Ах, Коля...

Наконец она нашлась. Самое правильное, самое верное и чисто женское. Наташа заплакала. Коле тоже хотелось плакать, хотелось выть, но он лишь бесконечно повторял одно и то же:

— Наташа, прости, Наташа...

Зазвонил телефон. Девушка протянула руку, сняла трубку и, стараясь говорить нормальным голосом, произнесла:

— Да. Алло.

— Наташа, это Михаил Дмитриевич. Мне надо с тобой срочно встретиться, разговор есть серьезный. Я заеду минут через десять, ты собирайся, выходи на улицу. Сможешь?

Закрывшись в ванной комнате, она набирала в ладошки горячую воду и прикладывала ее к глазам, чтобы снять вызванную слезами отечность век. Рядом валялась черная от копоти столовая ложка.

Коля молча сидел на диване. Героиновый кайф был смазан, но все же некоторое расслабление он получил. Испуг прошел, его место заняла уверенность в благополучном исходе, вера в собственные неиссякаемые силы. В общем-то, все не так уж и плохо.

Хлопнула входная дверь, Наташа ушла. Что-то заставило Николая выглянуть в окно. Перед подъездом стояла знакомая машина, в которую и села девушка.

«Черт. Отец приехал. Зачем это, интересно? А Наташка сейчас все и расскажет, под впечатлением, и он опять запрет меня дома. Надо срочно сваливать».

Коля стал лихорадочно собираться.

— Здесь бар недалеко, зайдём, кофе выпьем?

Михаил Дмитриевич выглядел озабоченным.

— Ты как, не торопишься? Найдется время?

Наташа кивнула. Ей было все равно, про учебу она сейчас не думала. Она вообще ни о чем не думала. Молча уставившись вперед, девушка отходила от пережитого потрясения.

Машина остановилась. Михаил Дмитриевич открыл пассажирскую дверь, помог ей выйти.

Кафе недавно открылось, посетителей еще не было. Они выбрали столик в углу помещения, заказали кофе.

— Нет, без молока. Просто два черных и сахар, пожалуйста, отдельно.

Дождаясь заказа, мужчина закурил сигарету.

— Наташа, я вот что хотел тебе сказать... — Михаил Дмитриевич замолчал. Оказалось, что сказать это не так просто. А еще ему стало стыдно перед девушкой. — Тут, видишь... Дело в том, что...

Наталья подняла голову, прямо посмотрела в глаза мужчине.

— Коля — наркоман, да? Вы это хотели мне сказать, Михаил Дмитриевич? Я все знаю.

— И давно ты знаешь? — он был удивлен. Как же так? Неужели они заодно?

Наташа уловила изменения в тональности и догадалась, о чем он подумал.

— Сегодня. Я узнала сегодня, за несколько минут до вашего звонка. Пришла домой, а он там себе укол ставит.

Девушка растерянным взглядом смотрела куда-то вдаль и медленно качала головой. Воспоминания давались ей нелегко.

Официантка принесла поднос, разместила на столе кофейник, чашечки, сахарницу.

— Приятного аппетита, — она ушла.

Наташа снова взглянула на Михаила Дмитриевича:

— Дайте сигарету.

Он протянул ей открытую пачку.

— И закажите мне водки.

— Мы узнали об этом год назад, — Михаил Дмитриевич дождался, пока Наташа выпьет маленькую рюмку водки, — ездили в Москву, на лечение. Казалось, что он бросил. Первое время он действительно не кололся, весь смурной ходил. Снова начал не так давно, работу забросил.

Михаил Дмитриевич рассказывал, а сам думал: забрать ли сына домой, чтобы контролировать, или не надо. Как сделать правильной?

— Я для чего тебя пригласил? Наркотик — это сильная штука. Он человеку все заменяет, все. Нас Коля не послушается. Конечно, можно дальше лечить, но толку — сама видишь. Пока он не поймет, пока он не осознает и не откажется — все впустую. Нужен мощный стимул. Наташа, он тебя любит, поговори с ним; может быть, ради тебя он сможет перебороть наркотик. А? Поговори, хорошо?

— А вы думаете, он не понимает, что такое наркотик?

— Не знаю... Я помню, как он переживал, искренне боролся, хотел бросить. Но что-то случилось, и он начал опять. Я просто не знаю, что делать? Я не вижу выхода. Господи, как бы с ним мозгами поменяться.

Михаил Дмитриевич так и не решил — забирать домой сына или оставить у Натальи.

— Ты его выгонишь?

Девушка покачала головой:

— Я ведь люблю его. Как без него мне жить?

«Нет, забирать не буду, — решил он, — пусть останется у нее».

Коля, спрятавшись в кустах, внимательно следил за двором. Отец мог привезти Наташу в любой момент, и на глаза ему попадаться нельзя. Иначе запрет в квартире. Но скоро должен подъехать Коста, с которым он еще вчера договорился о встрече. «Что же делать? Не дай Бог, они встретятся». Можно было бы выйти на улицу и встречать Косту там, но с какой стороны он приедет, никто не знает. Упустить его тоже нельзя: вчера Коля отдал ему последнюю пятихатку, и тот должен привезти чеки. Упустишь его сейчас — где потом искать? А ведь скоро ломать начнет. «Нет, — думал он, выглядывая из кустов, — выцеплять его надо сейчас. Кровь из носу!»

Наконец во двор въехала красная «Тойота», остановилась недалеко от подъезда, два раза посигналила. Со вздохом облегчения Коля выпрямился и сделал шаг по направлению к машине. В этот момент с другой стороны двора медленно вкатился отцовский автомобиль. Николай присел

обратно, интуитивно зажмурил глаза. Казалось, сердце готово вылететь из груди.

Михаил Дмитриевич остановил «Волгу» напротив подъезда.

— Иди, Наташа, помни нашу договоренность.

Дождавшись, пока девушка скроется в подъезде, он вышел из машины и направился к «Тойоте». Внутри все клокотало.

— Ты что, сучонок, здесь делаешь?

— Жду Колю, — наглая харя со злорадной улыбочкой едва просматривалась за тонированным стеклом.

— Ну-ка, выходи, — Михаил Дмитриевич схватился за ручку, пытаясь открыть изнутри заблокированную дверь. Ничего не вышло. От досады он стукнул кулаком по крыше автомобиля. — Выходи, я сказал, поговорим. Да не бойся, просто поговорим.

«Тойота» резко сорвалась с места, чуть не наехав ему на ногу.

— А ну стой!

Михаил Дмитриевич схватил валяющийся камень, кинул в сторону удаляющейся машины. Камень попал в задний бампер, оставив легкую царапину. «Тойота» остановилась. Негодяй вышел, рассмотрел царапину, повернул в сторону мужчины бесцветные глаза.

— Отстань от моего сына... — начал Михаил Дмитриевич.

— Слышь, ты, мужик. Да твоему сыну конец, понял? — расстояние между ними было около десяти метров, поэтому Коста мог говорить безбоязненно. — Он и так уже сидит, и спрыгнуть я ему не дам. Буду бесплатно давать дозу, пока он окончательно не сколется, понял? У меня сейчас для него пять чеков, будут и еще. Не успокоюсь, пока из него нарка конченного не сделаю.

И сел в машину, мерзавец.

В груди Михаила Дмитриевича вырос острый шип, сердце сдавило, руки мгновенно отнялись. Глаза застлала белая пелена, сквозь которую он видел, как перед выездом

из двора из кустов выбежала до боли знакомая фигура и запрыгнула в притормозивший автомобиль.

— Коля, Коленька, сынок, вернись! Вернись, сынок! — прохрипел он пересохшим горлом. Но его никто не слышал.

* * *

Человек стоял посреди поля и приглашающе махал руками: «Иди сюда, иди». Сергей делал несколько шагов, но расстояние между ними не сокращалось. «Ну, что же ты? Пойдем со мной». — «Кто ты?» Лица человека видно не было, лишь голос — ржаво-визгливый. «Пойдем, пойдем вместе, — человек вдруг расхохотался, — пойдем, ха-ха-ха, пойдем...» Кругом было поле. Безграничное поле.

Сергей открыл глаза, сел на кровати. Сон встревожил. Беспокойно озираясь, он шептал:

— Кто зовет меня? Кому я нужен?

Вытянув ноги, чтобы немного снять ломоту в коленях, он вновь укрылся одеялом. «А может, это смерть подбирается ко мне? Может, она зовет с собой?» Сергей пытался себе представить, как там — на том свете. В голову ничего не приходило, кроме изображения среза глинистой земли с капельками просочившейся воды. Бр-р-р. Он перевернулся на другой бок и тут же скривился от боли. «Наверное, сломаны ребра. Суки!»

Вчера его опять били. Двое парней в камуфляже и с дубинками наперевес завели в комнатушку, принадлежащую охране рынка, усадили на стул.

— Давай разбираться. Ты кто? Только не ври.

Покаянный рассказ занял минуты три. Кто он, откуда... Сергей и не врал, отвечал честно.

— Ну и на черта тебе понадобился калькулятор? Дебил, что ли?

Он утвердительно кивнул. Действительно, дебил, как еще можно назвать эту дурость? Чем можно объяснить это паническое, затмевающее разум желание вмазаться? Уколоться любой ценой. На все остальное — плевать. Он выхватил калькулятор из рук продавщицы конфет и кинулся к выходу. Зажимая в руках драгоценный предмет, который

можно двинуть где-нибудь на заправке за сотню деревянных, он, распахивая покупателей, налетел на стоявшего в дверях охранника.

Допросив задержанного, секьюрити, дабы избавиться от лишней возни, надавали ему пенделей и вывели за территорию охраняемого объекта:

— Больше здесь не показывайся. Покалечим.

Спустя некоторое время он стащил-таки почти новый автомобильный фал из открытого багажника «шестерки», наивный владелец которой на секунду отвлекся. Унося ноги от матерящегося хозяина, он петлял по закоулкам дворов, при этом испытывая душевное облегчение. На два часа проблема с дозой была решена.

Потребности в наркотике постоянно росли. В день ему требовалось не менее семи чеков, что в денежном эквиваленте составляет семьсот рублей. И ежедневно эту сумму надо где-то брать. Иначе невозможно, иначе просто сдохнешь.

У него появились новые «друзья» из деревянного барака рабочей окраины города, где он постоянно тусил. Вместе они воровали, вместе бодяжили какую-то шнягу и кололись. Кругом грязь, устоявшаяся затхлая вонь мочи, перемешанная со специфическим запахом продуктов пищеварения, и беспросветная серость. Полная антисанитария. Одна «струна» ходила по кругу, «центряк» уже давно был забит, поэтому не думающие уже ни о чем балбесы искали кровотоки в паху, на шее. «Открыл пах — открыл крышку гроба», — говорили они, понимая, что это конец. Последнее, после чего только смерть.

Тело начало сковывать судорогами. Сводило даже пальцы на руках. Дожидаясь рассвета, Сергей сжимал и разжимал кулаки, пытаясь не думать о ноющей боли в животе. В семь часов утра он, наспех умывшись, напялил разношенные кроссовки и вышел на улицу. Необходимо достать денег, чтобы уколотся. Сегодня они решили подкарауливать уличных проституток и отбирать деньги.

Впереди маячил новый день, который надо было как-то прожить.

На Кавказе есть старинный обычай. Воду после обмывания новорожденного мальчика выносят за ворота и выливают на улицу. Потому что это будущий мужчина, воин, добытчик. Его участь — приносить в дом пищу. Если же родилась девочка, то воду за порог не выносят, она выливается там же, где и обмывается ребенок. То есть в доме — там, где будущей женщине предстоит провести основную часть своей жизни. Таков обычай, таково воспитание этих людей. Со стороны женской половины кавказского населения редко слышны призывы к борьбе женщин за равные права с мужчинами. Каждый занимается своим делом, неся на плечах отведенную ему природой часть забот. И не надрываются там глотки в поисках ответа на не требующий никакого ответа вопрос «кто виноват?». То ли мужики своей нерешительностью и никчемностью довели женщин до необходимости все делать самим, то ли наоборот — женщины «влезанием в дела сильного пола» заставили мужиков комплексовать и постепенно давать слабину.

Казалось бы, чего спорить? Хочешь заниматься бизнесом, политикой, еще чем-то — да ради Бога! Делай, если получится. Но нет: дебаты разгораются, причем в усердии своем ярые феминистки не видят границ.

В одном из штатов США заключенным женского пола было сделано послабление: на них, в отличие от мужчин, не надевали кандалы. Мужеподобные тетки, то ли от психической убогости, то ли потакая больному самолюбию, с остервенелым фанатизмом добивались равного содержания мужчин и женщин в вышеуказанной колонии. В результате тонкие женские ножки сковали кандалами. Добившиеся победы тетки искренне радовались своему успеху. Вряд ли американские зэчки, глядя на свои изуродованные ноги и кровоточащие раны, разделяли эту радость.

А те, разглагольствуя о равноправии и женской солидарности, продолжают бороться за свои права.

Борьба борьбой, но когда вопрос встает ребром, когда проблема требует крутых, острых решений и когда реали-

зация этих решений влечет серьезную ответственность и душевные муки — пустые разговоры отменяются. Женщины, прикусив язык и потупив взор, уходят в сторону, предоставляя свободу действий мужчине. Мужу, защитнику, воину, охотнику. Он должен взвалить на свои плечи бремя принятия решения, он должен потом отвечать за них перед людьми и Богом. Вся болтовня об эмансипации забывается, остается одно — простое, понятное и вечное: иди, мужчина, защищай свою женщину, своих детей.

Конечно, не всегда. Зачастую женщине просто не на кого опереться: или мужчины нет, или есть, но такой, что вроде как и нет. Но речь-то идет о мужчине, защитнике и воине, а не о кобелирующих особях, скрывающихся от собственных детей. Они имеют такое же отношение к понятию «мужчина», как, скажем, пресловутый «Запорожец» к автомобилю. Вроде есть четыре колеса, двигатель, руль, но... Впрочем, если недалеко ехать, то и он сойдет. Так, на время.

Коста покусился на самое святое. На основу основ. Он угрожал безопасности семьи. «Не успокоюсь, пока нарка конченого из него не сделаю». Из Коли, из сына. Зря он так сказал. Просто не оставил выбора.

Михаил Дмитриевич, напрягшись, сидел в водительском кресле и наблюдал, как медленно, неуловимо для взгляда исчезает за горой красное вечернее солнце. Достал из пачки последнюю сигарету, закурил.

Выбора действительно не было. Колю надо спасать любой ценой. Мужчина, глава семьи, он должен обезопасить своих близких. Решение еще не было озвучено, но он уже успокоился, как человек, который знает, что надо делать. Где-то в мозгах родился ответ, но сформулировать его, придать ему словесную форму, облачить в звуки было ой как нелегко. Муж, отец, он отмахнулся от слабости. Арефьев объявил войну, скоро начнется бой, и сантиментам здесь не место. Мерзавец должен исчезнуть. Надо сделать так, чтобы никогда больше Коста не встречался с Николаем. Как это сделать? Ясно.

Официальный, законный путь Михаил Дмитриевич даже не рассматривал.

Вернувшись домой, нашел старую записную книжку. Листая пожелтевшие страницы, он всматривался в знакомые фамилии, вспоминал людей, которых не видел много лет. Секуш Генка — друг, одноклассник. Эх, сколько лет. Сейчас в Израиле. Ленка Демченко. Рыжеволосая бестия. Когда-то они встречались. Давно, где-то в другой жизни, когда грозы были теплыми, а зимы снежными. А самой большой проблемой были билеты на вечерний сеанс в кино. Вот было времечко, беззаботное. Воспоминание о беззаботной юности вернуло к сегодняшним проблемам. Яркий контраст с нынешней заботой помог окончательно сформировать решение. «Да. Иначе нельзя. Нет выбора».

Наконец необходимая фамилия была найдена. Рядом стоял номер телефона. «Только бы номер не изменился», — думал он, нажимая кнопки аппарата. Трубку сняли после третьего гудка.

— Слушаю.

Знакомый голос старого армейского друга. Они вместе ходили в наряды, вместе воровали деревенских кур, вместе потом сидели на «губе». Земляки, они вместе держались и сложности военного быта делили на двоих. Поровну.

— Леня, это Миша Ермаков. Не забыл еще?

С минуту в трубке стояла тишина. Бывший авторитет новой волны, а ныне уважаемый член правления крупного банка, депутат городской думы размышлял, что же могло понадобиться армейскому другу. Наконец, трубка ожила громовым голосом:

— Ермак! Здорово, дружище! Ну ты даешь! Кого угодно, но тебя никак не ожидал услышать!

Леонид говорил возбужденно, не скрывая радости, и Михаилу Дмитриевичу казалось, что эта радость искренняя.

— Ну, как дела-то, что молчишь? Слушай, Миша: так здорово, что ты позвонил. Поговорить по душам не с кем.

А? Ермак, давай встретимся, выпьем, вспомним боевую молодость.

— Я за этим и звоню. Когда и где тебе удобно?

Михаил Дмитриевич перевел дух. Неизвестно, что может стать с человеком после должностей и денег.

— Та-ак, — депутат городской думы и член правления коммерческого банка зашелестел листами ежедневника. — Здесь... ага, в четыре... так. Вот. Давай завтра, часов в семь. Ты как, свободен? Ну и отлично. Подъедешь, да? Все, до встречи, рад был слышать.

* * *

Коля слонялся. Кайф отходил. Грязная, промозглая, неуютная реальность выжимала психику, погружая человека в неизбежную депрессию. Скоро надо будет вмазаться. Он опустил руку в карман, нащупал сложенные бумажные пакетики. Осязание их принесло облегчение. Недолгое. Воздухом сыт не будешь. Но прежде чем ширяться, необходимо придумать, что делать дальше. Домой идти нельзя. Запрут под замок — и все, конец. «Может, к Наташке?» Зародившаяся было мысль тут же умерла. «Исключено, к ней не пойду». Чувство, которое осталось от той, прежней жизни, заставило его опустить голову. Коля моргнул. По щекам из покрасневших глаз покатались слезы. Чувство называлось стыдом.

«Вот так, — думал он, — загнал себя в тупик. Как теперь из него выбираться?» Из всего предложения почему-то зацепилось слово «тупик». Возбужденное воображение тут же нарисовало картину мрачного подземелья: узкую дорожку, оканчивающуюся глухой стеной. Кругом мрак и сырость. И с боков стены, и сзади стена. Тупик, капкан, склеп. Слово «склеп» вызвало другой ассоциативный ряд. Коля попытался прогнать видение. Оно не уходило. Яркая, вполне правдоподобная картина засела в мозгах и наслаивалась поверх воспринимаемой зрением окружающей действительности. Впечатление было столь неожиданным и резким, что человек мгновенно захотел в туалет. Коля бросился к ближайшим кустам, на ходу

расстегивая штаны. Невдалеке пожилая женщина гуляла с собакой, молодые мамы с колясками собрались в кружок и что-то оживленно обсуждали. Стянув до колен штаны и просвечивая белой задницей сквозь редкую листву, он затравленным взглядом озирался вокруг в нереальной надежде остаться незамеченным. Собачка затаивкала, реагируя на характерный тарахтящий звук, женщина отвернулась, придав лицу надменно-брезгливое выражение. Молодые мамы, отвлекшись от разговора и с опаской оглядываясь на белеющее в кустах пятно, покатали коляски в другой конец бульвара. «Блин», — подумал Коля и инстинктивно втянул голову в плечи.

Сильный естественный позыв притупил бредовые видения кладбищенских сюжетов. Облегчившись, Николай вновь представил мутящую взор панораму смерти. Сейчас галлюцинация отразилась на общем физическом состоянии организма. Стало тяжело дышать, зазвенело в ушах, резко подскочившее кровяное давление сдавило виски. Стало страшно. Непреодолимо страшно. «Я схожу с ума», — пришедшая мысль повергла в панику, Коля перестал что-либо соображать. Проходящий мимо старик черным пятном возник на тяжелом, мрачном визуальном фоне депрессивного состояния. Николай с криком шарахнулся в сторону, его колотило.

В каком-то помутненном, невменяемом состоянии, то и дело прячась за деревьями, непонятно для чего приседая на корточки, он добрался до Наташиного дома.

— Помоги мне, — говоря это, он пару раз прикусил язык. Руки ходили ходуном, безумный взгляд метался с одной точки на другую. Внезапно из носа пошла кровь. Стало легче.

Испугавшаяся было его вида девушка взяла себя в руки. Помогла раздеться, провела в комнату, уложила на диван. На вопросы, которые она задавала, Коля только мычал. Она измерила ему давление, прошла на кухню, где хранилась домашняя аптечка, вскрыла ампулу дибазола, поставила укол в руку. Через десять минут Николай крепко спал.

Занимаемая политическая должность депутата не позволяла Леониду Анатольевичу Дробышеву отдыхать в общедоступных питейных заведениях города. Финансовые возможности члена правления банка, помноженные на авторитет одного из руководителей криминальных структур, легко решали проблемы, связанные с уединением и элитарностью ресторана. Поэтому встреча происходила в небольшом загородном клубе, о существовании которого Михаил Дмитриевич раньше и не подозревал. Лес, природа, речка — тихое, уютное место. Кроме них в помещении находилось еще несколько благопристойных женщин с мужчинами, лица которых то и дело мелькали на местном телевизионном канале.

— Очень хорошо, что ты позвонил, Миша. Чертовски не хватает нормального дружеского общения.

Темно-синий костюм в легкую, едва уловимую полоску, светло-голубая сорочка, желто-синий галстук с замысловатым узором, даже издали тянущий на двухмесячную зарплату среднего гражданина, облачали крепкую фигуру старого армейского друга.

— Давай, за встречу!

Мужчины подняли рюмки с кристально чистой «Столичной».

— За встречу, Леня.

Они выпили, закусили упругими солеными рыжиками.

— Ну, хвастай. Как жизнь, Надя, сын? Давно не виделся, черт возьми. Как мы это допустили?

Общая атмосфера ресторана, богато уставленный стол с простой, но в то же время необыкновенно вкусной пищей настраивали на благодушный, неторопливый лад. Они говорили, закусывали, выпивали. Лицо Леонида Анатольевича раскраснелось, ослабленный галстук сбился набок.

— Вы перенесите нам все это на берег, поближе к воде, — сказал Дробышев подошедшему официанту. — Пойдем, Миша, на свежем воздухе посидим, душно здесь.

Они расположились на самом берегу реки, где среди

каменной им накрыли небольшой столик. Тишина и покой, только шум воды да далекие звуки музыки, доносящиеся из помещения ресторана.

— А помнишь, этот... как его, ну, тормоз-то, — Леонид, вспоминая, щелкал пальцами, — у полковника шапку спер.

— А... перед строевым смотром, когда он без шапки в строй вышел? Помню, помню. Ему летёха говорит: иди, мол, где хочешь шапку бери, у кого хочешь воруй, но без нее не возвращайся. Этот придурок через пять минут обратно бежит с довольной рожей, что-то за пазухой держит. Нашел? Надевай. Он полковничью папаху на голову и напялил. Смеху было! Стали разбираться, где взял. В туалете, говорит, темно, перегородки низкие. Он через нее заглянул, смотрит: на очке мужик сидит. Этот тормоз шапку сдернул и бежать.

Отхохотавшись, они вновь наполняли рюмки.

— Давай, за боевую молодость!

Потом снова вспоминали, иногда с печалью, но чаще с радостью. Плохое быстро забывается — память хранит в основном хорошее, доброе.

— ...нычку сделали, а сами забыли место. Потом смотрим: сержанты знакомую тушенку из конины поглощают. А что теперь сделаешь? Поздно.

Ха-ха-ха... Громовой мужской хохот распугал в окрестности всех птиц. Леонид Анатольевич, откинувшись на спинку стула, вытирал заплаканные глаза.

— Леня! — наклонившись вперед, Михаил Дмитриевич позвал низким шепотом. — Мне нужен ствол.

Этот тихий шепот странным образом перекрыл раскатистый смех друга.

— Ой, Мишка, ну и рассмешил ты меня.

Растянутое смехом лицо превратилось в постепенно сходящую на нет гримасу, в глазах обозначилась печаль.

Он протянул руку за бутылкой, разлил водку по рюмкам:

— Чтобы чаще встречаться, чтобы не забывать друг друга, Миша. Давай за нас, за наши годы, за нашу дружбу.

Минуту они сидели в молчании, с серьезными лицами уставившись в журчащую у самых ног воду. Наконец Леонид Анатольевич прервал затянувшуюся паузу:

— Иначе нельзя?

Михаил Дмитриевич печально покачал головой.

— Нет. Думал. Никак не получается. Слишком большой риск.

Снова пауза.

— Какие-то особые параметры?

— Нет, — Ермаков пожал плечами, — я не собираюсь вести войну. Отстрелялся — ушел.

Больше они этой темы не касались. Допивая оставшуюся водку, мужчины говорили о нынешней жизни. У каждого были свои проблемы. Депутат городской думы очень сетовал на нерадивых рабочих, которые никак не могли завершить строительство его нового коттеджа. Еще не мог решить, какую кафельную плитку выбрать: то ли итальянскую, то ли испанскую. Сплошные заботы.

Прощаясь, Леонид Анатольевич сказал:

— Завтра в двенадцать позвони. Скажу, куда приехать.

На следующий день, приглушая страшный выхлоп перегара жевательной резинкой, Михаил Дмитриевич садился на заднее сиденье тонированного BMW. Молчаливый парень в белой рубашке и строгом галстуке принял от него пять зелено-серых купюр с изображением Франклина, взамен протянул увесистый предмет, завернутый в белый непрозрачный пластиковый пакет.

— Пользоваться умеете? — парень разомкнул узкие губы.

— Вспомню.

Михаил Дмитриевич вышел из машины, закрыл дверь. В этот момент во внутреннем кармане затрещал телефон.

— Все нормально?

— Нормально, Леонид.

— Удачи.

В трубке раздавались короткие гудки отбоя.

Сергей повернул за угол, остановился, приглушая одышку. Худой, словно высосанный изнутри, с пепельным цветом лица, он представлял собой жалкое зрелище.

Впереди была пустота. Безысходность. Денег не было, и, что самое страшное, их неоткуда было взять. Полученная вчера за две кожаные куртки тысяча рублей вчера же и была проколота. Потом его опять били.

Два дня назад он пьянствовал в компании знакомых парней. Посреди разгула он вышел в туалет. В комнату больше не вернулся. Пропал, одним словом, и вместе с ним пропали две кожаные куртки. Пацанам не пришлось ломать голову над пропажей: и так все было понятно. Вычислить крысу тоже труда не составило. Вусмерть обколотый, не особо реагируя на внешние раздражители, он катался под пинками обворованных им парней по грязному, оплеванному полу подъезда. Его обшарили, но что взять с наркомана? От бессилия они еще попинали и ушли, оставив его валяться в луже мочи.

Сергей длинно сплюнул вязкой слюной и понес раскалывающуюся при каждом шаге голову дальше. «Где взять денег?» — сверлила мозги навязчивая мысль. И он в отчаянии оглядывался по сторонам.

Впереди стоял «Жигуленок» с прицепом, доверху набитым разным барахлом. Из раскрытой двери старого деревянного дома невысокий китаец носил тюки с национальным ширпотребом и утрамбовывал их в прицеп. Один из целлофановых кулей порвался, и из дыры призывно торчал рукав зимней куртки. В зомбированном состоянии, Сергей схватил за рукав, вытащил всю куртку, полностью раздирая непрочный материал упаковки, и бросился бежать.

— Эй, куда, стой.

Словно из-под земли перед ним вырос еще один, неизвестно откуда взявшийся, китаец. Не выпуская из руки ценнейшую вещь, Сергей с ходу саданул маленького человечка кулаком в широкое лицо. Что-то хрустнуло.

С сотрясением мозга средней степени и сломанной челюстью, китаец рухнул.

«Сейчас за дом, там знакомыми проходняками...» — насколько позволяли силы, Серега уходил с места преступления.

Есть закон, определяющий степень человеческого везения. В России он получил широкую известность как «закон бутерброда». В Америке он больше известен как «закон Мэрфи» или Мэрфология. Годами хранящаяся ненужная вещь, только вчера выброшенная, сегодня уже понадобится. Или выпавшие из кармана ключи обязательно закатятся в самый дальний и недоступный угол. Или потерянная вещь окажется именно в том месте, куда человек заглянет в самую последнюю очередь, или... Мэрфология — это свод законов, основанных на том, что если какая-нибудь неприятность теоретически может произойти, то она рано или поздно обязательно произойдет.

В полном соответствии с вышеописанным законом, проезжающая мимо машина отдела вневедомственной охраны среагировала на бегущего человека. Включив сирену, ОВОшники через минуту сковали браслетами заломленные за спину руки так и не успевшему убежать парню. Сзади раздавались возмущенные крики на непонятном языке.

Дальнейшее развитие событий пошло в одном, всем понятном направлении. Сквозь толстые прутья решетки «обезьянника» было видно, как молодая женщина с погонами лейтенанта милиции развернула для опознания куртку. Сзади красовалась надпись — «**aidas**». Не «**adidas**», а именно так — «**aidas**». Наполненным тушиковой тоской взглядом Сергей смотрел на эту чертову куртку, красная цена которой в базарный день — пятьсот рублей. Хотелось перегрызть эту решетку, а еще больше хотелось перегрызть себе вены.

Прошел суд. Действия Сергея квалифицировали по 162-й статье Уголовного кодекса — разбой. До сознания парня, находившегося в отрешенном состоянии, обличаю-

щие слова прокурора доходили, как сквозь толстый слой ваты. Из всего им сказанного Сергей понял, что именно он и есть причина всех людских бед, всех несчастий. Происходящее было столь фантастичным, столь нереальным, что казалось сном. Надо просто проснуться, открыть глаза и увидеть привычный пейзаж родной комнаты. Проснуться не получалось.

Сергей посмотрел в зал. Бледный, осунувшийся отец обнимал заплаканную мать. «Бред. Не может быть, не может быть», — единственная мысль вертелась, словно заезженная пластинка, в полной пустоте головы.

Равнодушный судья, скрывая зевок, зачитал приговор. Три года. Ничего не соображая, Сергей шел по мрачным коридорам, пропитанным человеческим страхом и безысходностью. Слово робот, делал то, что ему говорили. «Встать. Вперед. Стоять. Лицом к стене...» Осмысливать свои действия не было ни сил, ни желания, ни возможности. Единственное, что пробивалось через заторможенный рассудок и даже вызывало легкое удивление, — это отсутствие тяги к наркоте. Эмоциональное потрясение было столь сильным, что напрочь заглушило все остальные желания.

Словно вещь, его погрузили в душный, зарешеченный вагон; краснорожий прапорщик дал ему, безвольному, хорошего пенделя на прощание. Серега так до конца еще ничего не понял, до конца не верил, а колеса железнодорожного состава уже отматывали первые километры его первой ходки.

Спустя месяц кожа Сергея покрылась гнойными язвами, которые сильно чесались. На шее, за ушами, в паху вздулись шишки лимфоузлов. Изможденный, вечно пьяный врач отмахивался от него, как от надоевшей мухи. Наконец, выполняя опостылевшую, но необходимую работу, он взял кровь из заколотой вены.

Приговор врача не шел ни в какое сравнение с приговором судьи: «ВИЧ-положительно».

— Что это? — враз ослабевшим голосом промямлил Сергей.

— Это, братец, вирус такой, иммунодефицита.

— СПИД, что ли?

— Практически.

Новое потрясение вывело человека из сомнамбулического состояния. Он заплакал. «Как же так, Господи?» Опустив голову, Сергей понуро вышел из кабинета. Где-то играла музыка, до слуха доносились знакомые с детства слова некогда известной песенки: «Не надо печалиться, вся жизнь впереди, вся жизнь впереди, надейся и жди...» Слезы бежали по щекам, оставляя потеки на закопченном лице. «Всему конец. Ничего не остается. Господи, как хочется жить. Пусть здесь, в тюрьме, но жить. Дышать, двигаться, видеть солнце, небо и надеяться. Ничего нет, даже надежды». Он шел и вспоминал свою жизнь, вспоминал маму, отца, свой дом, учебу в университете. Все было, все складывалось так хорошо, все могло бы быть иначе. Ольга, ее измена, столько переживаний. Боже, какая мелочь. Мелочь, недостойная даже мысли. Как бы вернуть все назад? Больше всего на свете он хотел оказаться в родительском доме, проснуться в своей кровати от знакомого и родного голоса мамы. И все забыть. Все!

Только сейчас Сергей понял, что такое жизнь и какова ее цена. Если бы вернуться назад, он никогда больше не пробовал бы наркотик, никогда бы не делал ненужных, глупых вещей. Никогда. Жизнь — бесценна, все остальное по сравнению с ней — элементарный мусор. Он понимал это, понимал так, как мало кто понимает в этом мире. Эх, если бы вернуться назад... Сергей горько плакал, горько и жалобно скулил, словно потерявший маму, испугавшийся большого и неизвестного мира крохотный щенок.

* * *

Михаил Дмитриевич открыл глаза. Ему казалось, что он задыхается. Осторожно, чтобы не разбудить жену, он встал с кровати и вышел в большую комнату. Там, стоя возле открытой форточки, он сделал несколько глубоких вдохов, снимая с грудной клетки чудовищный пресс, который сжимал его легкие, заставляя бешено колотиться сердце. «Господи, что я делаю?»

Немного отдышавшись, Михаил Дмитриевич сел в кресло и долго смотрел куда-то вперед. Он смотрел сквозь стену, сквозь стоящий напротив дом. Он смотрел в прошлое. Постепенно глаза его наполнились слезами. «Дай мне силы, Господи. Как быть? Как сделать?»

Сильные переживания отразились на его лице. Не в силах совладать с ними, он встал, заходил по квартире взад-вперед.

С легким скрипом открылась дверь в Колину комнату. Темнота чуть разбавлялась далеким светом уличных фонарей. Отец сел на пол перед кроватью сына, положил влажное от слез лицо на пустую подушку.

Губы его что-то шептали.

Отец говорил со своим сыном.

Потом, включив ночник, Михаил Дмитриевич до самого рассвета смотрел Колин фотоальбом.

С первыми лучами солнца решение было сформулировано и озвучено.

Убить.

Константин Арефьев, включив сигнализацию, поставил машину под охрану. Под потолком гаража тусклая лампочка бликовала в зеркалах, а ее свет, падая на лобовое стекло, густел на тонкой трещине, образовавшейся от отскочившего камня. Арефьев сморщился. При дневном свете трещину было практически не видно, а здесь, в гараже, она ярким бельмом выделялась на стекле и ежедневно портила настроение. «Черт, — Арефьев зло сплюнул, — надо менять стекло, а еще лучше машину. Да, лучше машину. Взять «микрик», мест на восемь».

Коста давно уже хотел пересесть на микроавтобус и подрабатывать чековозом. Разумеется, свой бизнес не оставлять. Сейчас он реализовывал героин. Расширяя сферу влияния, часто приходилось подсаживать народ на иглу. Один, второй, третий новичок, плюс старая клиентская база. Так бизнес и делают. Своих он не оставлял, старался, чтобы гексом они затаривались у него. Иногда, особо строптивым, вкалывали насильно. И никуда они не девались, приносили

денежки в обмен на дозу. О том, что калечатся судьбы людей, он не думал. Бизнес есть бизнес. В результате, четыре-пять косарей в неделю он имел. Жить можно.

«Если взять микрик, — думал он, — можно в день по десять рейсов делать. А это восемь тысяч. Класс! Меня многие знают, здесь проблем не будет. Опасно, правда, но что сделаешь?»

Суть бизнеса заключается в следующем: по городу курсирует автобус до точки, где торгуют наркотой. По устоявшейся таксе с наркомана за доставку к точке берут столик. Один человек в машине — одна сотня, два — две, соответственно, восемь человек — восемь сотен.

Арефьев закрыл гараж и, подкурив сигарету, пошел домой. Идти надо было метров четыреста. Это если напрямую, через узкую дыру в заборе гаражного кооператива. Если же через ворота — получается круг метров в восемьсот. Далековато. Поэтому, развернувшись к дальнему, безлюдному углу гаражей, он стал привычно обходить оставшиеся после вчерашнего дождя лужи.

Темнело. Протиснувшись в щель забора, Коста оказался в зарослях диких кустов, которые местная шантрапа превратила в отхожее место. Стояла вонь, кругом валялись пустые банки, трещало под ногами разбитое стекло. Кроны кустов закрывали потемневшее небо, поэтому здесь была сплошная ночь. Арефьеву стало не по себе. Появилось такое же сосущее чувство, какое последнее время он испытывает по ночам, просыпаясь от одного и того же кошмара. Ему снится глухое, темное помещение без окон и полупрозрачные тени, которые летают вокруг него, совершенно голого. Иногда тени касаются его тела своей прозрачной плотью, и Коста чувствует смертельный холод этой плоти: холод, который доходит до самой души и замораживает ее. В этот момент появляется вопрос: «Будешь платить долги?» Он не слышит вопроса — тот просто возникает в голове, каким-то образом минуя органы слуха, поэтому у вопроса нет голоса. «Какие долги?» — удивленно спрашивает он. «Ты будешь платить долги?» — снова в голове рождается тот же вопрос. Коста стоит раздетый посреди комнаты и силится

отвечать на непонятный вопрос. Становится жутко, он начинает кричать и просыпается.

Арефьев отогнал наваждение и сделал первые шаги по глинистой, заваленной разным хламом тропинке. В темноте что-то щелкнуло. Человек, который хоть единожды слышал этот звук, уже никогда ни с чем его не спутает. Коста никогда не слышал характерного звука снимаемого предохранителя, но обостренное страхом сознание совершенно правильно истолковало этот щелчок. Мгновение — и Арефьев очень ясно понял, что сейчас произойдет. Не должно произойти, а произойдет. Когда в человека целятся из боевого оружия, между этими словами есть существенная разница. Тело парализовал животный ужас. Тут же пришло, казалось, неуместное здесь понимание вопроса из ночных кошмаров. Он хотел закричать, но смог только открыть рот.

Выстрела он не услышал, он его увидел. Яркая вспышка из темноты оборвалась тупым ударом в шею.словно молотком саданули. Пробив гортань, пуля застряла в позвоночнике, нелепо переломив шею. Арефьев вдруг оказался в уже знакомом, глухом и темном помещении без окон. Вокруг летали полупрозрачные тени... То, что недавно было человеком, кулем повалилось на вонючую грязь тропинки. А душа, оставив ненужное теперь тело, полетела оплачивать многочисленные долги.

Михаил Дмитриевич приблизился к телу. Бледный, наполненный сожалением глазами он смотрел на убитого им мальчика. Эта картина впечаталась в мозг: отныне она будет преследовать его до конца жизни. Со временем острота ее немного притупится, но не исчезнет полностью. Он будет просыпаться по ночам и долго сидеть на кровати, обхватив голову руками. Никогда больше не будет у него душевного покоя. Никогда. Михаил Дмитриевич был готов к этому. Он знал о душевных муках, когда покупал оружие, думал о них, когда выслеживал Арефьева, не забывал, когда посылал патрон в патронник, выключал предохранитель и нажимал на курок.

Мужчина спасал сына, он спасал надежду на излечение своего ребенка. Арефьев этой надежды ему не оставлял. «Сын мой, мой мальчик. Я спасу тебя, обязательно, чтобы содеянное мною не было напрасным. Верь мне», — шептал Михаил Дмитриевич, глядя на лежащее у его ног человеческое тело.

Где-то залаяла собака. Мужчина содрогнулся и быстрым шагом пошел прочь, подальше от этих кустов, подальше от этой грязной тропинки, посреди которой лежал убитый им человек. В открытый затопленный колодец он выбросил ненужное теперь оружие. Дай Бог, чтобы оно больше никогда не понадобилось. Через арку он попал во двор, прошел еще два квартала к парковке перед большим магазином. Здесь стояла его «Волга», но Михаил Дмитриевич, не взглянув на нее, вошел в стеклянные двери магазина.

— Что вы делали в этом районе? — возможно, спросят его сотрудники убойного отдела.

— Как — что? — ответит он, — в магазин ходил.

Первоначально Михаил Дмитриевич хотел даже разбить банку сока в магазине, чтобы привлечь к себе внимание.

— Да, был такой, неуклюжий. Урод, короче; он еще сок здесь разбил. Пришлось за ним убирать, — глядя на фотографию, ответит продавщица.

— А почему в этом районе? Ведь есть много магазинов гораздо ближе к вашему дому?

— Так я из больницы возвращался, по пути и заехал.

Действительно, он два часа отсидел с открытым ртом в стоматологическом кресле. Больница была платной, в городе котировалась, поэтому здесь вопросов быть не должно.

К счастью, ему не пришлось давать не выдерживающие никакой критики, наивные ответы. Этих вопросов ему просто никто не задавал. Арефьев был известен милиции, и убийство, совершенно справедливо, списали на внутренние разборки наркомафии.

На самом деле, Михаил Дмитриевич забыл про свой план. В магазин он пришел за водкой. Тело сотрясала мелкая дрожь, и, чтобы успокоиться, необходимо было вы-

пить. Через пять минут он завел свою машину и, отъехав в ближайший переулок, прямо из горлышка большими глотками пил лекарство для грешной своей души.

Постепенно дрожь прошла, он стал успокаиваться. И сразу на расслабленный мозг навалились воспоминания сегодняшнего дня.

Некоторое время он следил за Константином. Тот, заехав в гаражный кооператив, пропал. Михаил Дмитриевич обошел периметр забора и нашел щель, через которую, возможно, и выходил Арефьев. На следующий день его догадка подтвердилась. Мужчина подсчитал время между заездом красной «Тойоты» под шлагбаум ворот и выходом человека через щель. Потом тщательному хронометражу подверглось время, которое требуется, чтобы добежать от ворот до щели по внешней стороне забора. В результате, Михаил Дмитриевич имел еще семь-десять минут форы.

Сегодня, укрывшись в кустах, он дослал патрон в ствол, поставил оружие на предохранитель и стал ждать. Время текло убийственно медленно. От волнения в ушах появился посторонний шум. «Как бы не случился инфаркт или инсульт со мной, — пришла в голову дурацкая мысль. — Анекдот получится. Киллер умер от переживаний, ха-ха». Смешно не было совсем. Наконец светлое пятно щели в заборе заслонил человек. Арефьев! Михаил Дмитриевич отогнал все мысли о возможном раскаянии, о грехе убийства, все сомнения и колебания. Отогнал нерешительность и полностью сосредоточился на предстоящем деле. Наполненная мощным выбросом адреналина кровь шумела в ушах, перед глазами расходились какие-то светлые пятна. Он моргнул и выключил предохранитель. Арефьев остановился, испуганно вглядываясь в то место, откуда раздался щелчок. Указательный палец онемел. Михаил Дмитриевич поднял руку, совместил траекторию огня с точкой попадания. И в этот момент полностью успокоился. Плавно, как несколько дней назад на тренировке, согнул указательный палец. Прозвучавший выстрел отрезал все пути к отступлению, вывел мужчину в новое качество и навсегда лишил покоя.

Домой он пришел через час, пьяный. Устало развалившись в кресле, стал тыкать кнопки пульта дистанционного управления телевизором. Жена недовольно на него посмотрела:

— Ты еще. Одного мне мало, теперь муж запил.

Он махнул рукой.

— Коля не звонил?

Женщина покачала головой:

— Нет. Зато звонила эта сволочь, как его... Константин, — она знала, что Арефьев снабжает их сына наркотиком, — я ему сказала, чтобы не звонил больше, так он, гадина такая, хохотать в трубку стал. В милицию бы его сдать, что ли?

— Иди сюда, — Михаил Дмитриевич показал на широкий подлокотник кресла.

Надежда Антоновна уселась рядом, он обнял ее за плечи, прижал к себе.

— Он больше не будет звонить. И больше он не придет. Никогда.

Женщина удивленно посмотрела на мужа. Постепенно до нее дошло значение этих слов. Глаза испуганно округлились.

— Миша!

Он крепче обнял ее за плечи.

— Он не оставил мне выбора, — и, тяжело опустив голову, добавил, — теперь мне с этим жить.

* * *

Николай поспешно одевался. Как назло, рукав ветровки запутался и не позволял просунуть в него руку. «И черт с ним», — решил он и оставил один рукав болтаться.

— Коля, пожалуйста, не ходи. Пожалуйста, останься. Одумайся, ты же себя горишь.

Наташа с красными заплаканными глазами протянула руку, пытаясь его удержать. Он грубо отпихнул ее.

— Отойди, Наталья, по-хорошему отойди. Ты... — он поперхнулся, с трудом проглотил вязкую слюну, — ты не представляешь, что такое героин. Как его можно бросить?

Думаешь, все так просто? Не ходи, и все... Себя гроишь... Да плевать на это, плевать на себя. Все по-другому. Ни дышать не можешь, ни жить, ни черта не можешь без него. Ясно? Все ради него. А я ведь и тебя могу продать за дозу. Запросто. Поэтому все, Наташа. Прощай. И гони меня, если приду, не пускай.

Коля открыл входную дверь, сделал пару шагов, потом остановился. Развернувшись к девушке, он провел рукой по ее щеке.

— Спасибо тебе, и прости меня, раз уж так вышло.

Коля ушел, а Наташа опустила в прихожей на пол и горько заплакала.

Стояла ранняя осень. Листья начали менять цвет, своей желтизной подчеркивая ярко-синие краски осеннего неба. Уже вечерело, когда Николай добрался до знакомой квартиры, куда хозяева — муж с женой — пускали кого угодно за дозу героина. У Коли было девятьсот рублей, которые он стащил из кошелька Наташи, поэтому вопрос, где проводить сегодняшнюю ночь, не возникал.

Дверь открыл худой парень в вытянутой, грязной майке.

— Здорово, Колян. Принес?

Тот хлопнул себя по карману, согласно кивнул.

— Проходи.

Коля расплатился за ночлег, положив в трясущиеся руки четыре бумажных пакетика. В квартире стояла затхлая вонь человеческого пота, смешанного с пережаренным луком.

— Вы бы хоть форточку открыли, — крикнул Коля сосредоточенно набивающему вену хозяину.

— А? Форточку? Открывай.

На такие мелочи в этом наркопритоне никто не обращал внимания.

В комнате на разобранном диване лежали две уколотые девчонки в плавках и бюстгалтерах. Одна из них подняла голову, мутными глазами посмотрела на вошедшего. Во взгляде не было ничего, сплошная бессмысленность, пу-

стота и полное равнодушие к окружающему миру. Голова тяжело упала на подушку. Поворочавшись, она почесала живот, рука залезла под тугую резинку трусов, что-то почесала там. На некогда белой материи виднелось бледно-желтое пятно.

Уколовшись, Николай забылся в радужном полусне, из которого иногда выныривал, чтобы вновь ширнуться.

Те, кто сюда приходил, заботился только о наличии чеков в кармане, на остальное было наплевать. Поэтому, выходя из наркотического кайфа, они брали первый попавшийся, уже неоднократно использованный шприц и кололи себе вену. Если она была. Чаще кололи в так называемый «колодец» — оставшуюся от многочисленных инъекций незаживающую дыру.

Зябкий осенний рассвет Николай встретил, прячась за стволы деревьев возле своего подъезда. Нетерпеливым взглядом проследил, как отец с матерью уехали на работу, поднялся на этаж, открыл дверь своим ключом. Порывшись в холодильнике, сделал толстый бутерброд с вареной колбасой, наспех перекусил, запивая холодным чаем. Перед ним стояла вполне четкая задача. Надо достать денег. Во что бы то ни стало. Коля открыл тумбочку, где под шкатулкой всегда лежали деньги. Есть! Две, три... три тысячи семьсот. На всякий случай он прихватил толстую мамину цепочку и кольцо с черным жемчугом. Все то, что лежало в шкатулке.

Улыбаясь легкому встречному ветерку, поглаживая лежащую в кармане пачку денег, он шел на точку.

В тяжелом наркотическом угаре пролетела неделя. Коля потерял счет времени. День, ночь — какая разница. Главное — наркотик. С головой стали происходить странные вещи, которые он сам не мог объяснить. Она и не болела, и не было галлюцинаций, но что-то происходило. Она вроде как бы нагревалась изнутри. Николай вспоминал: раньше, стоя возле работающей микроволновой печи, он смотрел, как в ней готовится курица, постепенно покрываясь маленькими пузырьками закипающего сока. Очень

похожее происходило и с ним. Будто бы он закинул голову в микроволновую печь и чувствовал, как постепенно закипают мозги.

Вскоре деньги закончились, и он снова ковырялся в замке двери своей квартиры. Все было как во сне. Окружающий мир покрылся мутной пеленой, он же находился где-то наверху и смотрел, как двигается его тело.

Происходящие с головой изменения сказались на памяти. Коля вдруг обнаружил, что не может вспомнить элементарные вещи. Он даже не мог вспомнить, сколько ему лет. Сосредоточившись, он загибал пальцы, подсчитывая свой возраст. И сейчас, глядя на знакомую дверь, он тупо пихал ключи в замок. Они никак не хотели попадать в скважину. Николай не мог сообразить — какой ключ от какого замка. Наконец дверь открылась. На столе лежала записка. «Сынок, позвони домой. Мы тебя потеряли». Записка не всколыхнула никаких чувств в его душе. Отыскав в кладовке большой рюкзак, он положил в него видеомэгнитофон, новую «бошевскую» электродрель и покинул квартиру. Все украденное Коля сдал за полцены в ломбард. Счастливый, он снова опустился в свой искаженный мир, развалясь на грязном диване наркопритона. Домой он так и не позвонил.

* * *

Жизнь для Михаила Дмитриевича и Надежды Антоновны превратилась в кошмар. Оба понимали, что их сын усердно убивает себя, но сделать ничего не могли. Обзвонили всех его друзей и знакомых, обошли все места его возможного пребывания. Хотелось выть и плакать от горя и бессилия. Женщина так и делала — плакала и, кроме того, перестала следить за собой.

Они стали часто ругаться по пустякам. Причем ругань эта была не похожа на ссору двух любящих друг друга людей. Ругань была злая. С ненавистью в глазах они бросали слова, после которых зачастую нет обратного хода.

— Хватит! Хватит без умолку трещать по телефону. Ты что, занятия себе найти не можешь, кроме этой часовой,

бестолковой болтовни? Я тебе дело найду, — Михаил Дмитриевич раздраженно отшвыривал газету.

— Помолчи, а? Заткнись!

— Сама заткнись! Надоела ты уже, сил нет.

— Ну и вали отсюда, раз надоела. На свою рожу посмотри.

— Вот дура. Ты, оказывается, дура больная, как я этого раньше не замечал?

Они кричали друг другу оскорбительные слова, мужчина подносил к лицу женщины растопыренную ладонь. Но тронуть не смел. Потом Михаил Дмитриевич одевался и шел в гараж, по пути заходя в ларек, где покупал чекушку беленькой. Так было вчера, так было позавчера...

На этот раз ставший уже привычным сценарий нарушился. Он купил водку и, бормоча себе под нос злые слова, направлялся к гаражу.

— Миша!

Михаил Дмитриевич оглянулся. Рядом стоял замушеленный старик, испитая рожа которого что-то напоминала.

— Не узнал? Петя я, Селянгин, помнишь?

Михаил Дмитриевич в ужасе отшатнулся.

— Петька? Боже, что с тобой?

Этот столетний старик был его одноклассником. Сорок пять, сорок шесть лет. Как же так?

— Как же так? — озвучил он пришедший в голову вопрос.

— Жизнь такая. Ты это... может, выпьем, а? За встречу.

Михаил Дмитриевич справился со страшным удивлением, отрицательно покачал головой:

— Лучше бы мы с тобой не встречались.

Старик не проявил сожаления от этих слов.

— Может, дашь червонец? Я за твоё здоровье выпью.

— На, — Михаил Дмитриевич протянул ему чекушку, — а за мое здоровье пить не надо. Лучше за свое минералки попей. Впрочем, уже бесполезно.

Он смотрел в спину уходящего человека. Тот даже не попрощался. Схватил водку и заковылял своей дорогой, до

ближайшего забора, где эту бутылку и прикончит. Что-то изменилось, душу охватила тоска.

Через пару минут он звонил в двери своей квартиры. Щелкнул замок. На пороге стояла заплаканная жена. Это было обычным ее состоянием в последнее время.

— Надя, что с нами? Откуда такая злость? Наденька, прости меня. Прости мои слова, мою слабость, мое малодушие. Прости меня, дорогая, помоги мне не оскопиться.

Она кинулась к нему на шею:

— Это наш крест, Миша, нам его и нести.

Воистину, «быть одному — божественное благо, а благо человека — быть вдвоем».

Муж и жена. Быть вместе и в радости, и в горе. Испытания радостью закончились. Начались испытания горем, которое, разделенное пополам, легче перенести.

* * *

В дверь врезали новый замок. Коля долго ковырялся в нем ключами, пока не сообразил.

— Сволочи, — вырвалось у него. Больше всего на свете он ненавидел своих родителей.

— Ну и гады, — бормотал про себя и звонил в соседнюю дверь: — Тетя Лена, у меня дома никого нет, ключи оставил. Водички не дадите?

— Разумеется, дам. Проходи, Коля, не стой в дверях.

Соседка прошла на кухню, где зазвенела чашками. В прихожей на трюмо стояли флакончики с духами, на вешалке висели куртки, пальто. Быстро сунув в карман самую красивую, по его мнению, коробочку парфюма, он взял с верхней полки шкафа норковую шапку и покинул квартиру. Вышедшая через минуту со стаканом воды в руках соседка с удивлением разглядывала закрытую со стороны площадки дверь. Удивление было недолгим — вскоре обнаружилась пропажа. Михаил Дмитриевич возместил ущерб.

Совершенно потеряв голову от нехватки денег, Коля брался за любую работу.

— Вот такой повторитель надо, понял? От «Калдины», левый, не перепутай. На столытник, вечером принесешь — еще три сотни получишь.

Присев на корточки и воровато оглядываясь, Коля открывал шуруп, который держал повторитель левого поворота на автомобиле «Тойота Калдина». Наконец шуруп открутился и, проскочив между трясущимися пальцами, упал в свежий, недавно выпавший снег. Осталось вытащить повторитель из пазов... Сработала система охранной сигнализации автомобиля, над самым ухом завывла сирена. Паникуя, он резче, чем надо, выдернул повторитель из пазов. Сломался пластмассовый усик.

— Ты что, дурак? Тебе целый заказывали, а ты что принес?

— Ну... — он бестолково тыкал усиком в место облома на украденном предмете, — это... склеить можно, вот.

— Склеить? Совсем идиот. Пошел вон отсюда, денег не получишь.

Коля ушел. Хорошо, что столытник не забрали да пенделей не насовали.

Впереди, радуясь первому снегу, шла женщина и непринужденно размахивала сумочкой. Рядом никого не было, только две сгорбленные старухи болтали о чем-то своем. Коля разбежался...

— Украли... помогите... стой, сволочь, — полетел в спину надсадный крик.

Но он, разумеется, не остановился.

Вскоре его нашел отец. Посадил безвольного, обколото-го героинном, в машину, привез домой.

Мама плакала, отец что-то говорил, ругался, кричал, обнимал его, жалел. Коля ничего не понимал, лишь тупо мотал головой. Впервые за много дней он спал на чистой кровати. Утром отец ушел на работу, мама взяла несколько дней отпуска, чтобы караулить сына. Что делать, родители не знали. Но выпускать на улицу Николая было нельзя. Пусть придет в себя, поест, выспится. Входные двери закрыли на ключ, а не на защелку. Когда Надежда Антоновна пошла в ванную умываться,

Коля залез в карман ее пальто, нашел ключи и убежал из квартиры. Попутно прихватил все деньги из маминого кошелька.

В этом кошмаре прошла зима. Несколько раз Михаил Дмитриевич ловил сына, понуро бредущего по раскисшей весенней грязи, с мрачной решимостью усаживал его в машину. Но Коля убегал. На светофоре или повороте, когда отец сбавлял скорость автомобиля, он открывал двери и сломя голову скрывался в ближайшей подворотне. Однажды отец успел схватить его за воротник куртки, но тот, развернувшись, с такой силой ударил по руке, что пришлось отпустить.

— Знаешь, Миша, грех, конечно, так говорить, но я больше не могу.

Михаил Дмитриевич и Надежда Антоновна сидели вечером на кухне, пили чай и разговаривали. Тема для разговоров была одна. Уже много месяцев.

— Не могу больше так жить. Лучше бы Коля умер, — она разрыдалась. — Представляешь, до чего надо довести, чтобы собственному сыну желать смерти? Господи, прости, но больше я не выдержу. Один раз отплакать, отгравать, и все. Дай Бог, но мы еще сможем жить. Мы ведь молодые, Миша. А еще лучше, чтобы я умерла. Умерла и не видела этого кошмара. Скоро так, наверное, и будет.

Михаил Дмитриевич угрюмо молчал. Он думал о том же самом.

Надежда Антоновна ходила на собрание в «общество анонимных наркоманов».

— Мы должны признать, что есть вещи, которые сильнее нас. Мы ничего сделать не сможем. Признать и смириться. Надо научиться жить с этим. Жить, потому что ничего другого не остается.

На обратном пути она зашла в храм. Стоя перед святым образом, она страстно просила Господа: «Дай мне смирения».

Коля лежал с открытыми глазами и вспоминал непонятно почему вдруг пришедший в голову сюжет из другой, еще старой жизни. Наверное, даже не из его жизни.

Сдав школьные выпускные экзамены, они с Серегой стояли на автобусной остановке. Молодые, полные надежд, с искренним желанием учиться и работать, охваченные стремлением прогресса. Мимо, жестикулируя руками и оживленно болтая, проходили два мужичка.

— А Светка бутылку-то притащила и спрятала куда-то. Ну, думаю, бестия. Гадом буду, найду. Она только за дверь, к соседке побежала, я — раз, в шкаф с постельным бельем нырнул. Точно, там, родимая, я ее и стырил.

Мужичок с радостью похлопывал себя по карману, где выделялся легко узнаваемый предмет. Второй, поддакивая ему, радостно скалился.

Николай покачал головой. Услышанное вызвало огромный диссонанс с его настроением. Никчемные люди. Ни целей, ни интересов. Никчемно живут, никчемно состарятся и никчемно умрут. И толку от их жизни не будет никакого. Что за жизнь, для чего она такая? Коля повернулся к другу.

— Серега, обещай мне, что если я дойду до такого состояния, ты меня без сожаления убьешь.

— Обещаю. И ты меня тоже. Потому что чем так жить, лучше умереть.

Романтики, они скрепили обещание рукопожатиями.

«Где ты, Серега? Как мне тебя сейчас не хватает с твоим обещанием!»

Коля тяжело поднялся с дивана, стал одеваться. Впереди маячил новый день со старым, до отвращения однообразным вопросом: где взять денег? Мимо прошла совершенно голая хозяйка наркопритона. Валяющиеся в кайфе по разным углам квартиры парни не обращали на ее наготу никакого внимания. Женщины их не интересовали. Разве что вначале, когда, пустив шар по вене, они приходили в возбужденное состояние, — тогда девушка нехотя похрюкивала под очередным посетителем. Она не была проституткой, просто все ей было до фонаря, как и ее опустившемуся

мужу-идиоту, который равнодушно, осоловелым взглядом следил, как пользуют его жену все кому не лень.

Коля осмотрелся. Опостылевшие оплеванные стены, затхлая вонь грязного, давно не стиранного нижнего белья, дебилские рожи торчков. Стало смертельно тоскливо, душа сжалась от понимания всеобъемлющего краха, ужаса окружающего, от понимания оконченности всего. Его затошнило и тут же вырвало. По комнате распространился характерный кислый запах блевотины.

— Э, Колян, убирай за собой. Тут тебе не свинарник, — сказал похожий на высушенную мумию хозяин, убого скрючившийся в углу кровати.

— Не свинарник?

Коля постоял еще с минуту посередине комнаты, впитывая в себя ненавистную картину, потом подошел к лежащему парню и начал его бить. Тот, сделав вначале пару нервных движений, только мычал. Картину избиения равнодушно наблюдали окружающие, в том числе и его жена. Всем — наплевать. Николай бил его со всей силы, вкладывая в удар ненависть к собственной жизни, к надоевшему миру. Он бил его до тех пор, пока не закружилась голова. Убил он человека или не убил? Вопрос не родился. Все это так несущественно. Хозяин квартиры перестал мычать; тяжело дыша, он пускал кровавые пузыри.

Возле подъезда стоял тринадцатилетний мальчик, которого кто-то из Колиной наркоманской компании усиленно подсаживал на иглу, лепил из него обезьяну. Глупому пацану льстило, что такие взрослые парни называют его ко-рефаном, жмут руку, обещают защиту. Все это заставляло его гордо поднимать подбородок и совать голову в свитую для него петлю. Сам по себе этот пацан никого не интересовал, но у него были обеспеченные родители, дом, полный разной аппаратуры. Подсядь этот парнишка, и всему притону можно месяц не ломать голову над наркоманским вопросом.

Увидев Николая, мальчик протянул руку.

— Здорово, Колян. Где вся братва?

— Ха! Братва!

Коля представил навязчиво почесывающуюся «братву» с обоссанными штанами, потому что сфинктер мочевого пузыря имеет обыкновение непроизвольно расслабляться в состоянии зависания.

— Беги отсюда, пацан. Беги без оглядки, — Коля взял его за локоть и отводил подальше от подъезда, — беги, пока не поздно. Нет у тебя здесь друзей! И вообще, у нас нет друзей, есть только наркотик, за дозу которого продадим любого человека. Поэтому беги, и никогда больше не возвращайся. Здесь тебя хотят убить. Понял? Убить!

Мальчишка удивленно моргал, а Коля вдруг обнял его за плечи:

— У тебя есть возможность жить, надеяться и ничего не потерять. Не упусти эту возможность, она важнее всего на земле. Беги.

Коля шел по городу, улыбаясь утреннему летнему солнцу. Душа освобождалась от оков, становилась свободной, и это новое, ни с чем не сравнимое чувство свободы радовало человека, растягивало в улыбку податливые губы. Словно из темной норы он выбрался наконец к долгожданному свету.

Рядом стоял его дом. Коля повернулся, взглянул на родные, с детства знакомые окна. «Наверное, мама готовит папе завтрак, потом они сядут пить кофе. Да, они очень любят кофе по утрам». На миг им овладело давно ушедшее чувство внутреннего покоя, уверенности и стабильности, когда он просыпался утром от маминого голоса и шел на кухню завтракать. Вся семья собиралась вместе, было очень хорошо и комфортно. Семья... Какое надежное слово. И ничего его тогда не беспокоило, не было никакой душераздирающей тяги ни к чему, кроме как к самой жизни.

Коля двинулся дальше. У него не было никакого плана: он просто шел, подчиняясь внутреннему зову. Куда он его приведет?

В кармане звякала мелочь. Николай ускорил шаги. Нужно было успеть на восьмичасовой садоводческий автобус.

Через сорок минут он, спрятавшись за кустами сирени, наблюдал за некогда родной дачей. Там копошились незнакомые ему, чужие люди. Какой-то мужик пил чай на его месте в беседке. Коля ни о чем не жалел. Такова жизнь, что ж поделать. Старое уходит, на его место приходит новое, к сожалению, не всегда лучшее, чем старое.

Спускаясь по знакомой тропинке к речке, он удивлялся свежести воздуха, наполненного запахом хвои. Полной грудью он пил этот воздух, наслаждался им. Река, как и прежде, шумела на перекатах, образуя ближе к берегу тихую заводь, куда они с отцом забрасывали свои удочки. Коля присел на поваленное дерево, которое наполовину уходило в воду. Именно с него он всегда и рыбачил. Чуть левее чернело старое костровище. Память воскресила образы далекой жизни, душу охватила тоска. Как было хорошо здесь! Наверное, самые счастливые моменты жизни прошли в этом тихом месте. И папа... Тогда они были лучшими друзьями. Сын и отец.

Постепенно тоска переросла в какое-то беспокойство. Оно никак не было связано с наркотиками, природа его была совершенно другой. Будто ожидание чего-то, то ли хорошего, то ли плохого — не поймешь. Николай прислушался к себе, отвлекаясь от внешнего мира. Беспокойство переходило в другую стадию: становилось тяжелым.

Невдалеке на раскидистой сосне Коля со своим дачным другом Лешкой давным-давно, в детстве, оборудовали штаб. Метрах в пяти от земли, на сосновых ветках, были проволокой примотаны перекладыны, на которых они сидели, рядом — ящик, в который складывались всякие нужные в те времена штучки. Стараясь отвлечься от тяжелого чувства, Коля, ухватившись за нижнюю ветку, подтянулся и легко забрался до уровня штаба. В ящике лежали старый проржавевший нож, алюминиевый бидон с привязанной к нему ярко-оранжевой альпинистской веревкой. Веревку эту, даже с мощным карабином, притащил откуда-то Лешка, ее привязали к бидону и приспособили для поднятия стащенных с соседских огородов яблок и груш.

Беспокойство стало невыносимым. Николай нервно озирался по сторонам, облизывал пересохшие губы. К нему примешивались смертельная тоска, стыд и чувство собственной неуместности. Внезапно до Коли дошло, что впереди у него ничего нет. Он пришел на место, пропитанное его же прошлым духом, который жил стремлениями, надеждой. Дух этот жил будущим, и каждая веточка, каждый камень в этом месте, напоминал о большой и долгой жизни. Столь разительное противоречие между Колей прошлым и им же настоящим и породило это тяжелое безысходное чувство. Все стало ясно. Впереди одна грязь, трясина, болото, одиночество и пустота. Жить дальше стало невозможно.

Николай щелкнул карабином, отсоединяя веревку от бидона. Второй ее конец был надежно привязан к толстой ветке. Просунув в щель карабина часть веревки, он сделал импровизированную петлю, надел ее на шею. Тяжелое чувство мгновенно прошло. Стало вновь спокойно и легко, как в детстве. «Я лишний в этом мире. Что ж, впереди новое, неизведанное».

Все кончено. Коля заплакал, слезы текли по щекам, попадали в рот, мешали дышать. Побелевшие от напряжения пальцы, которыми он вцепился в ветку, стали медленно разгибаться. Он зажмурился, до боли зажмурился и сделал шаг в пустоту.

Он увидел себя маленьким, раскинувшим руки и бегущим навстречу маме, которая пришла забирать его из детского садика. Рядом другие ребятишки. Мама... самая родная. Вот он постарше. От сосредоточенного напряжения прикусив нижнюю губу, выводит на бумаге цветными карандашами неуклюжие еще буквы — поздравление маме с днем рождения. Потом вытряхивает из копилки деньги, которые собирал на велосипед, чтобы купить ей цветы.

А вот он, испуганный, лежит на кровати в больнице, и в открытую дверь входят его родители. Они садятся рядом, страх проходит, вместо него душу охватывают покой и понимание, что все будет хорошо.

Рыбалка с отцом, кружка горячего ароматного чая с листьями смородины, заваренного на костре в походном котелке. Чай согревает изнутри, становится тепло и надежно. Папа что-то говорит, и его слова, чуть приглушенные рокотом речной воды, приносят покой и стабильность. Папа рядом, он такой родной и сильный, а значит, все будет хорошо.

Колин день рождения, подарок папы в большой коробке. С замиранием сердца он распаковывает картон и видит свою мечту — компьютер. А родители стоят рядом, обнявшись, и в глазах светится радость за своего сына.

Все это сопровождается упоительным чувством полной свободы, непоколебимой верой в будущее и внутренним покоем. Нет ничего навязанного, никаких рабских пристрастий.

Теперь маленькая девочка с забавно торчащими косичками и букетом ромашек в крошечных кулачках бежит по полю. Все ее существо дышит свежестью и восхищением большим миром. Искренним восхищением, которое может быть только у детей. Коля улыбается этой девочке, он знает ее. Это его дочь. Не родившаяся дочь. Слово «не родившаяся» больно ранит сердце. Появляется чувство огромной утраты, чувство непоправимости, банальное и невыполнимое желание: вернуть бы все?

В этот момент натянувшаяся петля ломает ему шейные позвонки.

* * *

Господи, какое горе родителям хоронить своих детей! Сколько боли в их глазах, сколько отчаяния! Что впереди у них? Крах, пустота и вечная скорбь.

Михаил Дмитриевич и Надежда Антоновна медленно брели по размытой вчерашним дождем кладбищенской дороге.

Мужчина слушал тишину. Здесь всегда тишина, лишь изредка вскрикнет потревоженная ворона да ветер прошепестит листвой деревьев. Людской гомон произвольно за-

тухает, головы смиренно опускаются из уважения к Неизвестному и Неизбежному. Здесь властвует покой.

Михаил Дмитриевич слушал этот покой, слушал тишину и боялся отвлечься. Боялся потому, что мысли неизбежно приведут в душную тесноту его дома. Дома, где больше никогда не будет их сына. Впереди долгие, наполненные непролазной тоской и горькой водкой дни. На что-то другое нет ни сил, ни желания.

Женщина медленно брела рядом, держа за руку мужа. Постаревшая, с опухшими от слез глазами, она смотрела внутрь себя и медленно шевелила губами.

Их обоих терзали одни и те же вопросы. Что мы сделали не так? Что мы не доделали? Где мы ошиблись? Эти вопросы станут их новым кошмаром. Они будут поднимать их среди ночи, не давать покоя днем, отнимать оставшееся здоровье. Мужчина будет находить слабое успокоение в алкоголе, женщина — в слезах. Отныне, сколько бы ни прошло времени, память всегда будет возвращать их на эту размытую дождем дорогу, ведущую к могиле сына.

Подсознательно они оба искали повод где-то задержать-ся, прийти домой как можно позже. Вид занавешенных зеркал и обрамленная черной рамкой фотография Коли выжимали до предела душу. Теперь этот дом всегда будет пустым. Никогда в нем не зазвенит детский смех. Ни детей, ни внуков.

«Мы же молодые, — подумала Надежда Антоновна, — сорок три и сорок шесть. Мы еще сможем родить ребенка». Мысли вновь перескочили в прошлое. Она вспомнила маленького Колю, его игры во дворе с ребятами. С ребятами... Страшная мысль пронзила сознание, женщина замедлила шаги.

— Миша! Миша, что происходит? Кто убивает наших детей? Чья злая воля делает это?.. В нашем дворе было четверо ребятешек, Колиных сверстников. Катя — спилась совсем, Сережа в тюрьме — говорят, СПИДом болеет, Кирилл на войне убили, теперь вот Коленька наш. Никого из детей не осталось. Кто нас так, за что? Или это наш двор какой-то несчастный?

— Надя, Надя, гляди... — Михаил Дмитриевич остановившимся взглядом смотрел на ровный строй недавно поставленных надгробий. — Вот...

Надежда Антоновна подошла ближе, прищурилась. Через мгновение лицо исказила гримаса ужаса, ладошка прижала губы, заглушая рвущийся наружу крик.

Молодой, совсем еще детский взгляд ясных глаз: Горбунов Максим Андреевич 1983 г. — 2000 г.

Светловолосый мальчик с печальной, немного натянутой улыбкой. Казалось, человек заранее знал, где будет висеть этот портрет: Кожевников Егор Петрович 1981 г. — 1999 г.

Симпатичная, чуть курносая девушка с легким наклоном головы: Ольхова Анастасия Юрьевна 1982 г. — 2000 г.

Молодой человек в строгом костюме и полосатом галстуке. Прямой, уверенный взгляд немного раскосых глаз в тонкой желтой оправе очков: Нефедов Сергей Иванович 1979 г. — 1998 г.

— Господи, Господи... — Надежда Антоновна крепче сжала локоть мужа. — Словно война прошла. Убийцы, убийцы...

А впереди, насколько хватало взгляда, тянулись ровные ряды свежих могил с цветными портретами на гранитных надгробиях. Имена людей прыгали в помутневших глазах русской женщины, перемешивались, наслаивались друг на друга, пока не слились в один нескончаемый роковой поток.

...Олейникова Светлана, 17 лет. Храбрых Андрей, 21 год. Рикаш Антон, 16 лет. Аксенова Наталья, 19 лет. Савин Дмитрий, 24 года...

Илья Аксаментов
ВОТ ТАК

Отпечатано в типографии